

ФЕДЕРАЛЬНОЕ ГОСУДАРСТВЕННОЕ АВТОНОМНОЕ
ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЕ УЧРЕЖДЕНИЕ ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ
«НАЦИОНАЛЬНЫЙ ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКИЙ НИЖЕГОРОДСКИЙ
ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ ИМ. Н. И. ЛОБАЧЕВСКОГО»

На правах рукописи

Иванова Елена Сергеевна

**РИМСКИЕ ЦЕНТУРИОНЫ ЭПОХИ ПРИНЦИПАТА: НЕВОЕННЫЕ
ФУНКЦИИ И СОЦИАЛЬНЫЙ СТАТУС**

Научная специальность
5.6.2 – Всеобщая история (исторические науки)

Диссертация на соискание ученой степени кандидата
исторических наук

Научный руководитель:
доктор исторических наук, профессор,
Махлаюк А. В.

Нижний Новгород – 2026

Оглавление

ВВЕДЕНИЕ	3
ГЛАВА 1. НЕВОЕННЫЕ ФУНКЦИИ РИМСКИХ ЦЕНТУРИОНОВ	41
§1.1. Римские центурионы как агенты императорской власти: делегированные полномочия и судебные функции	44
§1.2. Римские центурионы как агенты императорской власти: дипломатические функции	60
§1.3. О роли центурионов в ритуалах армейской религии и отправлении императорского культа	70
§1.4. Карьера римского центуриона: от военного командования к управлению империей	83
§1.5. «Теневые» аспекты деятельности центурионов: политические убийства и злоупотребления полномочиями	100
ГЛАВА 2. СОЦИАЛЬНЫЙ СТАТУС И СОЦИАЛЬНЫЕ ОТНОШЕНИЯ РИМСКИХ ЦЕНТУРИОНОВ	116
§2.1. Образ центуриона в античной литературе	117
§2.2. Формы саморепрезентации центурионов в публичном пространстве	132
§2.3. Межличностные отношения римских центурионов: патронат, клиента, дружба	144
ГЛАВА 3. БРАК И СЕМЬЯ В ЖИЗНИ РИМСКИХ ЦЕНТУРИОНОВ	162
§3.1. Ius conubii римских центурионов	162
§3.2. Внутренние отношения в семьях центурионов	188
ЗАКЛЮЧЕНИЕ	209
СПИСОК ИСТОЧНИКОВ И ЛИТЕРАТУРЫ	214
СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ	244
ПРИЛОЖЕНИЯ	249
Приложение 1. Папирусные документы	249
Приложение 2. Оригинальные тексты латинских и древнегреческих надписей, процитированных в работе	259
Приложение 3. Визуальные источники	270

ВВЕДЕНИЕ

Актуальность темы исследования. Изучение невоенных функций римских центурионов, их общественного статуса и социальных отношений в эпоху Принципата представляется актуальным по нескольким причинам. Прежде всего, необходимость подобного исследования связана с тем особым образом центурионов как искусных воинов, элиты вооруженных сил, который сложился в историографии и закрепился благодаря выразительным метафорам историков XX в. Так, Г. Дельбрюк называл этих офицеров «стержнем легиона»¹, а Р. Сайм считал их «опорой и главной движущей силой римской армии»². При такой профессиональной характеристике неудивительно, что невоенные стороны жизни центурионов, включая их взаимоотношения с гражданским обществом³ или культурно-образовательную деятельность, редко оказываются предметом исследования в историографии⁴. Однако обращение к данным вопросам может способствовать более глубокому пониманию фундаментальных принципов римской государственности. Для подтверждения этого тезиса стоит обратиться к монографии французской исследовательницы Ж. Нели-Клеман, посвященной бенефициариям — особой категории римских солдат, служивших при наместниках провинций непосредственно в их канцеляриях (*officium*) или исполнявших функции их представителей на контрольных пунктах в регионах провинции (*stationes*)⁵. Преимущественно на основе эпиграфических источников Ж. Нели-Клеман изучила административные и экономические функции

¹ Delbrück H. *History of the Art of War*. Westport, 1975. Vol I. P. 429–436.

² Syme R. *The Roman Revolution*. Oxford, 1939. P. 395. Ср.: Frézouls E. *Le Commandement et ses Problèmes // La Hiérarchie (Rangordnung) de l'Armée romaine sous le Haut-Empire. Actes du Congrès de Lyon (15–18 septembre 1994) / Ed. Y. Le Bohec*. P., 1995. P. 163: «Центурионат действительно был краеугольным камнем императорской армии».

³ Сочетание «гражданское общество» используется в данном случае не как правовой термин, а в значении «коллектив граждан», «совокупность граждан» для противопоставления военному обществу империи.

⁴ Ward G. A. *Centurions: The Practice of Roman Officership*. Diss. University of North Carolina. Chapel Hill, 2012. P. 4. См. также наш обзор историографии по теме в: Иванова Е. С. Центурионы в государственном управлении Римской империи: обзор историографии и постановка проблемы // Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского. 2022. № 6. С. 8–16.

⁵ Nelis-Clément J. *Les Beneficarii: Militaires et Administrateurs au Service de l'Empire (Ier s.a. C. – VIe s.p. C.)*. Paris: Bordeaux, 2000.

бенефициариев, их участие в городской жизни, а также корпоративные и семейные связи. Одним из важных положений исследовательницы является утверждение о несменяемости бенефициариев. Если наместники выполняли обязанности в провинции только ограниченный период времени, то бенефициарии сохраняли свою должность на одной и той же территории даже при смене руководителя. Кроме того, должность бенефициария отличалась весьма незначительными перспективами карьерного роста, поэтому обычно эти военнослужащие все годы до выхода в отставку проводили в пределах одной провинции⁶. Несменяемость бенефициариев позволяет предположить, что они были хорошо знакомы с экономическими, социальными и культурными особенностями провинций, что давало возможность наместникам, не обладавшим подобными знаниями, полагаться на их опыт при решении местных проблем⁷. Таким образом, заключает Ж. Нели-Клеман, именно бенефициарии приносили элемент стабильности в систему провинциального управления⁸. Так, исследование Ж. Нели-Клеман, посвященное конкретной группе военнослужащих, позволило выявить один из инструментов, обеспечивавших устойчивость и продолжительность существования Римской империи, несмотря на рудиментарность ее бюрократического аппарата⁹. В связи с более высоким (в сравнении с бенефициариями) социальным статусом центурионов и их блестящими перспективами карьерного роста¹⁰ представляется, что применение подхода Ж. Нели-Клеман при изучении невоенных функций этих офицеров и создание подобного

⁶ Ibid. P. 213–214.

⁷ О роли служащих канцелярий наместников провинций в решении местных проблем см.: Bérenger A. *Le Métier de Gouverneur dans L'empire Romain: de César à Dioclétien*. Paris: Éditions de Boccard, 2014. О деятельности провинциальных наместников в целом см.: Смышляев А. Л. Вступление наместника в провинциальный город (церемония *adventus* по Ульпиану) // ВДИ. 1991. №4. С. 106–117; Он же. *Civilis dominatio*: Римский наместник в провинциальном городе // ВДИ. 1997. №3. С. 24–35. Он же. Римский наместник в провинциальном городе: *otium post negotium* // ВДИ. 1999. №4. С. 59–70; Он же. «Правление по-граждански» в представлении греческих писателей и в практике римской власти // Исторический вестник (Рим: *dominatio civilis*. Под общ. ред. А. Л. Смышляева). 2017. Вып. 19. С. 10–49.

⁸ Nelis-Clément J. *Les Beneficarii: Militaires et Administrateurs au Service de l'Empire* (Ier s.a. C. – VIe s.p. C.) ... P. 213–214.

⁹ Garnsey P., Saller R., Elsner J. *The Roman Empire: Economy, Society and Culture*. Oakland: University of California Press, 2015. P. 35.

¹⁰ О карьерных перспективах центурионов см.: Dobson B. *The Primipilares of the Roman Army*: PhD Diss. / Durham University. Durham, 1955.

комплексного исследования, раскрывающего роль центурионов как управленцев и исполнителей особых поручений общественного (а нередко и политического) характера, позволит не только лучше понять особенности функционирования системы провинциального управления, но и раскрыть механизмы процесса обновления элит в Римской империи.

Исследование невоенных аспектов деятельности центурионов, их социального положения и социальных связей также представляется актуальным в контексте тенденций развития современной историографии римской армии. В конце 1980-х гг. благодаря трудам Р. МакМаллена, Г. Альфёльди, Я. Ле Бозка и Ж.-М. Каррие в исторической науке сформировался новый подход к изучению римской армии¹¹. Этот подход предполагает рассмотрение римской армии не как безликой военной машины, а как специфического сообщества или даже группы сообществ¹². При таком рассмотрении внимание исследователей смещается с анализа формальных военных структур на изучение межличностных отношений, культурных традиций и ценностных установок, а также социальных норм, формировавших основы римской армии¹³. На современном этапе эти аспекты изучаются преимущественно на локальном уровне с учетом региональной специфики и особенностей, характерных для разных родов войск¹⁴. Также новым объектом исследования становятся малые

¹¹ MacMullen R. The Legion as a Society // *Historia: Zeitschrift für Alte Geschichte*. 1984. Bd. 33. 4. P. 440–456; Alföldy G. Das Heer in der Sozialstruktur des römischen Kaiserreiches // *Idem. Römische Heeresgeschichte: Beiträge 1962–1985*. Amsterdam, 1987. S. 26–42; Le Bohec Y. *La IIIe légion Auguste*. Paris, 1989; *Idem. L'armée Romaine sous le Haut-Empire*. Paris, 1989; Carrié J.-M. *Il Soldato / L'uomo Romano* / Ed. A. Giardina. Bari, 1989. P. 105–106.

¹² Haynes I. Introduction: the Roman Army as a Community // *The Roman Army as a Community* / Ed. A. Goldsworthy and I. Haynes. Portsmouth, 1999. P. 7.

¹³ *Ibid.*

¹⁴ См., например: Coopey E. *Fratres Romani in Dalmatia: the Social Dynamics of Legio VII and the Construction of Community and Identity through Roman Funerary Monuments: Master Thesis*. Sydney: Macquarie University, 2021; Wood E. *Roman Military Finds from Non-Military Contexts in South-East England and the Role of the Roman Army in Romano-British Society: PhD Diss.* / King's College London. London, 2023; Crizbasan C. *Moving Communities and Changing Ceramics: The impact of Batavian auxiliaries across the Roman Empire: PhD Diss.* University of Exeter. Exeter, Devon, 2023; Greene E. M., Harvey C. A. *Military Communities from East to West: Understanding Local Contexts and Responses at Dura-Europos and Vindolanda* // *Dura-Europos: Past, Present, and Future* / Ed. L. R. Brody, A. H. Chen. Turnhout: Brepols, 2025. P. 198–200; Driel-Murray C., van. *The Men of Dura-Europos: A Demographic Profile of the Cohors XX Palmyrenorum* // *Relativism and the Frontiers of Empire:*

социальные группы, которые были частью военного сообщества, но не исполняли непосредственно военные обязанности. Среди представителей таких групп можно выделить женщин, детей, рабов и вольноотпущенников, которые жили в военных лагерях или прилежавших к ним поселениях и имели регулярные контакты с военнослужащими¹⁵. Несмотря на распространенное стремление исследователей подчеркнуть многообразие групп внутри римской армии и их попытки воссоздать детализированную картину социального опыта римских военных, продолжают и поиски общих черт, характерных для всего римского военного сообщества, выделявших его среди гражданского населения империи¹⁶ и отличавших его от военных организаций пост-римского мира¹⁷. Среди институтов, способствовавших формированию единой воинской идентичности, в этих исследованиях особо выделяют официальную армейскую религию и культ знамен¹⁸. В завершение рассмотрения историографического контекста данного исследования стоит отметить, что его общая направленность на изучение конкретного сообщества центурионов внутри римской армии, а также обращение к вопросу взаимоотношений этого сообщества с женщинами, детьми, рабами и вольноотпущенниками в рамках отдельной главы, с одной стороны, соответствуют общей тенденции развития современной историографии. Однако, с другой стороны, предпринятые попытки также определить роль центурионов в формировании общевойинской идентичности и корпоративного духа сближают эту работу с более традиционным подходом изучения римской армии как

Critical Perspectives on Roman Soldiers, Communities and Military Landscapes / Ed. A. Walas, A. Birley. Bicester: Archaeopress Publishing Ltd, 2025. P. 170–179.

¹⁵ См., например: Maunder P. Families of the Frontier: The Role of Women and Children in Roman Military Communities on Hadrian's Wall: Master Thesis / The University of Queensland. Brisbane, 2025; Linden-High A. C. Enslaved and Freed Persons in Roman Military Communities Under the Principate (27 BCE–284 CE): PhD Diss. Duke University. Durham, 2020; Greene E. M. Roman Military Communities and the Families of Auxiliary Soldiers // *New Approaches to Greek and Roman Warfare* / Ed. L. L. Brice. Hoboken: John Wiley & Sons, Inc., 2020. P. 149–160.

¹⁶ Armstrong, J., Fronda, M. P. *Romans at War: Soldiers, Citizens, and Society in the Roman Republic*. Milton Park, 2020.

¹⁷ Loschiavo L. *The Civilian Legacy of the Roman Army: Military Models in the Post Roman World*. Leiden: Brill, 2024.

¹⁸ Martínez R. E. *Signa Militaria y Esprit de Corps: La Función del Elemento Simbólico-Religioso en la Construcción de la Identidad del Soldado Romano Republican* // *Bandue. Revista de la Sociedad Española de Ciencias de las Religiones*. 2022. № 14. P. 117–136.

единого сообщества. Такое объединение подходов может способствовать более глубокому пониманию тех социальных практик и институтов, благодаря которым римская армия с ее сложной иерархической структурой, разнообразием родов войск и неоднородностью их социального и этнического состава, сохраняла свое единство и приверженность римской традиционной военной культуре.

Таким образом, актуальность данного исследования определяется необходимостью постановки целого ряда новых проблем, касающихся как публичной деятельности, так и частной жизни центурионов, изучение которых способствует более глубокому пониманию фундаментальных вопросов функционирования римской армии, структуры римского общества и государства в целом. Постановка и изучение этих новых вопросов представляются тем более своевременными в связи с тем, что подобная проблематика соответствует общим тенденциями развития современной исторической науки.

Объектом исследования являются римские центурионы как особое профессиональное сообщество, объединяемое общими должностными обязанностями и местом в армейской иерархии, схожими условиями жизни, специфичными традициями и ментальностью.

Предметом исследования выступают судебные, административные, дипломатические, политические и религиозные функции центурионов, характеристики их социального статуса, ценностные ориентации, социальные отношения и связи этих офицеров¹⁹.

Цель исследования заключается в реконструкции социального портрета римских центурионов и определении их положения и роли в общественных, государственных и идеологических структурах Римской империи.

Достижение данной цели предполагает решение следующих **задач**:

¹⁹ Данные аспекты публичной деятельности и частной жизни центурионов могли иметь свою специфику в разных видах военных подразделений. В некоторых случаях подобную специфику возможно распознать в источниках. В ходе проведения исследования был выявлен ряд особенностей для центурионов из преторианцев и вспомогательных войск, что отражено в основном тексте работы. В целом же, выводы исследования распространяются как на легионных центурионов, так и на офицеров из других видов войск с учетом выявленных особенностей.

- выделить и проанализировать формы участия центурионов в судебной, административной и дипломатической деятельности, определить влияние этого опыта на последующее развитие их карьеры;
- показать роль центурионов в ритуалах армейской религии и отправлении императорского культа, проследить воздействие этих религиозных мероприятий на формирование корпоративной идентичности рядовых солдат и укрепление их лояльности императору;
- исследовать литературный портрет центурионов как выражение общественного мнения об этой социальной группе и сопоставить его с формами репрезентации самими центурионами собственного образа в общественном пространстве;
- рассмотреть социальные связи центурионов с целью определения их положения в общественной иерархии;
- изучить семейное положение центурионов в связи с их социальным статусом, дать комплексную характеристику семей центурионов, охватывающую как социальные свойства (правовое положение, имущественный статус), так и специфику внутрисемейных отношений этих офицеров (ценностные установки и эмоциональные аспекты).

Хронологические рамки исследования охватывают период с конца I в. до н. э. до середины III в. н. э., т.е. эпоху Ранней империи. Нижняя граница определяется военными реформами Октавиана Августа, которые юридически закрепили новые условия службы для центурионов. Эти условия включали значительное повышение жалованья и появление ранга примипилара, обладатели которого могли вступить в ряды всаднического сословия, а также продолжить свою карьеру на высших командных и административных постах. В результате этих изменений центурионы получили возможность участвовать в общественно-политической деятельности, устанавливать отношения патроната-клиентелы с представителями сенаторского сословия и членами императорской семьи, а также хорошие перспективы социальной мобильности для своих детей. Подобные возможности, по-видимому, еще

существовали для центурионов в правление Валериана I и Галерия²⁰. Однако поскольку перемены, произошедшие во время кризиса III в. н. э., плохо задокументированы и почти неизвестны в деталях, представляется необходимым ограничить исследование периодом относительной стабильности и завершить его пресечением династии Северов в 235 г. н. э. Тем не менее, стоит отметить, что полное исчезновение ранга центурионов и замена этих офицеров на менее оплачиваемых и социально значимых центенариев и дуценариев произошло вследствие формирования новой армейской иерархии только в конце IV в. н. э.

Географические рамки исследования охватывают территорию Римской империи в границах середины II в. н. э., когда это государство достигло своих максимальных географических размеров²¹. Широкие территориальные рамки работы обуславливаются присутствием воинских формирований во всех регионах империи, высокой географической мобильностью центурионов, имевших возможность сменить несколько провинций за годы службы, а также распространенностью эпиграфических и других источников, свидетельствующих о деятельности центурионов в разных частях Римской империи.

Методологическая основа исследования. Исследование римских центурионов как специфической группы с целью воссоздания их социального портрета и определения их места в общественных и идеологических структурах Римской империи основывается на *принципах историзма и научной объективности*. Для решения поставленных выше задач исследования были применены *общенаучные методы* анализа, синтеза, индукции и дедукции. Также были использованы *специальные методы исторического исследования*: историко-генетический, сравнительно-исторический, структурно-системный и статистический (в сочетании с контент-анализом).

Обращение к **историко-генетическому методу** позволяет выявить предпосылки появления невоенных функций у центурионов в традиционных римских

²⁰ Dobson B. The Primipilares of the Roman Army... P. 69.

²¹ Breeze D. J. Introduction // The Frontiers of Imperial Rome. Barnsley: Pen & Sword Books Ltd, 2011. P. 20.

представлениях о сущности власти (*imperium*) и возможностях ее делегирования, а также в полисно-республиканских идеалах, формировавших образ римского гражданина. Кроме того, этот метод необходим при изучении общественного восприятия центурионов и составлении их литературного портрета, поскольку его использование позволяет проследить истоки возникновения различных стереотипов об этой социальной группе.

Сравнительно-исторический метод используется для сопоставления примеров общественной деятельности центурионов в различных регионах империи (синхронный анализ), а также для определения карьерных перспектив этих офицеров на разных этапах развития Принципата (диахронный анализ). Кроме того, обращение к этому методу необходимо при изучении ценностей и приоритетов центурионов как для их сопоставления с общими римскими идеалами, так и для выявления изменений в мировоззрении офицеров с течением времени.

Структурно-системный метод применяется при изучении социальных связей центурионов для установления социального статуса их патронов, клиентов и друзей, выявления особенностей их межличностных отношений, определения степени влияния этих отношений на развитие карьеры офицеров и перспективы их социальной мобильности, а также для общей оценки общественного положения центурионов. Кроме того, этот метод используется для изучения семейных отношений центурионов. Обращение к структурно-системному методу позволяет установить состав семьи центурионов, выявить идеалы и ценности, определявшие характер отношений этих офицеров с членами семьи, а также распознать примеры следования этим идеалам в реальной жизни.

Статистический метод в сочетании с **контент-анализом** используются при работе с эпиграфическими источниками для рассмотрения религиозной деятельности центурионов, а также для изучения их семейных отношений. Количество посвящений, созданных офицерами в честь конкретных божеств, наглядно свидетельствует об их религиозных предпочтениях и позволяет делать выводы об их приверженности императорскому культу и государственной религии. Подсчеты нескольких групп смысловых единиц, выделенных из текстов эпитафий, дают возможность

оценить соотношение семейных и холостых центурионов, установить их средний брачный возраст и определить социальный статус их жен. Выявленные с помощью статистического метода и контент-анализа социальные и демографические характеристики семей центурионов вносят значительный вклад в разрешение дискуссионного вопроса о правовом положении этих семей, а также способствуют более глубокому пониманию их социального статуса в целом.

Общей теоретической основой исследования является **историко-антропологический подход** к изучению римской армии. Его принципы были изложены в статьях Я. Хейнса²² и С. Джеймса²³, которые рассматривают римскую армию как сложную социальную систему, состоящую из множества объединений, но в то же время представляющую собой единое сообщество²⁴. Понятие «сообщество» означает символическое объединение, основанное на общей системе ценностей, норм и моральных установок, которые формируют особую групповую идентичность.²⁵ Принадлежность к группе не зависит от географического расположения ее участников, которые могут находиться далеко друг от друга, но при этом осознавать свою общность. Чувство единства в таком объединении возникает благодаря общему почитанию значимых для сообщества символов и идеалов (в римской армии к ним относятся, в частности, *virtus* и *disciplina*, верность императору, агональный дух и т.д.)²⁶. При рассмотрении римской армии в таком ракурсе по-новому раскрываются социальные роли участников этого объединения. Так, центурионы перестают быть только «командирами отрядов в 100 человек», а выступают хранителями римских воинских традиций, способствующих формированию коллективной идентичности и поддержанию единства всего воинского сообщества.

²² Haynes I. Introduction: the Roman Army as a Community... P. 7–14.

²³ James S. The Community of the Soldiers: a Major Identity and Centre of Power in the Roman Empire // TRAC 98: Proceedings of the Eighth Annual Theoretical Roman Archaeology Conference / Ed. P. Baker, C. Forcey, S. Jundi, and R. Witcher. Oxford, 1999. P. 14–25.

²⁴ Махлаюк А. В. Идеи и подходы исторической антропологии в изучении римской армии // Древнее Средиземноморье: религия, общество, культура. Сб. ст. под ред. О.П. Смирновой, А.Л. Смышляева. Пер. статей с франц. О.П. Смирновой. М.: ИВИ РАН, 2005. С. 83–113.

²⁵ Haynes I. Introduction: the Roman Army as a Community... P. 9.

²⁶ Ibid.

Источниковая база исследования. Исследование основывается на широком комплексе нарративных, юридических, эпиграфических источников, папирусных документов и данных археологии. Привлечение сведений из этих источников позволяет сопоставить правовые нормы и социальные реалии, понять, как общественное мнение о центурионах соотносится с их собственными представлениями о себе, а также выявить и сравнить региональные особенности и общеимперские практики в деятельности центурионов. Таким образом, обращение к широкому комплексу источников необходимо для всестороннего изучения центурионов как особого профессионального сообщества.

Прежде всего, стоит отметить, что центурионы упоминаются в большом количестве *нарративных источников*. Они присутствуют не только на страницах военных руководств²⁷, но и в античной историографии и биографии, поэзии и ораторской прозе²⁸, географических и естественно-научных трудах²⁹, произведениях христианских авторов³⁰, а также в эпистолярном наследии.

При обращении к *историческим и биографическим трудам* важно учитывать, что центурионы во многом представлены в них как литературные персонажи, выполняющие функции, определяемые замыслом автора. Для данного исследования представляется необходимым провести анализ конкретных характеристик и связанных с ними функций, которыми античные авторы наделяют офицеров, выявить так называемые «общие места», чтобы собрать из них единый образ центуриона и определить тем самым общественное мнение об этом профессиональном сообществе. Сочинения Юлия Цезаря (100–44 гг. до н. э.) — «Записки о Галльской войне» и

²⁷ См., например: Veget. II. 14. Vegetius Renatus, F. Epitoma rei militaris / Ed. F. R. Müller. Oxford, New York, 2004; Греческие полиоркеттики. Флавий Вегетий Ренат. СПб., 1996.

²⁸ См., например: Cic. Phil. I. VIII. 20. Cicero. M. Tulli Ciceronis Orationes. Vol II. / Ed. A. C. Clark. Oxford, 1918; Цицерон, М. Туллий. Речи: В 2-х томах / Изд. подгот. В. О. Горенштейн и М. Е. Грабарь-Пассек. М., 1993.

²⁹ См., например: Plin. NH. VII. 82. Pliny. Natural History in Ten Volumes / With an English translation H. Rackham. Cambridge: Harvard University Press; London: W. Heinemann, 1940–1967; Плиний Старший. Естественная история. Книга VII / Пер. с латинского и ком. А.Н. Маркина // Вестник Удмуртского университета. Серия «История и филология». 2012. №3. С. 155–166.

³⁰ См., например: NT. Luca. 7:4–5. Новый Завет на греческом языке с подстрочным переводом на русский язык / под ред. А. А. Алексеева. СПб, 2001.

«Записки о Гражданской войне»³¹ (а также его продолжателей, описавших «Александрийскую», «Африканскую» и «Испанскую» войны), в которых содержится более 60 упоминаний центурионов³², наделенных определенными и зачастую повторяющимися характеристиками, предоставляют крайне ценные сведения для проведения такого анализа. Сведения из сочинений Юлия Цезаря дополняются сообщениями из трудов его предшественников, а именно из «Всеобщей истории» Полибия (ок. 200–120 гг. до н. э.)³³, и современников, включая такие работы, как «Югуртинская война» Саллюстия (ок. 87–35 гг. до н. э.)³⁴ и «Африканская война» одного из соратников Цезаря³⁵. Хотя в этих сочинениях центурионы суммарно упоминаются всего около 10 раз, их свидетельства важны для понимания соотношения традиции и новаторства в описаниях центурионов, представленных в трудах самого Цезаря. С целью выявления «общих мест» в образах центурионов, сложившихся под влиянием работ Цезаря, привлекаются сочинения латинских авторов имперского периода: «Достопамятные деяния и изречения» Валерия Максима (ок. I в. н. э.), «Римская история» Веллея Патеркула, «История» и «Анналы» Корнелия Тацита (сер. 50-х — ок. 120 гг. н. э.), «Жизнь двенадцати цезарей» Светония (ок. 70 — после 122 гг. н. э.) и «Эпитомы римской истории» Аннея Флора (ок. 70–140 гг. н. э.)³⁶. Для более

³¹ Iulii Caesaris, C. Commentarii de bello civili / Ed. F. Kraner. Berlin, 1856; Iulii Caesaris, C. Commentarii de bello Gallico / Ed. F. Kraner. Berlin, 1867; Цезарь, Г. Юлий. Записки / Пер. с лат. М. М. Покровского. М.; Л., 1948.

³² Palao Vicente J. J. Virtus Centurionis. La Figura del Centurión en César // Gerión. 2009. T. 27. N. 1. P. 194.

³³ Polybius. Historiae / Ed. L. A. Dindorf, Th. Büttner-Wobst. Leipzig, 1893—...; Полибий. Всеобщая история / Пер. с древнегреч. Ф. Г. Мищенко; вступит ст. А. Я. Тыжова. Т. I–III. СПб., 1994–1995.

³⁴ Sallusti Crispi, C. Catilina, Iugurtha, Orationes et Epistulae Excerptae De Historiis / Ed. A. W. Ahlberg. Leipzig, 1919; Саллюстий Крисп, Г. Сочинения / Пер., ст. и коммент. В. О. Горенштейна. М., 1981.

³⁵ De bello Africo commentarius / Ed. A. Rollio. Lipsia, 1889; Цезарь, Г. Юлий. Записки / Пер. с лат. М. М. Покровского. М.; Л., 1948. Упомянуты центурионы и в «Испанской войне» (русский перевод и комментарии Ю. Б. Циркина см.: Циркин Ю. Б. Античные и раннесредневековые источники по истории Испании. СПб.: Изд-во Санкт-Петербургского университета, 2006. С. 15–31).

³⁶ Valerius Maximus. Factorvm et Dictorvm Memorabilivm / Ed. K. F. Kempf. Leipsig, 1888; Валерий Максим. Девять книг достопамятных деяний и высказываний / пер. с лат., коммент., вступ. ст. А. М. Сморгочкова. М., 2020; Compendium of Roman History: Res gestae divi Augusti, Velleius Paterculus / Ed. T. E. Page. Cambridge, 1961; Малые римские историки. Веллей Патрекул. Римская история. Анней Флор. Две книги Римских войн. Луций Ампейлий. Памятная книжица / Пер. с лат. / Изд. подгот. А. И. Немировский. М., 1995; Cornelii Taciti, P. libri qui supersunt / Ed. E. Koestermann. Vol. I: Annales. Lipsiae, 1952; Cornelii Taciti, P. libri qui supersunt / Ed. E. Koestermann. Vol. II.1:

полного понимания и оценки влияния характеристик центурионов в сочинениях Цезаря на последующие представления об этих офицерах важно также обратиться к произведениям греческих авторов — «Сравнительным жизнеописаниям» Плутарха (ок. 45–125 гг. н. э.), «Римской истории» Аппиана (ок. 95–170 гг. н. э.) и «Римской истории» Кассия Диона (ок. 164 – после 230 гг. н.э.)³⁷, а также к работам еврейского историка Иосифа Флавия (ок. 37–100 г. н. э.) — «Иудейской войне» и «Иудейским древностям»³⁸. Совокупность портретов центурионов, представленных в данных сочинениях, позволяет выявить взгляды, предубеждения и стереотипы об этих офицерах, распространенные в среде привилегированных сословий римского общества, и определить тем самым общественную репутацию этого профессионального сообщества.

Помимо сведений, позволяющих составить единый литературный портрет центурионов, нарративные источники содержат ценные сообщения о невоенных функциях этих офицеров. Так, в уже упомянутых сочинениях Тацита присутствует немало примечательных эпизодов, иллюстрирующих судебные, административные (Тас. Ann. IV. 72) и дипломатические (Тас. Ann. II. 65) функции центурионов. Кроме того, Тацит нередко приводит биографии римских государственных деятелей,

Historiarum libri. Lipsiae, 1961; Тацит, Корнелий. Сочинения в 2-х томах. Т. I. Анналы. Малые произведения / Изд. подгот. А. С. Бобович, Я. М. Боровский, М. Е. Сергеев. Т. II. История / Изд. подгот. Г. С. Кнабе, М. Е. Грабарь-Пассек, И. М. Тронский, А. С. Бобович. М., 1993; Suetoni Tranquilli, C. Opera / Ed. B.G. Teubneri. Stutgardiae, 1964; Светоний Транквилл, Г. Жизнь двенадцати цезарей / Изд. подгот. М. Л. Гаспаров, Е. М. Штаерман. М., 1993; Lucius Annaeus Florus. Epitome of Roman history / Ed. E.S. Forster. London: William Heinemann; New York: G.P. Putnam's Sons. 1929; Луций Анней Флор — историк древнего Рима / Немировский А. И., Дашкова М. Ф. Воронеж: Изд-во Воронеж. ун-та, 1977. 167 с.

³⁷ Plutarchi vitae inter se comparatae. Volume I–V / Ed. I. Bekker. Vol. IV. Lipsiae, 1856; Плутарх. Сравнительные жизнеописания: В 2-х томах. Изд. 2-е, исправленное и дополненное / Изд. подгот. С. С. Аверинцев, М. Л. Гаспаров, С. П. Маркиш; отв. ред. С. С. Аверинцев. М., 1994; Appiani historia romana. Vol. II: Bella civilia / Ed. L. Mendelssohn, P. Viereck. Lipsiae, 1905; Аппиан Александрийский. Римская история / Пер. с греч. под ред. С.А. Жебелева и др. М., 2002; Dio's Roman History. With an English Translation. In Nine Volumes / Ed. E. Cary. London, New York, 1914–...; Кассий Дион Коккеян. Римская история. Книги LI–LXXX / Перев. с древнегреч. под ред. А. В. Махлаюка; предисл. и коммент. А. В. Махлаюка. СПб., 2014; Кассий Дион Коккеян. Римская история. Книги LXIV–LXXX / пер. с древнегреч. под ред. А. В. Махлаюка; комментарии и статья А. В. Махлаюка. 2-е изд. СПб., 2015.

³⁸ Iosephi Flavii opera / Ed. B. Niese. Berolini, 1955; Иосиф Флавий. Иудейская война / Пер. с древнегреч. М. Финкельберг и А. Вдовиченко под ред. А. Ковельмана. М.; Иерусалим, 1993; Иосиф Флавий. Иудейские древности: В 2-х томах / Пер. с греч. Г. Г. Генкеля. М., 1994.

факты из которых, в том числе, позволяют проследить развитие карьеры некоторых центурионов или узнать о профессиональных перспективах для их потомков (Тас. Hist. IV. 5). Также в трудах Тацита описываются случаи назначения центурионов для выполнения деликатных поручений по аресту или даже казни изменников государства (Тас. Ann. I. 6). В его работах упоминаются и инциденты, когда центурионы оказывались вовлеченными в политические заговоры (Тас. Ann. XV. 49–50) или злоупотребляли своими полномочиями (Тас. Hist. IV. 14. 3). Сочинения Тацита, безусловно, предоставляют наиболее полный и детализированный материал о «теневой» деятельности этих офицеров. В целом, сочинения Тацита являются наиболее значимым нарративным источником для нашего исследования, поскольку они содержат весьма обширные свидетельства по многим вопросам, рассматриваемым в данной работе, а также в связи с биографией самого историка: его происхождение из прокураторской среды, длительная государственная служба, включающая исполнение как столичных магистратур, так и провинциальных должностей³⁹, позволяют предположить, что его сведения о центурионах основывались не только на трудах предшественников и архивных документах сената, но и на личном опыте наблюдения за деятельностью этих офицеров.

Некоторые эпизоды из упомянутых выше трудов Иосифа Флавия, Светония и Плутарха дополняют свидетельства Тацита о невоенных обязанностях центурионов, а сведения из произведения Кассия Диона, а также из «Истории императорской власти после Марка» Геродиана (ок. 180–250 гг. н. э.) и сборника «Жизнеописаний Августов»⁴⁰ раскрывают деятельность центурионов в II–III вв. н. э. Карьера Кассия Диона, включавшая членство в сенате, управление провинцией в качестве легата-пропретора, сопровождение императоров в ходе военных кампаний, а также ряд

³⁹ Кнабе Г. С. Корнелий Тацит. Время. Жизнь. Книги. М, 1981. С. 55–93.

⁴⁰ Herodian. History of the Empire. In II Vols. / Ed. C. R. Whittaker. Cambridge, London, 1969; Геродиан. История императорской власти после Марка в восьми книгах / Пер. с греч. под ред. А. И. Доватура. СПб., 1995; The Scriptores historiae Augustae. In III Vols. / Ed. D. Magie. Cambridge, 1967; Авторы жизнеописаний Августов: приложение к Вестнику древней истории / [вст. ст. Е. А. Штаермана, А. И. Доватура; пер. А. И. Доватур и др.]. М., 1957.

судебных и других общественных назначений⁴¹, допускает предположение, как и в случае с Тацитом, о непосредственном взаимодействии историка с центурионами и хорошей осведомленности о разных аспектах их деятельности. По этой причине свидетельства Кассия Диона имеют особую ценность для нашего исследования.

Примеры непосредственного взаимодействия представителя римской аристократии и центурионов содержатся в *эпистолярном наследии* Плиния Младшего (ок. 61–115 гг. н. э.)⁴². Письма Плиния, касаясь самых разнообразных вопросов и событий, в том числе, сообщают об особенностях отношений патроната-клиентелы между аристократом и центурионом (Plin. Epist. VI. 25), о семейных проблемах этих офицеров (Plin. Epist. X. 106), а также о назначениях центурионов на полицейские и административные посты (Plin. Epist. X. 77–78). Хотя упоминания центурионов в целом встречаются в письмах Плиния нечасто, сведения из его наследия имеют важное значение для определения места этих офицеров в системе социальных связей римского общества.

Социальные связи центурионов, включая их дружеские и семейные отношения, находят отражение в отдельных *произведениях римских поэтов*. Так, Марциал (ок. 38–102 гг. н. э.) посвятил ряд эпиграмм своему другу примипилу Авлу Пуденту, отметив гармоничность его брачного союза с Клавдией Перегриной (Martial. Epigr. IV. 13) и прославив его литературные интересы (Martial. Epigr. VII. 11). В другом стихотворении поэт воспекает крепкую дружбу двух примипилов (Martial. Epigr. I. 93)⁴³. Среди других поэтов стоит отметить Горация (65–8 гг. до н. э.) и Ювенала (ок. 50–127 гг. н. э.). В сатире Горация, посвященной в целом размышлениям автора о преимуществах его скромного происхождения, содержится ценное замечание об

⁴¹ Махлаюк А. В. Историк «века железа и ржавчины». Кассий Дион и его «Римская история» // Дион Кассий. Римская история. Книги LXIV–LXXX / пер. и комм. А.В. Махлаюка. СПб.: Филологический факультет; Нестор-История, 2011. С. 381–382.

⁴² Plini Secundi. Epistulae selectae: Selected letters of Pliny / With Introduction and notes by J.H. Westcott. Boston, 1899.; Плиний Младший. Письма Плиния Младшего; Панегирик Траяну / Изд. подгот. М. Е. Сергеевко, А. И. Доватур. 2-е изд. М., 1984.

⁴³ Valerii Martialis, M. Epigrammaton libri / Ed. W. Heraeus. Leipzig, 1925; Марциал, Марк Валерий. Эпиграммы / Пер. Ф. А. Петровского, вступ. ст. В. С. Дурова. СПб., 1994.

особенностях образования детей в семьях центурионов (Hor. Serm. I. 6. 68–77)⁴⁴. В свою очередь Ювенал описывает процесс судопроизводства под руководством центуриона (Juv. Sat. XVI. 7–34)⁴⁵. Наблюдения поэтов, касающиеся различных сторон жизни и деятельности центурионов, существенно дополняют сведения из исторических и биографических трудов, добавляют к литературным портретам офицеров весьма нетипичные черты и тем самым способствуют постановке проблемы о сравнении художественного облика центурионов с формами репрезентации их собственного образа в общественных пространствах.

Прежде чем приступить к рассмотрению источников, которые были созданы непосредственно центурионами и поэтому позволяют изучать публичные образы офицеров, сконструированные в соответствии с их ценностями, а также ряд других вопросов, необходимо обратиться к анализу *памятников римского права*. Эта группа источников имеет важное значение для установления правовой основы деятельности офицеров. Правовой статус центурионов как субъектов *ius militare* во многом определяется положениями 49 книги «Дигест» Юстиниана — систематизированном сборнике извлечений из трудов авторитетных римских юристов (Гая, Папиниана, Ульпиана, Модестина и Павла)⁴⁶. Кроме того, в других книгах «Дигест» содержатся важные свидетельства, касающиеся вопросов семейного и наследственного права центурионов (Dig. 23. 4. 26. 3). Также сведения из этого сборника позволяют понять правовой контекст назначений центурионов для исполнения административных, судебных и дипломатических функций, выявить конкретные правовые нормы, обеспечивавшие легитимность подобных назначений (Dig. 48. 2. 6), а также проследить законодательные попытки регулирования отношений между военнослужащими и подвластными им провинциалами с целью предотвращения

⁴⁴ Horace. The Works of Horace / Ed. C. Smart. Philadelphia, 1836; Гораций, Флакк Квинт. Полное собрание сочинений / Пер. под ред. и с прим. Ф. А. Петровского; Вступ. ст. В. Я. Каплинского. М., Л.: Academia, 1936.

⁴⁵ Juvenal. Juvenal and Persius: With an English Translation / Ed. G. G. Ramsay. London, New York, 1918; Ювенал. Сатиры / Пер. с лат. Д. С. Недовича и Ф. А. Петровского; Вступит. ст. и коммент. В. С. Дурова. СПб., 1994.

⁴⁶ Corpus Iuris Civilis. Vol. 1. Institutiones, Digesta / Ed. Th. Mommsen, P. Krüeger. Berolini, 1954; Дигесты Юстиниана. Т. I–VIII / Пер. с лат.; отв. ред. Л. Л. Кофанов. М., 2002–2006.

злоупотреблений со стороны военных (Dig. 1. 18. 6). Эти вопросы, в частности, рассматриваются в трактате Ульпиана «Об обязанностях проконсула», который также является составной частью «Дигест». Принимая во внимание время составления «Дигест» (530–533 гг. н. э.) и право компиляторов не включать в сборник законы, вышедшие из употребления, и редактировать устаревшие нормы (Deo auctore 10), представляется необходимым обращение к другому памятнику римского права, «Институциям» Гая⁴⁷, для сравнения и уточнения правовых установлений.

Для сравнения правовых норм и реальной практики исполнения центурионами полицейских, судебных и административных функций в провинциях важное значение имеют *папирусные документы*. К этим документам относятся 50 петиций, происходящих преимущественно из Фаюмского оазиса⁴⁸ и датированных 20 г. до н. э. – сер. III в. н. э.⁴⁹. Эти петиции показывают, какие преступления расследовали центурионы, в каких ситуациях они выносили судебные решения и как был организован процесс расследования и судопроизводства. Таким образом, эти документы детально раскрывают роль центурионов в системе местного управления. Кроме того, папирусные документы представляют ценность для изучения семейных отношений центурионов. В первую очередь стоит отметить папирусные письма военно-служащих к родственникам⁵⁰. Хотя эти письма отличаются стандартной структурой и частыми литературными клише, они все же позволяют проникнуть в

⁴⁷ The Institutes of Gaius: Text with critical notes and translation. In II Vols. / Ed. F. De Zulueta. Oxford, 1946 (1953); Гай. Институции / Лат. текст и рус. перевод Ф. Дыдынского. Варшава, 1892.

⁴⁸ Фаюмский оазис представляет собой впадину, расположенную к западу от р. Нил, в 100 км к югу от современного Каира.

⁴⁹ Каталог петиций см.: Alston R. Soldier and Society in Roman Egypt: A Social History. L.: Routledge, 1995. P. 88–90; Whitehorne J. Petitions to a Centurion: A Question of Locality? // Bulletin of the American Society of Papyrologists. 2004. №41. P. 161–169; Peachin M. Petition to a Centurion from the NYU Papyrus Collection and the Question of Informal Adjudication Performed by Soldiers // Miscellanea in memory of P. J. Sijpesteijn / ed. A. J. B. Sirks and K. A. Worp. The American Society of Papyrologists, 2007. P. 86–87.

⁵⁰ Каталог писем и комментарии к ним см.: Zerbin A. Greetings from the Camp. Memories and Pre-occupations in the Papyrus Correspondence of Roman Soldiers with their Families // Guerra e memoria nel mondo antico / Ed. E. Franchi, G. Proietti. Trento, 2015. P. 287–342; См. также: Speidel, M. A. Roman Soldiers' Letters. The Importance of Writing Letters in the Roman Army // La correspondance privée dans la Méditerranée antique : sociétés en miroir / Ed. M. Dana. Bordeaux, 2023. P. 261–271; Idem. Soldiers and Documents: Insights from Nubia. The Significance of Written Documents in Roman Soldiers' Everyday Lives // Literacy in Ancient Everyday Life / Ed. A. Kolb. Berlin, 2018. P. 179–200.

эмоциональную сферу участников переписки и проследить реальные взаимоотношения военных с членами семьи. Итак, корпус папирусных документов содержит ценные сведения по проблемам не только публичной, но и частной жизни центурионов.

Несмотря на значимость разобранных выше видов источников, сведения о центурионах, представленные в них, характеризуются определенной степенью односторонности. Так, нарративные источники преимущественно отражают мнения греко-римской аристократии о центурионах. Правовые памятники содержат только идеальные нормы, но почти ничего не сообщают об их применении на практике. Папирусные документы часто критикуются в связи с вопросом о репрезентативности их данных для всех регионов Римской империи⁵¹.

Преодолеть подобные ограничения позволяют материалы *эпиграфических источников*. Они включают около 700 надгробных, посвятельных, почетных и строительных надписей, происходящих из разных провинций империи, датированных I–III вв. н. э. и созданных либо непосредственно центурионами, либо приближенными к ним людьми, включая членов семьи, друзей, патронов и клиентов⁵². Эти надписи содержат бесценные сведения о различных назначениях и поручениях, включая невоенные задачи, исполняемые центурионами; позволяют проследить карьерные пути большого количества офицеров; отражают их ценности и показывают наиболее значимые аспекты деятельности для самих центурионов; дают возможность установить круг социальных связей офицеров, определить их ожидания от конкретных видов социальных отношений и связанные с ними обязанности;

⁵¹ О проблемах репрезентативности папирусных документов см.: Bagnall R. S. *Reading Papyri, Writing Ancient History*. London, 1995. P. 46–61.

⁵² Для написания данной работы были использованы надписи, опубликованные в следующих сборниках: Barkóczy L., Mócsy A. *Die römischen Inschriften Ungarns. Lieferung 1–2*. Budapest, 1972–1976; Cagnat R. *Inscriptiones Graecae ad res Romanas pertinentes*. Paris, 1927; Collingwood R. G., White R. *Roman Inscriptions of Britain. Vol. I: Inscriptions on Stone*. Oxford, 1965; *Corpus inscriptionum Latinarum* / Hrsg. A. Degrassi. Berlin, 1863–...; N. S.: 1981–...; *Inscriptiones Daciae Romanae. Vol. I*. București, 1975; *Inscriptiones Graecae et Latinae de la Syrie*. Paris, 1929–...; *Inscriptiones Latinae selectae* / Hrsg. H. Dessau. Vol. I–III. Berolini, 1892–1916 (2 ed. – 1954–1955); *L'année Epigraphique*. Paris, 1881–...; *Les Inscriptions Grecques et Latines du Colosse de Memnon* / Ed. A. Bernand, E. Bernand. Le Caire, 1960; *Tabulae Vindolandeses: The Vindolanda Writing-tablets* / ed. A. K. Bowman and J. D. Thomas. London, 1983–...

предоставляют информацию о составе и структуре семьи, внутренних отношениях, воспитании детей и существовавших для них перспективах. Кроме того, тексты некоторых надписей сопровождаются рельефами, которые относятся к **визуальным источникам**. Эти изображения раскрывают дополнительные сведения о жизненных ценностях и приоритетах центурионов. Эпиграфические источники, безусловно, составляют основу нашего исследования. Завершая их краткий обзор, стоит привести слова Марка Блока, посвященные только эпитафиям, но весьма подходящие и для других видов надписей: «Передо мной надгробная римская надпись: единый и цельный по содержанию текст. Но какое разнообразие свидетельств таится в нем, ожидая прикосновения волшебной палочки ученого!»⁵³.

При изучении центурионов необходимо обращаться и к **данным археологии**. Физические остатки и планы римских фортов (например, Инчтухила, Карлеона, Виндоланды, Хаусстедс, Неймегена и Ламбезиса) предоставляют сведения о расположении и размерах жилищ центурионов, а найденные внутри артефакты свидетельствуют о быте офицера и его домочадцев. Соответственно, археологические материалы позволяют уточнить имущественный статус центурионов, а также установить специфику семейной жизни в военном сообществе.

Таким образом, комплекс разнообразных источников дает возможность исследовать центурионов как специфическое профессиональное сообщество, раскрывая не только публичную сторону их деятельности, но и вопросы частной жизни, их ценности и убеждения.

Степень изученности темы. Отправной точкой в изучении римского центурионата считается работа австрийского историка, ученика Теодора Моммзена, Альфреда фон Домашевского — «Система чинов римской армии»⁵⁴. В этом труде А. фон Домашевский стремился построить четкую схему соотношения должностей римской армии. Вписывая в нее центурионов, он предполагал, что эта должность в основном доставалась отслужившим преторианцам (по крайней мере, до времени

⁵³ Блок М. Апология истории, или Ремесло историка / Пер. с франц. Е.М. Лысенко. М., 1973. С. 79.

⁵⁴ Domaszewski A. Die Rangordnung des römischen Heeres. Bonn: A. Marcus und E. Weber, 1908.

Северов). Соответственно, большинство центурионов по своему происхождению были италийцами, и процесс провинциализации легионов на них не распространялся. Тем не менее А. фон Домашевский допускал, что во II в. н. э. рядовые легионеры имели возможность получить повышение и стать центурионами, однако эти случаи были редкими. Более того, по мнению историка, этим повышением карьерный рост вышедших из легионеров центурионов заканчивался. Дальнейшее продвижение по службе было доступно только для центурионов из преторианцев. Причем даже для них оно было затруднительным, поскольку существовала градация от центуриона X когорты до центуриона II когорты, затем можно было вступить в ряды *primi ordines* (центурионы I когорты) и только после этого стать *primus pilus* (1-й центурион I когорты).

Выводы А. фон Домашевского показали спорными последующим исследователям. Во-первых, его система повышений была слишком сложной для «государства без бюрократии». Во-вторых, наряду с монографией австрийского историка существуют менее известные современникам и почти забытые потомками диссертации немецких ученых Уолтера Бэра и Теодора Вегельбена. В работе «Эпиграфическое исследование о легионных центурионах»⁵⁵ У. Бэр на основе доступного ему массива надписей прослеживал различные пути получения должности центуриона и примипила, а также пытался определить общие принципы рекрутирования в разные периоды развития принципата: от Августа до Веспасиана, от Веспасиана до Адриана, от Адриана до Александра Севера и от Александра Севера до Диоклетиана. Выводы У. Бэра полностью противоречили схеме А. фон Домашевского. В частности, У. Бэр утверждал, что большинство центурионов составляли получившие повышение легионеры. Соответственно, и происхождение центурионов совпадало с происхождением рядовых солдат. В свою очередь Т. Вегельбен⁵⁶ предложил альтернативную иерархию центурионов. Историк доказывал, что центурионы II–X когорт были равны между собой и получали повышение только переходя на службу в

⁵⁵ Baehr W. De Centurionibus Legionariis Quaestiones Epigraphicae. Berolini: Typis Leonhardi Simion, 1900.

⁵⁶ Wegeleben Th. Die Rangordnung der romischen Centurionen. Berlin: W. Weber, 1913.

I когорта, вступая в ряды *primi ordines*. Последние имели возможность претендовать на высшую должность внутри центурионата — примипилат. Тезисы У. Бэра и Т. Вегельбена были развиты в работах послевоенного времени. Одним из их последователей стал британский археолог Эрик Берли, который на основе массива надписей, неизвестных историкам начала XX в., доказал правоту немецких ученых⁵⁷.

Итак, на протяжении более полувека внимание исследователей было сосредоточено на решении двух проблем, касающихся источников пополнения и карьерных путей центурионов. Сложность названных вопросов обусловлена состоянием источниковой базы, которую составляют преимущественно эпитафии этих офицеров. Последние в своих надгробных надписях зачастую не указывали сведения о службе до вступления в ранг центурионов, поэтому все предположения об их социальном происхождении строятся на основе косвенных данных ономастики.

Обращение к новым проблемам связано с именем ученика Э. Берли — Брайана Добсона, который создал основополагающий труд по римскому примипилату⁵⁸. Историк проследил развитие должности от республиканских времен до конца III в. н. э., отметив следующие поворотные моменты: появление особых привилегий у примипилов при Августе, что выделило их из ряда *primi ordines*; оформление новых вариантов карьеры примипилов при Клавдии; кардинальные изменения в функциях примипилов в середине III в. н. э., заключавшиеся в переходе от исполнения военных обязанностей к гражданским, связанным с вопросами снабжения и сбора налогов. Основная часть работы Б. Добсона посвящена второму моменту. Историк доказывает, что большей частью примипилы по завершению службы либо уходили в почетную отставку, либо становились префектами лагеря. Меньшинство продолжало службу в качестве военных трибунов в Риме и могло надеяться на получение

⁵⁷ Birley E. A Roman Altar from Old Kilpatrick and Interim Commanders of Auxiliary Units // *Latomus*. 1983. T. 42. P. 73–83; idem. Promotions and Transfers in the Roman Army II: The Centurionate // *The Roman Army papers 1929–1986*. Amsterdam: J. C. Gieben, publisher, 1988. P. 206–220; idem. The Origins of Legionary Centurions // *The Roman Army papers 1929–1986*. Amsterdam: J. C. Gieben, publisher, 1988. P. 189–205.

⁵⁸ Dobson B. *The Primipilares of the Roman Army...*; idem. *Die Primipilares. Entwicklung und Bedeutung, Laufbahnen und Persönlichkeiten eines römischen Offiziersranges*. Köln: Rheinland-Verlag; Bonn: Habelt, 1978.

должности прокуратора провинции. По мнению Б. Добсона, карьерные перспективы зависели от способностей (и возраста) самого примипила, а также от наличия патрона. Социальное происхождение опосредованно влияло на карьеру, поскольку примипилы из бывших преторианцев или из всаднического сословия были более образованными, чем их коллеги из рядовых солдат. Тем не менее, заключает Б. Добсон, сам факт достижения примипилата был значим для всех социальных категорий. В частности, молодые всадники искали должности центуриона именно в надежде однажды стать примипилами. Такой путь, отмечает Б. Добсон, был более надежным, чем последовательное занятие должностей из *militia equestris*, поскольку всадник становился более независимым от императора⁵⁹. Кроме этого, примипилат был относительно легкой целью для каждого, кому хватало способностей достичь звания *primi ordines*. Поскольку должность примипила исполнялась всего год, каждый новый центурион из *primi ordines* мог рассчитывать на получение примипилата через 5 лет. Так или иначе, заключает Б. Добсон, примипилат доставался самым талантливым центурионам. Это были лучшие представители своего звания, опытные в бою, сведущие в государственных делах и верные императору. По этой причине они имели возможность в последствии быть назначенными на такие высокие должности, как прокуратор провинции или префект Египта⁶⁰. Малочисленность примипилов, занимавших эти посты, объясняется двумя факторами: средним возрастом достижения примипилата — около 50 лет, а также высоким социальным и имущественным статусом самих примипилов, для которых последующие должности были скорее бременем, чем почетом. Хотя на первый взгляд данная работа выглядит тематически близкой к трудам У. Бэра и Т. Вегельбена, Б. Добсон был первым, кто отметил значение административного опыта у центурионов⁶¹, а также разобрал надписи, где упоминается занятие примипилами городских должностей⁶².

⁵⁹ Dobson B. Legionary Centurion or Equestrian officer? A Comparison of Pay and Prospects // *Ancient Society*. 1972. № 3. P. 204.

⁶⁰ Dobson B. The Significance of the Centurion and 'Primipilaris' in the Roman Army and Administration // *ANRW*. 1974. Bd. 2.1. P. 422.

⁶¹ *Ibid.* P. 409.

⁶² Dobson B. The Primipilares of the Roman Army... P. 299–308.

Кроме того, историк обратил внимание на семейные связи примипилов, в частности, на социальный статус их жен, среди которых обнаружили представители городской элиты⁶³. Затронул он и вопрос о ментальных характеристиках примипилов⁶⁴. Таким образом невоенные аспекты деятельности центурионов и примипилов, способствующие развитию их гражданской карьеры вплоть до должности прокуратора провинции, подразумевались Б. Добсоном, но не были специально изучены историком.

Ученики Б. Добсона — Валери Максфилд, Биргитта Хоффманн и Джеймс Саммерли — также не обращались к названным проблемам. В. Максфилд исследовала систему военных наград и в отношении центурионата пришла к следующим выводам⁶⁵. Система награждения для центурионов и примипилов сложилась ко времени династии Флавиев. Центурионы, вышедшие из рядовых солдат, и назначенные на должность всадники получали одинаковые награды. Также не было разницы в поощрениях для легионных и преторианских центурионов. Для всех этих категорий стандартными знаками отличия были *torques* (венки), *armillae* (браслеты), *phalerae*, *corona vallaris* (венок за взятие полевого укрепления), *corona muralis* (венок за взятие крепостной стены) и *corona aurea* (за любые достижения). Самой распространенной была *corona vallaris*, а самой ценной — *corona muralis*. Что касается *primi ordines* и *primi pili*, то они обычно получали одну корону и одно копье (*hasta*). Таким образом, заключает В. Максфилд, разница в ценности наград существовала только для младших и старших центурионов.

Биргитта Хоффманн обратилась к вопросу о социальном статусе центурионов и на основе археологического материала изучала жилища этих офицеров⁶⁶. Исследовательница стремилась выявить общие черты центурионских блоков во всех фортах, объяснить их внутреннюю структуру и назначение отдельных комнат, проследить, как менялись жилища со временем, и в целом понять, о каком социальном и

⁶³ Ibid. P. 294–296.

⁶⁴ Dobson B. Die Primipilares. Entwicklung und Bedeutung... S. 128–138.

⁶⁵ Maxfield V. A. The Military Decorations of the Roman Army. London: Batsford, 1981. P. 184–209.

⁶⁶ Hoffmann B. The Quarters of Legionary Centurions of the Principate // Britannia. 1995. Vol. 26. P. 107–152.

имущественном статусе могут свидетельствовать данные помещения. Б. Хоффманн продемонстрировала невозможность создания описания стандартного жилья центуриона, поскольку внутреннее устройство блоков сильно различалось на местах. Например, исследовательница выделила 7 типов пола — от простого земляного до выложенного мозаикой или пола с подогревом. Однако различия объясняются индивидуальным вкусом и особенностями климата той или иной местности, а отнюдь не разницей в статусе центурионов разных когорт, как считали сторонники теории А. фон Домашевского⁶⁷. Тем не менее исследовательнице удалось выявить 2 зоны, характерные для всех блоков — частную (или жилую) и публичную, предназначенную, в частности, для соблюдения обычая утреннего приветствия. Несмотря на это, Б. Хоффманн заключает, что жилища центурионов не были приспособлены для деловых функций и проведения в них официальных встреч. Это была преимущественно частная территория, а социальная и профессиональная жизнь офицера проходила вне домашних стен⁶⁸.

Что касается Джеймса Саммерли, то он вновь обратился к проблемам, касающимся источников пополнения и карьеры центурионов⁶⁹, но также сделал акцент на их мобильности. Историк стремился объяснить причины перемещений центурионов; установить, что было более распространенным явлением — длительная служба в одном легионе или постоянные перемещения из легиона в легион; понять, какую роль играл патронат в смене места службы; определить возможные ограничения, существовавшие для центурионов, которым было необходимо перейти в другой легион, и выявить различия в передвижениях офицеров, происходивших из разных социальных групп. Для решения последней задачи Дж. Саммерли также пытался установить соотношение центурионов, вышедших из всадников, из преторианской гвардии и из рядовых солдат. В целом, Дж. Саммерли удалось решить поставленные задачи. Он пришел к выводу, что перемещения центурионов были вызваны либо практической необходимостью, когда более опытные командиры

⁶⁷ Ibid. P. 111.

⁶⁸ Ibid. P. 141.

⁶⁹ Summerly J. R. Studies in the Legionary Centurionate: PhD Diss. Durham University. Durham, 1992.

направлялись в проблемные регионы, либо были следствием патроната, когда амбициозные молодые люди, по разным причинам не имевшие возможности занять должность центуриона (или получить повышение до *primi ordines*) в своем легионе, получали ее в другом благодаря рекомендациям своих покровителей⁷⁰. Таким образом, Дж. Саммерли объясняет перемещения офицеров случайными событиями, а не осознанной политикой императоров, и устанавливает, что во все периоды преобладали центурионы, сменившие за годы службы несколько постов в разных легионах⁷¹. Также он приходит к интересному выводу по вопросу об ограничениях мобильности офицеров. Он показывает, что в восточные легионы чаще направляли офицеров из всадников, а тех немногих центурионов из рядовых, служивших на Востоке, объединяло греческое происхождение. Дж. Саммерли полагает, что данную закономерность можно объяснить преобладанием в восточных легионах греческого языка. Соответственно, знание этого языка было важным фактором при назначении центурионов в восточные легионы⁷².

Всех перечисленных исследователей — от Э. Берли до Дж. Саммерли — обычно объединяют в одну группу и называют «Даремской школой»⁷³. К общим чертам их работ можно отнести построение исследования исключительно на археологическом и эпиграфическом материале, строгость выводов, относительную узость проблематики и методологическое сходство с позитивистами. Отметим, что труды «Даремской школы» являются основополагающими в историографии римского центурионата. Последующие исследования базируются на выводах ее представителей.

Выявленная Дж. Саммерли связь между владением греческим языком и возможностью прохождения службы в восточных легионах империи стала началом изучения более широкого вопроса об уровне грамотности центурионов и его влиянии на их карьерный путь. Решение этой проблемы было продолжено Дж. Адамсом

⁷⁰ Summerly J. R. *Studies in the Legionary Centurionate...* P. 225, 227.

⁷¹ Ibid. P. 226.

⁷² Ibid. P. 228.

⁷³ Ward G. A. *Centurions: the Practice of Roman Officership...* P. 7.

статьей, посвященной стихотворным надписям центурионов из Bu Njem (Ливия)⁷⁴. Исследователь провел лингво-филологический и исторический анализ стихотворений, чтобы определить языковой уровень авторов и понять, была ли латынь их родным языком. В результате Дж. Адамс определяет, что автор первого стихотворения — Марк Порций Ясуктан — не был носителем латинского языка. Тем не менее в тексте центуриона практически отсутствуют орфографические и грамматические ошибки. Данная особенность выделяет текст центуриона из ряда надписей, созданных рядовыми солдатами из того же лагеря. Однако Дж. Адамс подчеркивает, что Ясуктан никогда не учился у грамматиков, и что в римской армии были и более образованные центурионы (например, автор второго стихотворения — Квинт Авидий Квинтиан). Разный уровень грамотности объясняется неоднородным социальным составом этого офицерского корпуса: от италийцев из всаднического сословия до провинциалов, начавших службу в качестве рядовых. Но Дж. Адамс предполагает, что корпоративная идентичность мотивировала вторых «тянуться» за первыми и повышать свой культурный уровень⁷⁵. По этой причине и предпринимались попытки создания стихотворений на чужом языке даже в тех случаях, когда было достаточно написать прозой. Кроме того, Дж. Адамс отмечает, что именно латынь была языком римской армии. Поэтому выбор этого языка для создания памятной надписи был также обоснован желанием подчеркнуть свою принадлежность к данному социальному институту⁷⁶. Тем не менее, полагает Дж. Адамс, несмотря на важность латинского языка в армии, для центурионской среды был характерен билингвизм (или даже многоязычие), поскольку у постоянно перемещавшихся по империи офицеров возникала необходимость в изучении провинциальных языков для поддержания коммуникации с местным населением⁷⁷.

⁷⁴ Adams J. N. The Poets of Bu Njem: Language, Culture and the Centurionate // JRS. 1999. Vol. 89. P. 109–134.

⁷⁵ Ibid. P. 130.

⁷⁶ Ibid. P. 131.

⁷⁷ Ibid. P. 134.

Значимость такой коммуникации впервые продемонстрировал американский исследователь Грэм Уорд в своей диссертации⁷⁸. Он подчеркивает, что знание туземных языков, экономической ситуации и культурных особенностей на местах делало центурионов идеальными агентами римских наместников, способных как передавать точную информацию о происходящем в провинции, так и выступать в качестве посредника между императорской властью и местным населением⁷⁹. Помимо этого, Г. Уорд выявляет конкретные сферы коммуникации центурионов с провинциалами, рассматривая административные и полицейские функции офицеров и их деятельность по финансовому и хозяйственному контролю. Он отмечает, что невоенные занятия центурионов пересекались с аналогичными у бенефициариев, ставит вопрос о разграничении обязанностей двух категорий военнотружеников, но не исследует эту проблему из-за ограничений источниковой базы, которую во многом составляют папирусные документы. Соответственно, в дополнение к сформулированной Г. Уордом проблеме стоит обозначить ряд вопросов, касающихся невоенных занятий центурионов, выявленных папирологами. Изучая египетские петиции к центурионам и бенефициариям с жалобами провинциалов на насилие и преступления против собственности, просьбами наказать обидчиков или вынести судебные решения по этим делам⁸⁰, исследователи поставили вопросы о легитимности судебной власти центурионов⁸¹; о причинах обращений египетского населения именно к этим офицерам, а не к гражданским органам власти⁸²; о распространенности подобных обращений в других регионах империи⁸³; о конкретных действиях

⁷⁸ Ward G. A. *Centurions: the Practice of Roman Officership...*

⁷⁹ Ibid. P. 230.

⁸⁰ Whitehorne J. *Petitions to a Centurion: A Question of Locality?* // *Bulletin of the American Society of Papyrologists*. 2004. Vol. 41. P. 161–169.

⁸¹ Davies R. W. *Service in the Roman Army* / Ed. D. Breeze and V. A. Maxfield. Edinburgh: Edinburgh University Press, 1989. P. 185; Peachin M. *Petition to a Centurion from the NYU Papyrus Collection and the Question of Informal Adjudication Performed by Soldiers* // *Miscellanea in memory of P. J. Sijpesteijn* / ed. A. J. B. Sirks and K. A. Worp. The American Society of Papyrologists, 2007. P. 79.

⁸² Peachin M. *Petition to a Centurion from the NYU Papyrus Collection and the Question of Informal Adjudication Performed by Soldiers...* P. 85.

⁸³ Peachin M. *Five Vindolanda Tablets, Soldiers, and the Law* // *TYCHE*. 1999. Bd. 14. P. 223.

центурионов в ответ на петиции провинциалов⁸⁴. Итак, данные вопросы не были до конца изучены ни Г. Уордом, ни другими исследователями.

Тезис Г. Уорда о роли центурионов как посредников между римской властью и провинциальным населением (а также пограничными племенами и соседними царствами) внес коррективы в старую дискуссию о гобустанской надписи. Данной надписи, оставленной центурионом XII Молниеносного легиона Луцием Юлием Максимом, посвящена обширная историография, подробно разобранная А. Л. Смышляевым⁸⁵. Как отмечает историк, 90% исследователей знакомых с надписью Луция Максима согласны с предположением, что этот текст «является бесспорным доказательством пребывания римских войск в восточной части Закавказья в конце I в.»⁸⁶. Тем не менее более логичной выглядит другая гипотеза, объясняющая присутствие римского центуриона на краю ойкумены выполнением им некоей дипломатической миссии в Кавказской Албании⁸⁷. В таком случае, как предполагает В. Н. Парфенов, перед Юлием Максимом стояла важная стратегическая задача «обеспечить непререкаемый авторитет Рима по обе стороны Большого Кавказского хребта и безопасность малоазийских провинций от вторжений как с севера, через Дарьяльское ущелье и Дербентский проход, так и с востока, со стороны Армении и Парфии»⁸⁸. Историк отмечает, что такие масштабные задачи были по силам центурионам, поскольку, во-первых, они «обладали достаточным авторитетом, чтобы представлять Рим в отношениях с чужеземными правителями»⁸⁹, а во-вторых, у них была отличная возможность получить немало сведений о народах, соседствовавших рядом с местом дислокации их легионов, а также выучить местные языки. Такая трактовка гобустанской надписи хорошо согласуется с другими

⁸⁴ Peachin M. Petition to a Centurion from the NYU Papyrus Collection and the Question of Informal Adjudication Performed by Soldiers... P. 85.

⁸⁵ Смышляев А. Л. Латинская надпись из Азербайджана: проблемы и история интерпретации // ВДИ. 2018. № 3. С. 581–610.

⁸⁶ Там же. С. 584.

⁸⁷ Кудрявцев О. В. Колхида, Иберия и Албания в I–II вв. н.э. // Всемирная история: В 13 томах. М.: Государственное издательство политической литературы, 1956 г. Т. 2. 1956. С. 691.

⁸⁸ Парфенов В. Н. Гобустанская надпись и восточная политика Флавиев // Право и политика в античном мире: Сборник научных трудов памяти Александра Леонидовича Смышляева / под ред. А. В. Махлаюка, И. Е. Сурикова. М.: Институт всеобщей истории РАН, 2021. С. 323.

⁸⁹ Там же. С. 324.

примерами дипломатических миссий центурионов, известных из нарративных и эпиграфических источников. Так, у Тацита сообщается, что центурион осознанно покинул место службы, чтобы доложить правителю Сирии о положении дел в союзной Армении (Тас. Ann. XII. 45), а в погребальной надписи одного примипила среди его достижений указано, что этот военный служащий «проводил» (*reduxit*) через всю империю сыновей коммагенского царя Антиоха, Эпифана и Каллиника, к императору Веспасиану (АЕ 2011, 51). Можно предположить, что дипломатическая деятельность центурионов включала в себя выполнение самых разных поручений: от охраны заложников до разведывательных миссий. Но поскольку те сюжеты в источниках, где отражены дипломатические роли центурионов, еще не были специально изучены, делать какие-либо выводы кажется преждевременным.

Логическим продолжением диссертации Г. Уорда можно считать статьи румынского исследователя, директора Национального музея истории Трансильвании, Георгия Купчи⁹⁰. Историк выдвигает тезис, согласно которому центурионы были наиболее социально-активной частью римской армии, глубоко вовлеченной в гражданскую жизнь провинциального населения⁹¹. Развивая эту идею, Г. Купча впервые вводит в научный оборот источники, где центурионы представлены в роли судей или администраторов не только в слабо урбанизированных регионах империи, но и в старых римских колониях полисного типа⁹². Историк также приводит примеры надписей, где центурионы выступают непосредственными начальниками бенефициариев, и тем самым приступает к решению вопроса о разграничении их функций⁹³. В заключении Г. Купча приходит к выводу, что центурионы были новыми людьми в среде римской аристократии, достигшими карьерных высот благодаря своему таланту и удачно сложившимся обстоятельствам⁹⁴. Таким образом

⁹⁰ Cupcea G. Centurions: Military or Social Elite? // *Social Interactions and Status Markers in the Roman World* / Ed. George Cupcea and Rada Varga. Archaeopress, 2018. P. 151–164; idem. On Police and Administrative Duties of the Roman Military: *Regionarii* // *Acta Musei Napocensis*. 2016. Vol. 53.1. P. 151–176.

⁹¹ Cupcea G. Centurions: Military or Social Elite? P. 153.

⁹² Ibid. P. 157.

⁹³ Ibid. P. 155.

⁹⁴ Ibid. P. 161.

благодаря центурионам происходило регулярное обновление римской элиты, что, в свою очередь, позволяло поддерживать римское военное командование и провинциальное управление на высоком уровне.

Подробнее роль центурионов в формировании римской элиты разбирает английский исследователь Чарльз Манклоу⁹⁵. Вслед за Дж. Адамсом историк утверждает, что присутствие в среде центурионата выходцев из всаднического сословия в силу духа соревновательности в армейской среде мотивировало остальных центурионов приобретать элитарные культурные привычки⁹⁶. В связи с этим центурионат выступал «школой» подготовки новой римской элиты не только из-за возможности приобретения управленческого опыта во время исполнения должностных обязанностей, но и благодаря менявшемуся мироощущению бывших легионеров, начинавших ассоциировать себя в большей степени с обществом своих коллег из всадников, нежели с миром рядовых солдат. Тем не менее Ч. Манклоу не опровергает вывода Б. Добсона о незначительной доле центурионов, участвовавших в деятельности городских советов во время службы или после отставки. Более того, историк считает, что большая часть ветеранов, занимавших муниципальные должности, происходила из семей городских элит и переходила на гражданскую службу по семейной традиции⁹⁷. Однако исследователь отмечает, что даже при небольшом количестве ветеранов в городских советах, бывшие военнослужащие могли оказывать существенное влияние на жизнь городской общины, поскольку обладали патронатными связями, доходившими до самого императора⁹⁸. При этом городу необязательно было назначать ветеранов на муниципальные должности, чтобы получать привилегии с помощью их связей. Достаточно было обеспечивать ветеранам полагающиеся им льготы и оказывать должное уважение. Таким образом центурионы в отставке, не занимая формально никаких должностей, оставались влиятельным

⁹⁵ Manklow C. H. *Standing by the Standards: Military Rank and Social Status in the Roman West from Augustus to Diocletian*: PhD Diss. University of Cambridge. Cambridge, 2020.

⁹⁶ Ibid. P. 85.

⁹⁷ Ibid. P. 150.

⁹⁸ Ibid. P. 154–155.

«сословием» за счет своего ветеранского статуса, позволявшего им выступать связующим звеном между городами, армией и императором.

Таким образом, участие центурионов в государственном управлении Римской империи признается исследователями, начиная с Б. Добсона. Тем не менее конкретные сферы деятельности были обозначены только Г. Уордом, рассмотревшим их судебные полномочия, дипломатические функции и право контроля за финансами и хозяйством. Г. Купча дополнил эти наблюдения введением в научный оборот нового эпиграфического материала со сведениями о судебной деятельности центурионов, а Ч. Манклоу — оценкой их влияния на городскую жизнь. Так или иначе, спустя десятилетие после публикации упомянутой выше монографии Ж. Нели-Клеман о бенефициариях опыт французской исследовательницы начинает распространяться на изучение невоенных занятий центурионов. Однако создание аналогичного комплексного труда только предстоит исследователям римского центурионата, и, возможно, наше исследование частично заполнит эту лакуну.

Что касается вопросов частной жизни центурионов, включая их семейные и дружеские отношения, то они пока не получили специального освещения в историографии. В некоторых исследованиях, в частности, в работе упомянутого выше Ч. Манклоу, затрагивается проблема влияния реформ Августа на юридический статус браков центурионов и выдвигаются гипотезы по этому вопросу⁹⁹. Но даже в фундаментальном труде С. Фанг о влиянии брачной политики Августа на семейную жизнь римских солдат бракам центурионов уделено лишь несколько страниц¹⁰⁰. Другие аспекты брачно-семейной жизни офицеров, включая социальные и демографические характеристики их брачных союзов, внутренние отношения, особенности повседневности, а также их семейные ценности и идеалы остаются неизученными.

⁹⁹ Ibid. P. 33–67; Hassall M. Homes for Heroes: Married Quarters for Soldiers and Veterans // *The Roman Army as a Community* / Ed. A.K. Goldsworthy, I.P. Haynes. Portsmouth, 1999. P. 35; Cherry D. *The Marriage of Roman Citizens and Non-Citizens: Law and Practice*: PhD Diss. / University of Ottawa. Ottawa, 1985. P. 55.

¹⁰⁰ Phang S.E. *The Marriage of Roman Soldiers (13 BC – AD 235): Law and Family in the Imperial Army*. Leiden, 2001. P. 129–132.

Также практически не изучались дружеские и другие социальные связи центурионов. Исключением являются отношения двух центурионов, Тита Пуллона и Луция Ворена, описанные в сочинении Цезаря (B. Gall. V. 44). Их дружбе-соперничеству посвящено несколько специальных статей, содержание которых в большей степени объясняет назначение этого эпизода в нарративе Цезаря или раскрывает на примере подвигов этих офицеров специфику римской *virtus*¹⁰¹.

Среди других проблем, поставленных исследователями, но не получивших еще детального рассмотрения в историографии, стоит отметить специфику литературного портрета центурионов, а также формы саморепрезентации этих офицеров в публичном пространстве. Б. Добсон отмечал, что древние авторы наделяют центурионов схожими характеристиками, позволяющими «собрать» единый образ этих офицеров в античной литературе¹⁰². Но происхождение этого образа, его роль в повествовании и связь с социальными реалиями остаются неясными. Что касается форм саморепрезентации центурионов в публичном пространстве, то можно выделить ряд работ, включая упомянутую выше статью Дж. Адамса, посвященных стихотворным памятникам центурионов (включая и знаменитую надпись с автоэпитафией анонимного примипила из Аквэ Флавианэ (AE 1928, 37)¹⁰³. Некоторые аспекты проблемы затрагивались и в общих работах по римскому монументальному и изобразительному искусству¹⁰⁴. Однако в этих трудах подробно рассматриваются внешние характеристики (жанровая принадлежность, стилистические и

¹⁰¹ Brown R. "Virtus consili experts": An Interpretation of the Centurions' Contest in Caesar, *De bello Gallico* 5, 44 // *Hermes*. 2004. Bd. 132.3. P. 292–308; Cipriani G. Dai Centurioni alla Retorica: Analisi Logico-Formale di una Digressione (Caesar, B. G., 5, 44) // *La cultura in Cesare, Atti del Convegno Internazionale di Studi* (Macerata – Matelica, 30 aprile–4 maggio 1990). Vol. II / A cura D. Poli. Il Calamo, Roma, 1993. P. 535–552.

¹⁰² Dobson B. Die Primipilares. Entwicklung und Bedeutung... S. 128–138.

¹⁰³ Махлаюк А.В. Стихотворная надпись центуриона М. Порция Ясуктана и римская *virtus* как категория воинской этики // *Из истории античного общества: Сб. науч. тр.* Н. Новгород, 2009. С. 213–238; Balland A. Sur la Nudité des Nymphes // *Publications de l'École Française de Rome*. 1976. T. 27. P. 1–11; Rebuffat R. Le Poème de Q. Avidius Quintianus a la deesse Salus // *Karthago*. 1987. Vol. 21. P. 93–105; Speidel M.A. Being a Soldier in the Roman Imperial Army — Expectations and Responses // *Le métier de soldat dans le monde romain: Actes du cinquième Congrès de Lyon (23–25 septembre 2010)* / Ed. C. Wolff. Lyon, 2012. P. 182–183; Le Bohec Y. Un centurion tueur et Voyeur // *Dans le secret des archives. Justice, ville et culture au Moyen Âge, Sources et commentaires offerts à Nicole Gonthier* // éd. M. Billoré, J. Picot. Rennes, 2014. P. 305–316.

¹⁰⁴ Højte J.M. *Roman Imperial Statue Bases from Augustus to Commodus*. Aarhus, 2005.

визуальные особенности) как стихотворных, так и рукотворных памятников центурионов. Вопрос о том, какие именно ценности, идеалы и достижения выражались центурионами через эти монументы, подробно еще не изучался исследователями.

Таким образом, назначение нашего исследования состоит не только в обобщении ценного опыта предшествующей историографии и раскрытии на его основе роли центурионов как управленцев и исполнителей особых поручений невоенного характера, но и в углублении этой темы и обращении к новым, специально пока не исследованным вопросам, касающимся влияния невоенных функций центурионов на их общественную репутацию и социальный статус, определения места этих офицеров в общественных, государственных и идеологических структурах империи, а также к вопросам их семейных отношений и частной жизни.

Научная новизна диссертации определяется предметом исследования. Для изучения невоенных функций центурионов, компонентов их социального статуса и общественных отношений этих офицеров впервые в отечественной историографии был собран и систематизирован обширный комплекс эпиграфических источников и папирусных документов, многие из которых были также переведены автором на русский язык. Кроме того, в ходе исследования данных проблем римские центурионы впервые были представлены не просто «командирами отрядов в 100 человек», а рассмотрены в разных социальных ролях, включая позиции агентов императорской власти, благотворителей, поэтов и почтенных отцов семейств. Анализ социальных ролей центурионов сопровождался реконструкцией образа этих офицеров в античных литературных источниках, отражающего восприятие этой профессиональной группы римским обществом; выявленные литературные характеристики сопоставлены с ценностями и приоритетами самих центурионов, выраженными в надписях на камне. Также специально изучены их семейные и социальные связи с учетом концепции римской дружбы и патроната. Обращение к подобным вопросам вызвало необходимость в применении междисциплинарного подхода, сочетании методов нарратологии и исторической антропологии при изучении центурионов, что ранее также не предпринималось в современной историографии.

Положения, выносимые на защиту:

1. В ходе становления профессиональной римской армии и военных реформ Августа происходит увеличение жалованья и улучшение карьерных перспектив центурионов, что способствует расширению социального состава этого офицерского корпуса и повышению требований к кандидатам на должность. В результате появляется центурионат как не только военный, но и особый социальный институт, способный обеспечивать императора офицерами и администраторами с уникальным опытом, исключительной лояльностью и высокой эффективностью, а рядовым солдатам предоставлять хорошие возможности для социальной мобильности.

2. В условиях постоянной профессиональной армии, размещенной в провинциях, меняется деятельность центурионов. Эти офицеры выполняют судебные, административные и дипломатические поручения провинциальных наместников, городских магистратов и самого императора. Властные полномочия центурионов при исполнении подобных поручений соответствовали римским правовым нормам, имели легитимный статус и происходили из традиционных римских практик делегирования полномочий носителями римского империя своим подчиненным.

3. В императорской армии трансформируется и усиливается роль традиционной дисциплинарной функции центурионов. Задача офицеров теперь заключалась не только в обеспечении боеспособности войска путем обучения и повышения его морального духа, но и в формировании и укреплении лояльности их подчиненных императору. Эта задача решалась путем регулярного проведения религиозных обрядов центурионами в рамках их подразделений. Центральное место в этих религиозных практиках, безусловно, занимал культ императора. Устраивая коллективные посвящения и праздники в честь императорского дома, центурионы подчеркивали связь между армией и императором, а также роль принцепса как главного покровителя всех солдат.

4. Сочетание военных и гражданских обязанностей в числе должностных функций центурионов могло оказывать положительное воздействие на развитие их карьеры и способствовать назначению этих офицеров на посты прокураторов и префектов претория. Исполнение высоких военно-административных должностей вчерашними центурионами открывало им возможность интеграции в управленческую

элиту империи, в которой таким образом постепенно формировалась фракция из военнотружущих, отличавшихся уникальным опытом и особой лояльностью императору. Привлечение центурионов к административной деятельности оказывало определенное влияние на процесс обновления элит в Римской империи.

5. Сочетание военных и гражданских обязанностей центурионами также увеличивало степень их социального влияния, что могло способствовать изменениям в общественном восприятии представителей этой должности. Выполнение офицерами целого ряда дополнительных невоенных функций делало их положение в структуре римской администрации настолько заметным, что они могли казаться провинциальному населению физическим воплощением римской власти. В соответствии с таким восприятием конструируются и образы центурионов в античной литературе, где их описания начинают служить средством выражения авторской оценки правлению императоров. Так, доблесть центурионов является признаком «хорошего» принцепса, а пороки этих офицеров выступают свидетельством «плохого» правления.

6. Публичные образы центурионов, представленные непосредственно офицерами в их надписях и изображениях, существенно дополняют их литературный портрет сведениями о ценностях и приоритетах этого профессионального сообщества. Их социальный статус, по данным эпиграфики, определяется военными достижениями, символической связью с императором, выполнением судебно-административных, полицейских и дипломатических задач, а по завершении службы — избранием в городские магистраты, совершением благодеяний в соответствии с традициями эвергетизма, получением образования и успехами в сфере культуры. Создание подобного публичного образа отражает стремление центурионов подчеркнуть собственную значимость не только в военных делах, но и в общественной деятельности и может свидетельствовать об общих притязаниях этих офицеров на привилегированный статус.

7. Привилегированное положение центурионов в обществе проявляется в их социальных отношениях. Вовлеченность центурионов в сеть отношений патроната-клиентелы, в которой они являлись клиентами сенаторов и членов императорской

семьи и патронами гражданских общин империи, свидетельствует об их посреднической роли между армией, городскими властями и самим императором. Такое посредничество предполагало тесное взаимодействие с представителями привилегированных сословий и обеспечивало тем самым центурионам возможности для интеграции в их ряды.

8. Социальный статус центурионов определяется и их семейным положением. Несмотря на специфику военной службы и правовые установления, регулировавшие брачную жизнь военнослужащих, многие центурионы создавали семьи и воспитывали детей. Их семьи пользовались общественным почетом, а дети гордились своим происхождением. Кроме того, дети центурионов не только наследовали статус своего отца, но зачастую и повышали его, достигая в некоторых случаях всаднического и сенаторского званий. Способность центурионов создавать крепкие семьи и обеспечивать своим детям благоприятные условия для развития карьеры и социального продвижения также подтверждает привилегированный статус этих офицеров в римском обществе.

Теоретическая значимость работы обусловлена тем, что результаты изучения невоенных функций центурионов могут быть применимы для комплексных углубленных исследований римской системы провинциального управления, имперских дипломатических практик, армейской религии и императорского культа. Положения о социальном статусе центурионов имеют значение для изучения системы патроната-клиентелы, концепции римской дружбы, практик эвергетизма, а также для общих исследований культуры разных социальных групп в Римской империи. Рассмотрение семейного положения центурионов может дополнить современные представления об институтах семьи и брака в империи, римских семейных ценностях и гендерных ролях. Общие выводы работы могут быть использованы для разработки новых методологических подходов к изучению социопрофессиональных сообществ, чья деятельность предполагает совмещение военных, гражданских, социальных и культурных аспектов.

Практическая значимость исследования. Приведенный в данной работе фактический материал может быть использован при подготовке лекционных и

семинарских занятий по истории древнего Рима, а также при разработке специальных курсов по истории римской армии, государственно-правовому устройству Римской империи, социальной истории Рима и истории римской семьи.

Апробация результатов исследования осуществлялась в ходе обсуждений на кафедре истории древнего мира и Средних веков ННГУ им. Н.И. Лобачевского. Основные положения исследования были представлены в форме докладов на международных и всероссийских конференциях: форум молодых ученых государств-участников СНГ «Наука без границ» (2022); Всероссийская научная конференция студентов, аспирантов и молодых ученых «Древность и средневековье: вопросы истории и историографии» (2022); Международная научная конференция «Интеллектуальные традиции, культурное наследие и трансформации исторического знания в XIX–XXI вв.» в рамках XXII Чтений памяти члена-корреспондента АН СССР С.И. Архангельского (2023); научная конференция студентов и аспирантов "Рождественские агонии – XI" (2023); XI Всероссийская научная конференция студентов, аспирантов и молодых ученых «Античность XXI века» (2024); Международная научная конференция «Интеллектуальные традиции, культурное наследие и трансформации исторического знания в XIX–XXI вв.» в рамках XXIII Чтений памяти члена-корреспондента АН СССР С.И. Архангельского (2025).

Кроме того, основные положения исследования были изложены в ряде публикаций.

Статьи в журналах из списка ВАК:

1. Иванова Е.С. Дети солдат и дети-солдаты: репрезентация детства в семейных памятниках римских военных // Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского. 2021. № 4. С. 35–42.

2. Иванова Е.С. "Всякий раз, когда я тебя вспоминаю, то не ем и не пью, но плачу": семейные отношения римских солдат по данным папирусов // Genesis: исторические исследования. 2022. № 7. С. 14–20.

3. Иванова Е.С. Междисциплинарные подходы в римских семейных исследованиях: эвристический потенциал и возможные ограничения // Genesis: исторические исследования. 2022. № 8. С. 29–35.

4. Иванова Е.С. Центурионы в государственном управлении Римской империи: обзор историографии и постановка проблемы // Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского. 2022. № 6. С. 8–16.

5. Иванова Е.С. Римские центурионы как агенты императорской власти: делегированные полномочия и судебные функции // Ученые записки Казанского университета. Серия: Гуманитарные науки. 2023. Т. 165. № 4–5. С. 79–91.

6. Иванова Е.С. Преторианская гвардия при дворе римского императора: обряд *salutatio*, императорский *convivium* и развлечения принцепса // *Via in Tempore*. История. Политология. 2024. Т. 51, № 1. С. 34–43.

7. Иванова Е.С. Церемониальные функции преторианской гвардии в эпоху принципата // Вестник Ивановского государственного университета. Серия: Гуманитарные науки. 2025. № 1. С. 70–80.

8. Иванова Е.С. К вопросу о *ius conubii* римских центурионов // Проблемы Истории, Филологии, Культуры (принято к публикации).

Публикации в иных изданиях:

9. Иванова Е.С. Невоенные функции римских центурионов: судебные и административные обязанности // Форум молодых ученых государств-участников СНГ "Наука без границ": Сборник материалов, Нижний Новгород, 01–04 ноября 2022 года. Т. 1. М.: Центр научно-технических решений, 2023. С. 203–204.

10. Иванова Е.С. Карьера римского центуриона: от военного командования к управлению Империей // Античный мир и археология. 2025. Т. 22. Вып. 22. С. 101–115.

11. Иванова Е.С. «В равном супружестве пусть будет взаимной любовь» — *Pari semper sit Venus aequa iugo*: о семейных ценностях римских центурионов» // «Mare Nostrum» (принято к публикации).

Структура исследования. Данная работа состоит из введения, 3 глав, разделенных на 10 параграфов, заключения и приложения, в котором представлены оригинальные тексты надписей и папирусов, использованных для исследования.

Структура работы предполагает последовательное раскрытие изменений в публичной деятельности и частной жизни центурионов, произошедшие в результате реформ Августа и сложившиеся в условиях постоянной профессиональной армии. Первая глава посвящена новым аспектам деятельности центурионов (§1.1–1.3; 1.5) и их влиянию на карьерный путь этих офицеров (§1.4). Новые функции центурионов способствовали усилению социального влияния и изменению общественной репутации этих офицеров (§2.1), а также осознанию ими собственной значимости и появлению стремлений к демонстрации своих достижений и статуса (§2.2). Кроме того, эти функции значительно расширили круг социальных связей центурионов и обеспечили им особое место в системе патронатных отношений империи (§2.3). Рассмотрению данных вопросов посвящена вторая глава работы. В третьей главе содержится анализ последствий реформ Августа и новых условий службы для семейных отношений центурионов. Оценивается влияние этих факторов как на правовое положение семей офицеров (§3.1), так и на межличностные отношения между членами семьи, их ценности и идеалы (§3.2). В результате получается разносторонний социальный портрет центурионов, включающий не только служебные функции, но и некоторые аспекты частной жизни этих офицеров.

ГЛАВА 1. НЕВОЕННЫЕ ФУНКЦИИ РИМСКИХ ЦЕНТУРИОНОВ

Римский центурионат как социальный институт, который обеспечивал императора офицерами и администраторами с военным опытом, исключительной лояльностью и высокой результативностью, а рядовых солдат — блестящими перспективами социального продвижения, появился в результате военных реформ Августа¹.

До эпохи Принципата не существовало четкой схемы развития карьеры центуриона, а сама должность, как и вся армия Римской республики, не была постоянной, и связанные с ней полномочия прекращались после окончания военного похода². Так, известная карьера Спурния Лигустина фактически состояла из ряда назначений разными полководцами. И хотя этот военнослужащий четыре раза был примипилом и отслужил в армии больше положенного срока, при очередном наборе войска для участия в III Македонской войне он мог быть зачислен в армию рядовым солдатом, если это соответствовало интересам государства (Liv. XLII. 32–35). Жалование центуриона в Римской республике было относительно невысоким и составляло 4 обола в день, что только в два раза превышало жалование рядового солдата (Polyb. VI. 39. 12–15). Наградные выплаты зависели от успеха похода и великодушия командира, но также обычно не превышали двойной награды простого воина³. Таким образом, в период Римской республики центурионы не могли рассчитывать ни на сохранение должности в новых походах, ни на почетное увольнение с достойным вознаграждением. Эти факторы позволяют согласиться с предложенной М. Е.

¹ Dobson B. The Primipilares of the Roman Army... P. 27. О военных реформах Августа см., например: Парфенов В. Н. К оценке военных реформ Августа // Античный мир и археология. 1990. Вып. 7. С. 65–76; Keppie L. The Making of the Roman Army. London, 1984. P. 126–145; Gilliver K. The Augustan Reform and the Structure of the Imperial Army // A Companion to the Roman Army. Oxford, 2007. P. 183–200; Speidel M. A. Augustus' Militärische Neuordnung und ihr Beitrag zum Erfolg des Imperium Romanum // Heer und Herrschaft im Römischen Reich der Hohen Kaiserzeit. Stuttgart, 2009. S. 19–51; Eck W. Herrschaftssicherung und Expansion: Das römische Heer unter Augustus // Studi su Augusto. In occasione del XX centenario della morte. Torino, 2016. S. 77–93.

² Keppie L. The Making of the Roman Army... P. 34.

³ Наградные выплаты часто упоминаются в труде Тита Ливия. См., например: Liv. XXXIII. 23. 7; XXXIV. 52. 11; XXXVI. 40. 13; XXXVII. 59. 6; XXXIX. 5. 17; XLV. 40.5; 43. 7.

Сергеенко характеристикой республиканского центуриона как «маленького человека»⁴.

Социальное положение центурионов меняется в результате создания Августом профессиональной армии. Существование регулярной армии означало, что карьера центурионов больше не начиналась вместе с формированием легиона и не заканчивалась после его роспуска. Должность стала постоянной. Вместе с этим была упорядочена внутренняя иерархия центурионов и значительно повышено их жалование. Высшим и наиболее почетным рангом среди центурионов была должность примипила, получавшего при Августе 13 500 денариев в год. Эта сумма в 60 раз превышала жалование рядового солдата. Далее по старшинству шли центурионы 1-й когорты (*primi ordines*), которые получали 6 750 денариев в год, то есть в 30 раз больше, чем легионеры. Центурионы II–X когорт в свою очередь получали 3 375 денариев, что в 15 раз выше солдатского стипендия⁵. Кроме того, наградные при почетной отставке стали обязательными и составляли 600 000 сестерциев для примипилов, которые благодаря этой сумме получали возможность вступить в ряды всаднического сословия⁶. Также при Августе был введен новый почетный титул — *primipilaris*, и для его обладателей стали доступны высшие военные должности

⁴ Сергеенко М. Е. Жизнь древнего Рима. СПб., 2000. С. 99.

⁵ Speidel M. A. Roman Army Pay Scales // JRS. 1992. Vol. 82. P. 101; Jahn J. Zur Entwicklung romischer Soldzahlungen von Augustus bis auf Diokletian // Studien zu den Fundmünzen der Antike 2. Berlin: Berlin Mann, 1984. P. 69; см. также: Alston R. Roman Military Pay from Caesar to Diocletian // JRS. 1994. Vol. 84. P. 113–123. Предположения исследователей о размере жалования центурионов строятся на основе сведений из двух папирусов, датированных началом IV в. Первый источник (P. Papor. 2. 197ff.) сообщает, что *praepositus equitum promotorum legionis II Traianae* получил 18 000 денариев 1 января 300 г. н. э. в качестве *stipendium*. Из второго папируса (P. Оху. 7. 1047. 1) известно о другом *praepositus*, чье жалование составляло уже 36 000 денариев. Также военный служащий получил 2500 денариев как донатив. В связи с тем, что данная сумма в два раза превышает размер донатива рядового солдата, в историографии считается, что оба командира были центурионами. Сравнивая полученные ими суммы с размером жалования рядового солдата, можно составить пропорцию 30:1 и 60:1 соответственно. Поскольку разница получается слишком значительной, центурионов из папирусов относят к рангам *centurio primi ordinis* и *primuspilus*. В таком случае центурион II–X когорт должен был получать в 15 раз больше, чем простой легионер.

⁶ Ward G. A. Centurions: the Practice of Roman Officership... P. 69; См. также: Dobson B. The Centurionate and Social Mobility during the Principate // Recherches sur les structures sociales dans l'Antiquité classique. Paris, 1970. P. 99–116.

(военных трибунов и префектов)⁷. Таким образом, имущественное положение и перспективы карьерного роста центурионов значительно улучшились с началом эпохи Принципата.

Высокий уровень дохода и карьерные перспективы делали должность центуриона привлекательной для представителей всаднического сословия и муниципальной аристократии, которые уже в I в. н. э. начинают добиваться прямого назначения на этот пост⁸. Так, Светоний, рассказывая о Марке Валерии Пробе из Берита, упоминает, что тот «так долго должности центуриона добивался, что с досады посвятил себя наукам» (Suet. De Gram. 24). Более успешным оказался Метилий Крисп, земляк Плиния Младшего, который благодаря ходатайству последнего смог получить желаемый пост (Plin. Epist. VI. 25). Тем не менее высокого социального статуса и рекомендательных писем было недостаточно, чтобы стать центурионом. По этой причине, в том числе, всадники и выходцы из кругов муниципальной элиты составляли незначительно число среди этих офицеров. Основным критерием для назначения, по-видимому, являлись воинские заслуги и способности, получить и проявить которые было возможно только на действительной военной службе. В связи с этим главным источником пополнения корпуса центурионов были сами легионы. Из рядовых легионеров и младших офицеров отбирались служащие, отличавшиеся большой физической силой и высоким ростом, искусным владением оружием и особыми личными качествами, включая не только храбрость и лидерские навыки, но и умеренность, бдительность и готовность беспрекословно выполнять приказы (Veget. II. 14). От этих воинов ожидалось также умение поддерживать дисциплину и способность руководить военными упражнениями солдат. Помимо непосредственно воинских навыков кандидаты в центурионы должны были демонстрировать определенный уровень грамотности и некоторые административные способности. Так, повышение жалованья и разнообразие карьерных возможностей

⁷ Dobson B. The Primipilares of the Roman Army... P. 28–30; Manklow C. H. Standing by the Standards... P. 22.

⁸ О представителях всаднического сословия и муниципальной аристократии, получивших пост центуриона подробнее см.: Dobson B. Legionary Centurion or Equestrian Officer? A Comparison of Pay and Prospects // *Ancient Society*. 1972. Vol. 3. P. 193–207.

привело к расширению социального состава центурионата и изменению требований к кандидатам на должность. Их доблесть теперь должна была сочетаться с грамотностью.

Выше было отмечено, что грамотность и образованность центурионов в сочетании с их уникальным служебным опытом предопределили возможность участия центурионов в судебной, административной и дипломатической деятельности⁹. В данной главе будут рассмотрены формы участия центурионов в этих сферах жизни общества, выявлены причины назначения именно этих офицеров для исполнения подобных обязанностей, а также установлено влияние такого опыта на последующее развитие карьеры военнослужащих. Кроме того, отдельный параграф будет посвящен религиозным функциям центурионов с целью проследить воздействие культовых мероприятий, проводимых этими офицерами, на формирование корпоративной идентичности рядовых солдат и укрепление их лояльности императору. Представляется, что изучение невоенных функций центурионов позволит составить общую характеристику этих офицеров как агентов императорской власти.

§1.1. Римские центурионы как агенты императорской власти: делегированные полномочия и судебные функции

В «Римской истории» Диона Кассия одним из наиболее выдающихся людей эпохи первых Антонинов называется бывший центурион — Квинт Флавий Лонгин Марций Турбон, достигший должности префекта претория (Dio Cass. LXIX. 18)¹⁰. Примечательно, что греческий историк восхваляет военнослужащего не за ратные подвиги, а за нравственность и трудолюбие, проявленные офицером в судебной деятельности. Эти качества Турбона автор иллюстрирует следующим комичным

⁹ См. историографический обзор во введении. Ward G. A. Centurions: the Practice of Roman Officership... P. 230.

¹⁰ Основные положения данного параграфа были изложены в нашей статье. См.: Иванова Е. С. Римские центурионы как агенты императорской власти: делегированные полномочия и судебные функции // Ученые записки Казанского университета. Серия: Гуманитарные науки. 2023. Т. 165. № 4–5. С. 79–91.

случаем: «Однажды поздно вечером [судебный оратор Корнелий Фронтон] возвращался домой с обеда и, узнав от какого-то человека, в чью защиту обещал выступить в суде, что Турбон все еще занят рассмотрением судебных дел, вошел к нему в судебное присутствие прямо как был в праздничной одежде и приветствовал его, но не утренним обращением «Здравствуй!», а тем, какое принято при вечернем [расставании]: «Будь здоров!»¹¹. Подобные описания должностных обязанностей, не относящихся напрямую к военному делу, не типичны в сочинениях античных авторов при изложении биографий солдат и офицеров. Редкость таких сюжетов вызывает удивление в связи со значительным влиянием армии на различные сферы жизни римского общества, включая управление и правосудие¹². В «государстве без бюрократии», которым была, по мнению современных исследователей, Римская империя¹³, именно военнотружущие могли заменять гражданских чиновников и участвовать в работе канцелярий наместников провинций. Особое место в провинциальном управлении занимали центурионы, руководившие штатом наместника. Несмотря на достаточно высокое положение в административной иерархии, центурионы как управленцы редко являются предметом исследования и по этой причине гражданские функции этих офицеров недостаточно изучены¹⁴.

Тем не менее в историографии отмечается, что именно центурионы I когорты руководили канцеляриями наместников провинций в должности *princeps praetorii*¹⁵. Также благодаря работам Б. Добсона¹⁶ и Ч. Манклоу¹⁷ в научный оборот введен обширный эпиграфический материал со сведениями об исполнении центурионами городских должностей. Однако наибольший интерес у исследователей

¹¹ Здесь и далее цитаты из «Римской истории» Кассия Диона приведены в переводе А. В. Махлаюка.

¹² Richier O. Centurialia Varia I. À propos du Centurio Veteranorum // Latomus. 2002. T. 61. Fasc. 1. P. 99.

¹³ Garnsey P., Saller R., Elsner J. The Roman Empire: Economy, Society and Culture. Oakland: University of California Press, 2015. P. 35.

¹⁴ Иванова Е. С. Центурионы в государственном управлении Римской империи: обзор историографии и постановка проблемы... С. 8–16.

¹⁵ Смышляев А. Л. Об эволюции канцелярского персонала Римской империи в III в. н.э. // Вестник древней истории. 1979. № 3 (149). С. 65.

¹⁶ Dobson B. The Primipilares of the Roman Army... P. 299–308.

¹⁷ Manklow C. H. Standing by the Standards... P. 107–151.

вызывают египетские петиции, адресованные этим офицерам. На данный момент известно около 50 петиций¹⁸, в которых «маленькие люди» римского Египта излагают центуриону суть правонарушений, с которыми им пришлось столкнуться, и просят справедливости. По содержанию петиции можно систематизировать следующим образом: 50% истцов пострадали от насилия; более 30% жалуются на нарушение прав собственности; 25% — на военные или административные правонарушения; менее 5% — на уклонение от социальных обязанностей (например, недобросовестность опекунов или оставление жены без пропитания)¹⁹. Мнения исследователей о роли центурионов в петиционных делах расходятся. Так, Р. Дэвис²⁰ и Р. МакМаллен²¹ считают, что петиции свидетельствуют лишь о полицейской и розыскной деятельности центурионов. По мнению Б. Кэмпбелла, при расследовании незначительных дел центурионы исполняли и судебные функции, но их судебные решения были лишены легитимности и исполнялись провинциалами только из страха перед военной силой офицера²². Поскольку Б. Кэмпбелл в целом акцентирует внимание на негативных аспектах в отношениях римской армии и провинциального населения, то и судебная власть центуриона представляется историку очередной возможностью для злоупотреблений и применения насилия к провинциалам. По этой причине он считает, что назначение наместниками центурионов в качестве *judex datus* — явление редкое (и опасное), а неформальная судебная деятельность этих офицеров должна была пресекаться высшим властями²³.

¹⁸ Каталог петиций см.: Alston R. *Soldier and Society in Roman Egypt: A Social History*. L.: Routledge, 1995. P. 88–90; Whitehorne J. *Petitions to a Centurion: A Question of Locality?* // *Bulletin of the American Society of Papyrologists*. 2004. №41. P. 161–169; Peachin M. *Petition to a Centurion from the NYU Papyrus Collection and the Question of Informal Adjudication Performed by Soldiers* // *Miscellanea in memory of P. J. Sijpesteijn* / ed. A. J. B. Sirks and K. A. Worp. The American Society of Papyrologists, 2007. P. 86–87.

¹⁹ Alston R. *Soldier and Society in Roman Egypt: A Social History*... P. 91.

²⁰ Davies R. W. *Service in the Roman Army*. Edinburgh, 1989. P. 175–186.

²¹ MacMullen R. *Soldier and Civilian in the Later Roman Empire*. Cambridge (Mass.): Harvard University Press, 1963. P. 49–76.

²² Campbell J. B. *The Emperor and the Roman Army, 31 BC–AD–235*. Oxford: Clarendon Press, 1984. P. 433.

²³ Ibid. P. 434.

Противоположный взгляд на судебную власть центурионов представлен в статье М. Пичина²⁴, который отмечает, что в удаленных от центра уголках империи центурионы оставались единственными представителями римской власти. Местному населению приходилось обращаться к этим офицерам, поскольку другого способа получить оперативные решения по своим вопросам у провинциалов не было. Таким образом, неформальная судебная деятельность центурионов связывается М. Пичиным с неразвитостью административного аппарата в Римском государстве²⁵.

В трудах обоих авторов судебная власть центурионов представлена как явление исключительное либо из-за опасности злоупотреблений (Б. Кэмпбелл), либо из-за отсутствия необходимости в ней в более романизированных и урбанизированных, чем Римский Египет, частях империи (М. Пичин). Однако не стоит забывать, что, исполняя военные функции, центурионы оставались гражданами римской *civitas*, у которых было не только право, но и обязанность участвовать в общественной жизни своего Города. В данном разделе мы постараемся показать, что судебная власть центурионов во многих случаях не противоречила римскому праву, имела легитимный статус и происходила из традиции делегирования полномочий подчиненным носителями римского империя.

В первую очередь обратимся к XVI сатире Ювенала:

Прежде всего назовем вообще удобства, из коих
Немаловажно и то, что тебя не посмеет ударить
Штатский: напротив, удар получив, он сам его скроет.

<...>

Кто наказания ищет за это, получит бардейца
В судьи себе, и в сапог военный обутые икры
Будут видны на скамьях судейских; обычай Камилла
Надо блюсти, и солдат не должен судиться вне вала
Иль далеко от знамен. Справедливейшим будет, конечно,
Центурионов разбор солдатского дела: наказан
Будет обидчик, коль есть законный для жалобы повод.

<...>

Скажет судья: "Дай свидетеля", — пусть кто-нибудь, кто побои
Видел, посмеет сказать: "Я видал" — и его я признаю

²⁴ Peachin M. Petition to a Centurion from the NYU Papyrus Collection and the Question of Informal Adjudication Performed by Soldiers... P. 79–97.

²⁵ Ibid. P. 95–97.

Бороду предков достойным носить и длинные кудри.
 Мог бы скорей привести ты свидетеля ложного против
 Штатского, чем отыскать такого, кто правду сказал бы
 Против военных людей или что-нибудь против их чести²⁶.
 (Juv. Sat. XVI. 7–34)

Из текста Ювенала следует, что центурионы обладали судебной властью над своими солдатами и участвовали в разборе даже тех дел, где одной из сторон выступало гражданское лицо. Примеры таких процессов встречаются в упомянутых выше египетских документах (Р. Оху. XIX, 2234; BGU I, 4²⁷), а в римской Британии и вовсе произошла история, представляющаяся аллюзией на текст Ювенала. Эта история сохранилась на деревянной табличке, найденной в Виндоланде²⁸ и датированной 104–120 гг. н. э. С одной стороны таблички написан отчет о торговле пшеницей, с другой — петиция к наместнику провинции от анонимного просителя, побитого розгами и, вероятно, требовавшего возмещения (часть текста утрачена). Эти документы, по-видимому, составлены одним лицом, поскольку почерк с обеих сторон таблички идентичен. Содержание отчета на обороте позволяет предположить, что пострадавший был торговцем²⁹. Итак, в своем прошении он рассказывает следующее: «...я обращаюсь к твоему [наместника] авторитету и умоляю не допустить, чтобы меня, невиновного человека, били розгами, и, господин, префекту не мог я пожаловаться, так как болезнью он скован. Я был с жалобой у бенефициария и у центурионов его [префекта] части. Я умоляю твое милосердие не допустить, чтобы мне, человеку из-за моря и невиновному, в честности которого ты можешь убедиться, приходилось быть окровавленным розгами, как совершившему преступление» (Tab. Vindol. 344)³⁰. Э. Берли предполагает, что торговец пострадал от

²⁶ Перевод Ф. А. Петровского.

²⁷ См. тексты и переводы папирусов в Приложении 1: №1.1; 1.2. Здесь и далее ссылки на приложение обозначены двумя цифрами: 1-я цифра означает номер приложения, 2-я — номер источника внутри приложения. Далее ссылки на приложение будут приведены курсивом в основном тексте работы в круглых скобках рядом с шифрами папирусов.

²⁸ Римский военный лагерь на севере современной Англии, недалеко от вала Адриана.

²⁹ Birley A. R. Vindolanda; new writing-tablets 1986–9 // Roman Frontier Studies 1989: Proceedings of the XVth International Congress of Roman Frontier Studies, 1991. P. 16–20.

³⁰ Здесь и далее перевод наш, если не указано иное. Оригинальные тексты надписей см. в Приложении 2. Данная надпись под номером 2.1. Далее ссылки на приложение будут приведены курсивом в основном тексте работы в круглых скобках рядом с шифрами надписей.

военнослужащего³¹. В таком случае упомянутое торговцем бездействие центурионов при получении жалобы объясняется желанием выгородить сослуживца.

Эпизод с побитым торговцем показывает, что в процитированной сатире Ювенала могли отразиться реальные ситуации. Но важно уточнить, что обращение пострадавшего гражданского лица к центуриону и его суду не было нормальной римской практикой³². Потерпевший в первую очередь обращался к претору, который далее определял формулу иска и процедуру рассмотрения дела. Если обстоятельства позволяли решить его по правилам общей юрисдикции, то судьей оставался сам претор. В противном случае магистрат следовал древней традиции, упомянутой Ювеналом, согласно которой дела воинов разбирались только внутри лагерных стен. Тогда среди военнослужащих претор избирал судью (*judex datus*) и передавал ему иск³³. Таким «назначенным судьей», по-видимому, и был герой Ювенала. В историографии, однако, существует гипотеза, что сатирик подразумевал в роли судьи не центуриона, а эвоката (*evocatus a quaestionibus*). Замена ранга произошла из-за того, что слово «эвокат» не подходило по размеру стиха³⁴. Верность данного предположения вызывает сомнения в связи с тем, что центурионы в роли *judex datus* известны из других источников.

Основные сведения о центурионах, являвшихся «назначенными судьями», происходят из эпиграфики и папирусных документов. Так, Луций Сальвий и Марк Светий, центурионы XI легиона, в период между 37 и 41 гг. н. э. стали *judices dati* по решению легата Луция Волузия Сатурнина (AE 1890, 11). Около 30 лет спустя другой легат того же легиона, Авл Дуценний Гемин, назначил Авла Резия Максима и Квинта Эбутия Либерала, центурионов первой когорты, судьями для разбора тяжбы двух местных племен — недитов и кориниенов, чтобы установить границу между ними (CIL III, 2883). Аналогичное поручение получили центурионы VII легиона: Маний Целий разбирал дело сапуатов и ламатин (CIL III, 9864), а Гай Марий

³¹ Birley A. R. Vindolanda; new writing-tablets 1986–9... P. 16–20.

³² Махлаюк А. В. Castrensis iurisdictio и правовой статус воинов в римском гражданском процессе // Вестник Литературного института им. А.М. Горького. 2014. № 3. С. 108.

³³ Там же. С. 109.

³⁴ Durry M. Juvénal et les Prétoriens // Revue des études latines. 1935. Vol. 13. P. 95, 104.

Матерн — нерастинов и питунтинов (CIL III, 12794). Несколько иные задачи выполняли центурионы, служившие в Египте. В папирусных документах на древнегреческом языке аналогом термина *judex datus* выступает κριτής τοῦ δοθέντος. Такие судьи рассматривали частноправовые иски о разделе имущества (Р. Оху. XIV, 1637. 9–10) и о подтверждении права собственности на землю (SB I, 5954; № 1.10). Что касается нарративных источников, то в них нет прямых упоминаний о центурионах как *judices dati*. Наиболее близкие к данному назначению обязанности были у Прокла Вителлия, известного из рассказа Иосифа Флавия (Ios. Ant. Iud. XIX. 6. 3). Прокл Вителлий получил распоряжение от наместника Сирии, Публия Петрония, найти виновных в установке статуи императора в синагоге и предоставить их Петронию для расправы. Описанное преступление, по мнению Публия Петрония (Ios. Ant. Iud. XIX. 6. 3), грозило восстанием иудейского народа и на этом основании считалось достаточно серьезным. По этой причине центуриону были переданы полномочия только на осуществление розыскной деятельности, а непосредственно судебный процесс должен был провести сам наместник.

Из приведенных примеров следует, что центурионы в качестве «назначенных судей» выступали представителями носителей империя (магистратов или наместников провинций), которые передавали в ведение сотникам незначительные дела и определенные полномочия для их разбора. Сам статус *judex datus* и соответствующие полномочия были кратковременными и действовали до окончания выполнения конкретного поручения.

При необходимости наделения офицеров более широкими правами и долгосрочными обязанностями их переводили в разряд *centuriones regionarii*. В отличие от строевых центурионов, командовавших подразделениями, регионарии переходили в распоряжение наместника провинции, который командировал их в определенные регионы провинции (удаленные от центра, стратегически важные или со сложной военно-политической обстановкой) для управления территорией и обеспечения безопасности³⁵. На данный момент из эпиграфики и папирусов известно 26

³⁵ Cupcea G. Centurions: Military or Social Elite? P. 155.

регионариев, руководивших районами в разных частях империи. Эти документы найдены в Британии, Паннонии, Нижней Мезии, Дакии, Азии, Сирии, Египте и Африке³⁶ и относятся в большинстве своем к посвяtitельным текстам (*tituli sacri*). Особо примечательны надписи из Британии, содержащие сведения не только об исполнении центурионами-регионариями личных обетов богам, но и о восстановлении ими общественных культовых сооружений. Например, Гай Север Эмерит «священное место (*locum religiosum*), разрушенное заносчивостью, доблести и могуществом Августа очищенное возвратил» (RIB 152; №2.2), а Тит Флорид Натал на свои средства заново отстроил и освятил храм за здоровье императора Александра Севера и его матери Юлии Мамеи (RIB 587). Египетские регионарии (ἐπὶ τῶν τόπων ἐκατοντάρχης), как и простые центурионы, получали от населения петиции и разбирали их иски. Так, к регионарию Клотию обращался сборщик налогов Немезий с просьбой принудить другого сборщика налогов Хориона выполнять свои обязанности, «чтобы не было недостатка в государственных налогах, и мы могли получить пользу» (P. Mich. X, 582. 2; № 1.3), а на справедливость регионария Валерия Максима уповала несчастная вдова Таветис, пострадавшая от грабежа (BGU II, 522 и Stud. Pal. Pap. XXII, 55).

Как и в случае с «назначенными судьями», термин *centuriones regionarii* не встречается в трудах античных авторов. Но в некоторых эпизодах по исполняемым центурионами функциям можно предположить, что офицер относился к данному разряду. Так, у Диона Кассия император Коммод возлагает на центуриона обязанность председательствовать на народных собраниях племени маркоманов: «Сверх того он [Коммод] потребовал, чтобы они [маркоманы] не устраивали сходки часто и в разных местах, а собирались бы раз в месяц в одном и том же месте и в присутствии римского центуриона» (Dio Cass. LXXIII. 2). А в рассказе Тацита (Tac. Ann. IV. 72) примипилар Оленний, собиравший подати у союзного Риму племени фризов, фактически называется правителем этого народа (*primipilaribus regendis Frisiis*). В целом, исходя из весьма скудных сведений, можно заключить, что в круг

³⁶ Ibid.

обязанностей регионариев входили вопросы финансовой, экономической, административной, судебной и полицейской деятельности.

В завершение обзора судебных должностей центурионов нам остается рассмотреть только те документы из Египта, где офицеры не названы ни назначенными судьями, ни регионариями. Отметим, что большая часть источников происходит из оазиса Эль-Файюм и датируется II–III вв. н. э. Адресанты петиций по своему статусу преимущественно относятся к перепегинам. Сведения, представленные в петициях, крайне противоречивы. Рассмотрим вначале историю молодых людей из Александрии, пострадавших от группы ситологов в селении Бакхия (BGU III, 908). Потерпевшие обратились к центуриону Мессию Авдаку, который переправил их к префекту Миницию Италу. Последний назначил судебный процесс над ситологами. Но прежде, чем виновные были наказаны, они в очередной раз побеспокоили александрийцев и сломали двери в их дома. Тогда молодые люди составили новую петицию к центуриону с просьбой «приказать им держаться подальше от нас» до суда префекта. Итак, в данной истории центурион принял сообщение о преступлении и должен был обеспечить безопасность пострадавших, то есть выполнить полицейские функции. Непосредственно суд над обвиняемыми сотник передал префекту, как и полагалось по римскому праву. Можно предположить, что и в остальных случаях порядок действий был примерно тот же: центурион принимает петицию, проводит расследование и передает дело префекту. К тому же из папирусов известны и другие судебные процессы, где роль центуриона сводилась к конвоированию обвиняемых до места судебного заседания (P. Mich. VI, 425). Однако не все папирусы подтверждают данную схему.

Во многих случаях формулировки требований истцов явно указывают на проведение судебного процесса самим центурионом. Так, Мел, сын Хориона, подавая иск центуриону Аммонию Патерну против своего двоюродного брата за учиненные им грабеж и насилие, завершает петицию следующими словами: «Поэтому я прошу приказать вызвать его, чтобы я мог у тебя найти справедливость» (193 г. н. э.; P. Mich. III, 175. 20–22; № 1.4). Схожая формулировка присутствует в петиции к центуриону Кренулевию Квинтилиану от Номии, дочери Гериея, которую обманул

опекун ее детей: «Об этом по необходимости я подаю [петицию] и прошу, если ты сочтешь нужным, приказать привести его к тебе, чтобы дать ответ» (211 г. н. э.; BGU I, 98; № 1.5)³⁷. Общей чертой таких петиций является известность состава преступления и личности правонарушителя. От центуриона ожидают допроса и/или ареста подозреваемого, а также применения своих властных полномочий для восстановления справедливости и выплаты компенсации истцу (за счет ответчика). Примечательно, что нигде не упоминается требование о наказании ответчика, за исключением возмещения ущерба. Возможно, участие центурионов в разборе данных дел допускалось именно в связи с отсутствием необходимости выносить судебные приговоры — достаточным было принудить ответчика к возмещению вреда.

Интересно, что в случаях, когда состав преступления был не ясен, а личность злоумышленника не установлена, центурион не всегда приступал к расследованию. Розыскной работой порой занимались сами потерпевшие с помощью блюстителя порядка (δημόσιος), как в истории крестьянина Гориона, у которого украли двух свиней: «Обходя [деревню] вместе с блюстителем порядка для проведения расследования, я столкнулся с тем, что Мен, сын Аммония, не позволяет мне с блюстителем порядка войти к нему. Поэтому я прошу привести его к тебе для допроса, чтобы я мог свое имущество получить назад и добиться справедливости» (195 г. н. э.; SB III, 6952; № 1.6). Центурион Сервилий Пудент, которому адресован данный документ, подключился к делу только в его финальной части, чтобы принудить Мена вернуть свиней Гориону. Более активного участия в расследовании ожидали от центуриона Аммония Патерна односельчане Акиарий, сын Эсуврия, и Оннофрий, сын Панефреммия, обратившиеся к нему при краже 12 сосудов с семенами: «Поэтому мы подаем (это прошение) и просим, чтобы ответственные за это провели необходимое расследование, и чтобы нам было разрешено забрать то, что у нас украдено, и чтобы вы могли нам помочь» (193 г. н. э.; BGU II, 454; № 1.7). Итак, в данном случае центурион должен был назначить ответственных за расследование. Сами

³⁷ Другие примеры: P. Оху. XIX, 2234; P. Oslo. II, 21; SB XVI, 12951; BGU I, 36 (№ 1.9); P. Gen. I, 3.

центурионы, по-видимому, занимались розыскной деятельностью только при получении такого поручения от вышестоящих властей³⁸.

Сложности в установлении роли центурионов при разборе петиционных дел добавляет отсутствие сведений о конкретных действиях, которые предпринимали офицеры после получения прошения. Имеется только один папирус (SB VI, 9290; № 1.8)³⁹, в тексте которого центурион, получив, вероятно, жалобу на ответчика, вызывает его к себе на допрос. Письмо датируется серединой II в. н. э. и адресовано анонимному подозреваемому: «От Домиция Юлиана, центуриона. Тебе было приказано при получении первого письма не поступать несправедливо, но прийти ко мне и объяснить, кому принадлежит урожай, о котором возник спор. Теперь, получив это письмо, приди ко мне. Советники эксегета Герона обвинили тебя в ограблении» (SB VI, 9290; № 1.8). Если допустить, что содержание петиции, поданной Домицию Юлиану, было схоже с известными нам документами и заканчивалось просьбой о допросе и компенсации вреда, то деятельность центуриона оправдывает ожидания потерпевшего: подозреваемый вызван дать ответ о спорном предмете и предположительно будет вынужден вернуть его обратно, если действительно окажется виновником грабежа.

Таким образом, можно прийти к следующим выводам. Действия центуриона при получении петиции, вероятно, зависели от социального статуса участников дела. В приведенной выше истории с александрийцами у центуриона было недостаточно власти, чтобы вызвать к себе на допрос таких государственных чиновников, как ситологи, и принудить их к выполнению требований истцов. По этой причине дело было передано префекту. В других, менее значительных случаях, сотники, возможно, следовали рекомендации Ульпиана проконсулам: «Незначительные обвинения проконсул должен выслушивать и разбирать вне суда и либо оправдать тех, кого обвиняют, либо наказать палками, либо, (если те) рабы, высечь кнутом» (Dig. 48. 2. 6)⁴⁰. Другими словами, если разбор дела происходил вне рамок

³⁸ См. примеры: SB I, 5954 (№ 1.10); P. Oxy. XIV, 1637.

³⁹ См. подробнее: Davies R. W. Service in the Roman Army... P. 182.

⁴⁰ Перевод Л. Л. Кофанова.

нормального судопроизводства, то и судья, наделенный судебными полномочиями, был не нужен. По этой причине любой центурион, будучи представителем римской власти, мог разбирать мелкие тяжбы провинциалов-пегринов.

Что касается судебных тяжб между римскими гражданами, то центурион как армейский офицер не обладал полномочиями для их рассмотрения. Однако центурион как римский гражданин имел право вступить в судебную декурию, о чем свидетельствует Цицерон. В «Первой филиппике против Марка Антония» оратор критикует восстановление третьей декурии судей (эарные трибуны), которую Антоний хотел образовать из центурионов и солдат легиона «жаворонков»: «Но что это за третья декурия? — «Центурионов», — говорят. Зачем? Разве этому сословию должность судьи законом Юлия, а также ранее законами Помпея и Аврелия, не была доступна? — «Был установлен ценз», — говорят. Правда, и не только центурионам, но и римским всадникам. Поэтому наиболее отважные и почтенные мужи из тех, кто командовал войсками, дела судят и судили» (Cic. Phil. I. VIII. 20). Так, по сведениям Цицерона, римское право допускало избрание центурионов, соответствовавших имущественному цензу (400 тыс. сестерциев), в состав совета уголовного суда.

Светоний добавляет к этому, что при Августе (Suet. Aug. 32. 3) появилась новая декурия с более низким цензом в 200 тыс. сестерциев. Членов данной декурии (дуценариев) оказалось сложно обнаружить в эпиграфических источниках из-за многозначности термина *ducenarius*. Так назывались и командиры отряда в 200 человек, и прокураторы с жалованьем в 200 тыс. сестерциев⁴¹. Что касается более широкого термина, *iudex ex quattuor decuriis* (судья из 4-х декуррий), то он также редко встречается в надписях, и центурионы в этих источниках не упоминаются⁴². Более распространенным является термин *iudex ex V decuriis* (судья из 5-ти декуррий)⁴³. Например, «Квинту Юлию Аквиле, сыну Гая, трибы Квирина, всаднику, причисленному к V декуриям, центуриону I Вспомогательного легиона, центуриону XXX

⁴¹ Watson G. R., Campbell B. Ducenarii // Oxford Research Encyclopedia of Classics. 2015. URL: <https://doi.org/10.1093/acrefore/9780199381135.013.2311>.

⁴² См. список надписей с данным термином в ILS (III, Ind. VI, p. 364–365).

⁴³ Пятую декурию впервые сформировал Калигула (Suet. Cal. 16. 2), но о ее цензе ничего не известно.

Победоносного Ульпиева легиона, <...> Юлий Фидий Орел, брату лучшему, поставил на общественные средства, выделенные по решению сословия» (CIL VIII, 15872; № 2.3). Упоминание принадлежности к судебной декурии перед перечислением военных постов, по мнению Б. Добсона⁴⁴, указывает на то, что судебная деятельность всадника осуществлялась им до поступления на военную службу. Поскольку такой порядок должностей встречается во многих всаднических надписях⁴⁵, допустимо предположить, что действующих центурионов в судебных декуриях не было. С другой стороны, в историографии отмечается⁴⁶, что избрание в декурии было знаком почета для привилегированных сословий, а формальное членство в декуриях могло быть пожизненным. В таком случае центурионы из всадников, вероятно, сохраняли свои судебные полномочия и на военной службе, и при выходе в отставку. Однако обе гипотезы исключают присутствие в судебных декуриях центурионов, выслужившихся из рядовых. В эпиграфике сведения о них также не сохранились⁴⁷. Возможно, бывшим легионерам членство в декурии было недоступно из-за имущественного ценза. Кроме того, препятствием мог послужить и высокий уровень конкуренции с привилегированными сословиями, о чем косвенно свидетельствует Плиний Старший, упоминавший, что даже самим всадникам не хватало места в декуриях: «Позднее этого знака отличия [т.е. перехода во всадническое сословие] стали добиваться толпами. По этой причине император Гай добавил пятую декурию. И настолько возросло тщеславие, что декурии не вмещают всего сословия, тогда как при Божественном Августе их невозможно было заполнить» (Plin. NH. XXXIII. 8).

Итак, несмотря на свидетельство Цицерона о законности присутствия центурионов в составе судебных декурий, доступный корпус источников не позволяет обнаружить действующих офицеров среди *iudices*.

⁴⁴ Dobson B. The Primipilares of the Roman Army... P. 151.

⁴⁵ Центурионы: CIL VIII, 15872; AE 1957, 249. Militia equestris: AE 1925, 44; AE 1939, 81; AE 1910, 78; AE 1954, 140; CIL VIII, 9374; 27572.

⁴⁶ Bablitz L. Actors and Audience in the Roman Courtroom. London and New York: Routledge, 2007. P. 97, 229.

⁴⁷ См. надписи центурионов из всадников, избранных в судебные декурии: AE 1957, 249; CIL VIII, 15872; XI, 1836; XI, 19.

Однако в надписях центурионов из всадников встречаются и другие названия судебных должностей: *praefectus iure dicundo*⁴⁸, *praetor iure dicundo*⁴⁹, *duumvir iure dicundo*⁵⁰ и *quattuorvir iure dicundo*⁵¹. Основными обязанностями дуумвиров и квартумвиров (дуумвиры вместе с двумя эдилами) было отправление правосудия в соответствии с указаниями наместника провинции (Dio Chrys. Or. 31. 162). Эти магистраты имели право разбирать иски, касавшиеся суммы менее 1000 сестерциев (Lex Irn. IXB. 84). В случае согласия участвующих в деле лиц дуумвиры также могли решать вопросы, относившиеся к категории *actiones famosae* («позорящие иски»), например, дела о кражах или применении насилия (Lex Irn. IXB. 84). Однако маловероятно, что им были подсудны серьезные уголовные преступления, поскольку вынести смертный приговор римскому гражданину мог только наместник провинции⁵². Для отправления правосудия дуумвиры назначали судей, арбитров или *recuperatores* из числа декурионов. Хотя по муниципальному закону Флавиев ценз для этих должностей составлял всего 5 тыс. сестерциев (Lex Irn. IXB. 86), среди их носителей преимущественно встречаются центурионы из всаднического сословия⁵³. Принадлежность к всадникам либо прямо указана в надписях, либо предполагается на основании того, что военную службу новобранец начал сразу в ранге центуриона, как, например, в данной эпитафии: «Гаю Валерию Фирмину, декуриону колонии Савария, центуриону V Лукской когорты Антонина, Валерия Календина, тетка по отцу, племяннику благочестивейшему останки похоронила» (AE 2014, 1054; № 2.4)⁵⁴.

⁴⁸ CIL VIII, 853.

⁴⁹ CIL IX, 5840.

⁵⁰ CIL XI, 1221, 386; I, 3186; III, 381; AE 1997, 1418; AE 2001, 1204; CIL X, 218; III, 12587; AE 1933, 247.

⁵¹ CIL III, 12280; XI, 624; AE 1997, 397.

⁵² Roselaar S. T. Local Administration // The Oxford Handbook of Roman Law and Society. Oxford, 2016. P. 130.

⁵³ В редких случаях городские магистратуры занимали центурионы, получившие свои посты после службы в преторианской гвардии (CIL XI, 5646, 5960). Интересно, что также среди магистратов встречаются рядовые преторианцы (CIL IX, 434; X, 410; XI, 5217) и даже legionеры (CIL V, 6896; VIII, 16873). Возможно, они следовали семейной традиции, как, например, в случае с legionером Маринием, сыном декуриона и братом римского всадника (AE 1984, 755).

⁵⁴ Другие примеры: CIL IX, 1604; VIII, 1647; XI, 5646, 5216; III, 3846; AE 2008, 1697; CIL VIII, 18112; III, 7334; AE 2018, 543; AE 1961, 330; CIL II, 4463; III, 1940.

Префекты и преторы «для отправления правосудия» обладали полномочиями, аналогичными тем, что были у дуумвиров, но в отличие от последних не избирались гражданской общиной, а назначались наместником провинции или лично императором в города, лишенные самоуправления. В некоторых случаях необходимость назначения префекта была вызвана тем, что на должность дуумвира избирали в знак почета важного человека, например, императора, который не имел возможности лично исполнять обязанности магистрата и оставлял вместо себя своего представителя⁵⁵. Среди центурионов таким представителем императора (Адриана или Антонина Пия) предположительно выступал Марк Фанний Витал. Его посвятельная надпись происходит из города Тубурбо Майус, получившего статус муниципия и права самоуправления незадолго до назначения Витала: «Марку Фаннию Виталу, сыну Марка, из трибы Папирия, центуриону IV когорты Сигамбров и I когорты Испанцев, отпущенному в почетную отставку божественным Адрианом, префекту для отправления правосудия, фламину Августа, который в честь жречества 10 тыс. сестерциев на общее дело [республике] внес и сверх того устроил театральные игры и торжественный обед. И когда совет присудил ему статую, он, довольствуясь надписью, поставил ее на свои средства» (CIL VIII, 853; № 2.5).

Надпись Витала примечательна еще и тем, что офицер стал префектом после выхода в отставку. Учитывая, что во многих случаях муниципальные должности в эпитафиях и почетных надписях перечисляются после описания военной карьеры⁵⁶, можно предположить, что центурионы избирались на муниципальные должности уже в статусе ветеранов. Из этой схемы, однако, выбиваются посвятельные надписи, в которых офицеры указывают только актуальный для времени совершения священнодействия статус и в которых также присутствуют упоминания

⁵⁵ Roselaar S. T. Local Administration... P. 127.

⁵⁶ Dobson B. The Primipilares of the Roman Army... P. 299–308; Manklow C. H. Standing by the Standards... P. 107–151. Для примера: [... Aemi]lio Q(uinti) fil(io) Pap(iria) Pudenti / [cent]urioni legionis III Aug(ustae) / [it(em)] leg(ionis) II Aug(ustae) it(em) iterum l(e)g(ionis) / [III A]ug(ustae) it(em) leg(ionis) XI Claudiae / [ad]lecto in comitatu Imp(eratoris) / [Com][[modi]] Aug(usti) Pii Fel(icis) Pvir/[o q(uin)q(uennali?)] col(oniae) Thaenitanae fratri / [Q(uiti) Ae]mili Laeti praef(ecti) praet(or)io ob / singulare[m] innocentiam / et in promerendis singulis / universisq(ue) civib(us) examina/tam adfectionem ordo Thaen(ensium) / statuam equest(rem) ponendam / de pub(lico) dec(revit?) d(ecreto) d(ecurionum) p(ecunia) p(ublica) (AE 1949, 38).

гражданских постов. Например, «Зуб, который в жертву обещала принести Манлия Пудентилла, светлейшая женщина и жрица, с Луцием Валерием Максимом, супругом своим, при жизни, [принесли] Публий Флавий Пудент, светлейший муж, сын, и Луций Валерий Максим, центурион легиона и декурион колонии Тимгад, и Луция Валерия Максимилла, дочь, воспитанница родины, Гению отечества своего в честь памяти и благочестия» (АЕ 2008, 1697; № 2.6)⁵⁷. В связи с немногочисленностью подобных примеров можно заключить, что общей тенденцией для военнослужащих было поступление на муниципальные должности уже после выхода в отставку, но в исключительных случаях совмещение военного поста и городской магистратуры не возбранялось. К тому же, как предполагает Ч. Манклоу, назначение военных лиц было выгодно самим городам, которые получали доступ к их материальным средствам и патрональным связям⁵⁸. Примеры пожертвований, подобных сделанным Фаннием Виталом, действительно не редкость в эпиграфических источниках⁵⁹. Однако «платой» за такие благодеяния был контроль со стороны императорской власти и ограничение самоуправления, поскольку и центурионы, и другие всаднические офицеры, даже выходя в отставку, оставались верными слугами принцепса. Таким образом, участвуя в общественной жизни гражданских общин, и действующие центурионы, и ветераны выступали связующим звеном между армией, городами и императором. В этом отношении их деятельность является примером сотрудничества императорской власти и муниципальной знати, которое и обеспечивало эффективную работу «государства без бюрократии».

Таким образом, можно заключить, что в большинстве случаев судебные полномочия центурионов обладали легитимностью и не противоречили римскому праву. Исполнение этих дополнительных функций было связано со следующими обстоятельствами. В первую очередь, основные обязанности центурионов по поддержанию воинской дисциплины подразумевали право судить и наказывать за ее нарушение. Поэтому именно центурион выступал судьей в делах между солдатами,

⁵⁷ Другие примеры: CIL III, 1940; IX 5840.

⁵⁸ Manklow C. H. Standing by the Standards... P. 108–109.

⁵⁹ См. примеры: CIL X, 3757; XIV, 3472; IX, 2983, 3044; XI, 711; 6224.

а также получал право от претора разбирать конфликты военных с гражданскими лицами. Кроме того, долг каждого достаточно состоятельного римского гражданина состоял в участии в общественной жизни общины и исполнении городских магистратур. По этой причине центурионы в отставке поступали на муниципальные должности, а в редких случаях, возможно, совмещали военную и гражданскую деятельность. Но самое главное условие заключалось в праве императора и его представителей при необходимости делегировать полномочия другим лицам. Благодаря этому праву центурионы выступали и в роли *judex datus*, и в качестве регионариев. Это право, по-видимому, определяло и возможность назначения этих офицеров для участия в дипломатических миссиях.

§1.2. Римские центурионы как агенты императорской власти: дипломатические функции

Летом 1948 г. И. М. Джафарзаде, руководитель археологической экспедиции Института истории имени А. Бакиханова Азербайджанской академии наук, обнаружил на территории Гобустанского заповедника (примерно в 70 км к юго-западу от Баку) латинскую надпись из шести строк, высеченную на поверхности большой каменной глыбы⁶⁰. Эта надпись является самой восточной из всех известных латинских надписей и единственной римской надписью, найденной на территории Кавказской Албании⁶¹. Перевод надписи гласит следующее: «При императоре Домициане, Цезаре, Августе, Германике, Луций Юлий Максим, центурион XII Молниеносного легиона» (AE 1951, 263; № 2.7).

Интерпретации данного текста посвящена обширная историография, подробно разобранный А. Л. Смышляевым⁶². Исследователь заключает, что большинство историков рассматривают гобустанскую надпись как прямое свидетельство

⁶⁰ Смышляев А. Л. Латинская надпись из Азербайджана: проблемы и история интерпретации... С. 581–610.

⁶¹ Там же.

⁶² Там же.

римского военного присутствия в восточной части Закавказья в конце I в. н. э.⁶³. Однако скудность сведений о римско-албанских отношениях в этот период, отсутствие других источников, свидетельствующих о пребывании римской армии в регионе, а также местонахождение надписи в бедной и малолюдной области с весьма сомнительной стратегической ценностью не позволяют согласиться с данной трактовкой.

Более убедительной кажется альтернативная точка зрения, согласно которой центурион Луций Юлий Максим не командовал римским гарнизоном в Кавказской Албании, а выполнял индивидуальное поручение «разведывательного или дипломатического характера»⁶⁴. Хотя в современной историографии мнения о сущности назначения Юлия Максима разделились, и одни исследователи склоняются к тому, что миссия была разведывательной⁶⁵, а другие настаивают на том, что центурион выступал в роли дипломата⁶⁶, стоит отметить, что ни в Римской империи, ни у ее соседей дипломатия и разведка не существовали как отдельные государственные институты и их функции могли тесно переплетаться друг с другом⁶⁷. Соответственно, поручение Юлия Максима в Кавказской Албании также могло охватывать обе сферы деятельности.

Вероятно, конкретные аспекты миссии Юлия Максима так и останутся неизвестными ввиду отсутствия иных источников. Но на примерах других центурионов, получавших дипломатические поручения, представляется возможным определить круг обязанностей коллег Юлия Максима в дипломатических миссиях. В данном разделе на основе анализа сюжетов античных авторов и эпиграфических свидетельств будет представлена характеристика центурионов как дипломатических агентов.

⁶³ Там же.

⁶⁴ Там же.

⁶⁵ Braund D. Notes from the Black Sea and Caucasus: Arrian, Phlegon and Flavian Inscriptions // *Ancient Civilisations from Scythia to Siberia*. 2003. 9.3–4, P. 189.

⁶⁶ Кудрявцев О. В. Колхида, Иберия и Албания в I–II вв. н.э. // *Всемирная история: В 13 томах*. М.: Государственное издательство политической литературы, 1956 г. Т. 2. 1956. С. 687–691; Парфенов В. Н. Гобустанская надпись и восточная политика Флавиев... С. 282–344.; Syme R. Tacitus. Vol. 1–2. Oxford, 1958. P. 238; Wheeler E. L. The Army and the Limes in the East // *A Companion to the Roman Army*. Malden; Oxford, 2007. P. 243.

⁶⁷ Eilers C. Introduction // *Diplomats and Diplomacy in the Roman World*. Leiden, 2009. P. 1.

Прежде всего отметим, что дипломатические практики в Римской империи существенно отличались от современных стандартов дипломатической службы. Так, у римского государства не было постоянных представителей в других странах, которые бы продвигали римские интересы или оказывали помощь римским гражданам, оказавшимся за рубежом. Сходным образом и иностранные государства не имели постоянных представителей в Риме. Также не существовало особого министерства иностранных дел или государственных служащих, специализировавшихся на международных отношениях⁶⁸. Вопросы внешней политики преимущественно решались лично императором⁶⁹.

Кроме того, дипломатия в современном мире является инструментом регулирования отношений между суверенными государствами. В Римской империи дипломатическую форму могли принимать отношения не только между императором и правителем другого государства, но и между принцепсом и гражданскими общинами внутри империи⁷⁰. Так, архив императорских писем из карийского города Афродизиас⁷¹ содержит примеры дипломатического протокола, сложившегося в общении этого полиса с принцепсом. При вступлении нового императора на престол городской совет Афродизиаса издавал декрет с выражением радости полиса по этому поводу. Особое посольство передавало этот декрет лично императору и произносило торжественную речь перед ним. Принцепс в ответ гражданам Афродизиаса составлял письмо на греческом языке с подтверждением привилегированного статуса города. Послы привозили это письмо в родной полис и помещали его на стену театра. Такая практика продолжалась до середины III в. н.э.⁷².

⁶⁸ Ibid.

⁶⁹ Millar F. Government and Diplomacy in the Roman Empire during the first three centuries // *The International History Review*. 1988. Vol. 10. №. 3. P. 349.

⁷⁰ Ibid. P. 354. См. одно из новых исследований по этой теме: Claudon, J.- F. *Les Ambassades des cités Grecques d'Asie Mineure auprès des Autorités Romaines. De la Libération des Grecs à la fin du Haut- Empire (196 av. J.- C. – 235 apr. J.- C.)*. 2 vols: PhD Diss. École Pratique des Hautes Études. Paris, 2015.

⁷¹ Публикацию это архива см.: Reynolds J. *Aphrodisias and Rome*. London, 1989.

⁷² Millar F. Government and Diplomacy in the Roman Empire during the first three centuries... P. 353.

Дипломатические отношения Афродизиаса и принцепса не были уникальными в Римской империи⁷³. Кроме того, подобные посольства к императору (или его наместникам) от городов и провинциальных союзов отправлялись не только при восшествии нового принцепса на престол, но и по другим официальным причинам, включая военные победы, принятие тоги зрелости (*toga virilis*) наследником власти или смерть члена императорской семьи⁷⁴. Однако примечательно, что во многих случаях торжественные речи послов, произносимые ими в честь официального повода их визита, служили только предисловием к изложению финансовых или административных проблем, для решения которых, фактически, и прибывали послы. Данная практика указывает на очередную особенность римской дипломатии (впервые выделенную в историографии В. Эком): дипломатические инструменты были неотъемлемой частью процесса управления империей⁷⁵.

Хотя центурионы, как было отмечено выше, играли важную роль в обеспечении коммуникации между армией, городами и императором, сведений об их участии в подобных почетных посольствах к принцепсу не сохранилось. В то же время есть свидетельства о получении центурионами поручений от императора для решения вопросов, представленных городскими посольствами. Например, именно центурион назначался в качестве посредника для урегулирования споров между городами. Так, примипил Тусценций Феликс по распоряжению императора Антонина Пия разрешил территориальный спор городов в Центральной Италии и определил границы Ариции, Бовилл и Ардеи⁷⁶. Сходство поручения, возложенного на Тусценция Феликса, с разобранными выше обязанностями центурионов, действовавших в качестве «назначенных судей», подтверждает тезис В. Эка о применении дипломатических методов в административных практиках империи⁷⁷. В подобных случаях

⁷³ Hallmannsecker M. Diplomacy and External Relations // Idem. *The Oxford Handbook of Greek Cities in the Roman Empire*. Oxford, 2024. P. 280–283.

⁷⁴ Ibid. P. 282.

⁷⁵ Eck W. Diplomacy as Part of the Administrative Process in the Roman Empire // *Diplomats and diplomacy in the Roman world*. Leiden, 2009. P. 193–207.

⁷⁶ Публикации этих надписей см. в: *Alle Pendici dei Colli Albani: Dinamiche insediative e cultura materiale ai confini con Roma* / Ed. A. L. Fischetti, P. Attema. Barkhuis, 2019. P. 111–115; 119–122.

⁷⁷ Eck W. Diplomacy as Part of the Administrative Process in the Roman Empire... P. 193–207.

центурионы выступали в роли дипломатического представителя римской державы и вместе с тем в качестве администратора, наделенного императором необходимыми полномочиями для решения местной проблемы.

Однако такие полномочия для самостоятельных действий, по-видимому, отсутствовали у центурионов, выполнявших дипломатические поручения за пределами Римской империи. Например, когда Тиберий направил центуриона во Фракию в 19 г. н. э. для урегулирования конфликта между местными царями, Котисом и Рескупоридом, он приказал офицеру только передать повеление римского императора этим царям о прекращении вооруженных споров (Тас. Ann. II. 65). Стоит отметить, что центуриону не было делегировано никаких особых полномочий для вмешательства в царский конфликт с целью его разрешения или для принуждения царей к примирению. Задачей центуриона было точно передать слова Тиберия и, вероятно, принести ему ответ фракийских царей.

Обеспечение связи между римским императором или его наместниками и иностранными правителями имело крайне важное значение во время военных кампаний. О привлечении центурионов к исполнению данной функции известно из описания Тацита восточной кампании Нерона. Когда парфянский царь Вологез попытался свергнуть римского ставленника в Армении, римский военачальник Корбулон направил к нему центуриона Касперия, чтобы, по словам Тацита, «потребовать объяснения введенным в провинцию войскам и осаждению союзного и дружественного [Риму] царя, а также римских когорт» (Тас. Ann. XV. 5). Впоследствии при завершении конфликта с Парфией Корбулон снова назначил центурионов для проведения переговоров о мире: «Прибывших с миром послов от Тиридата и Вологеза, он, [Корбулон], не отверг, но отправил с ними центурионов, [поручив им изложить] отнюдь не жесткие условия» (Тас. Ann. XV. 27). В представленных примерах, как и в приведенном выше случае с конфликтом между фракийскими царями, центурионы, по-видимому, не обладали полномочиями для самостоятельных действий, а только передавали сообщения противоборствующим сторонам⁷⁸.

⁷⁸ В этом отношении, скорее всего, центурионы имели официальную должность *stator* (ординарец), зафиксированную в эпиграфических источниках: «Миролюбивой Августе, колонии

В ходе гражданских войн центурионы также назначались посланниками для обеспечения коммуникации между политическими противниками. Один из подобных эпизодов приводит Тацит в описании гражданской войны 68–69 гг. Когда в конце войны Флавий Сабин, префект города Рима и брат Веспасиана, был осажден сторонниками Вителлия в крепости на Капитолии, он направил для переговоров к Вителлию примипилярия Корнелия Марциала, «поручив ему спросить, на каком основании Вителлий нарушает заключенное между ними соглашение». Порученная Марциалу речь была наполнена упреками и осуждением действий Вителлия и его солдат. В ней также содержался призыв Вителлию сражаться с легионами Веспасиана, а не со стариком Сабин, соблюдавшим присягу Вителлию несмотря на родство и благоприятные для Веспасиана обстоятельства. Провокационная речь Марциала, по словам Тацита, действительно напугала Вителлия. Тем не менее император пожелал сохранить жизнь «посланнику мира» (*internuntius pacis*) и вывел примипилярия через секретный ход из дворца, чтобы разъяренные солдаты не убили его (Тас. Hist. III. 69–70).

Эпизод с Корнелием Марциалом особо примечателен, поскольку в нем содержатся сведения о возможных опасностях дипломатической службы в Древнем Риме. Речь примипиляра могла вызвать гнев Вителлия, а рядовые солдаты были готовы убить этого «посланника мира» только за предложение о заключении перемирия. Хотя формально послам гарантировалась неприкосновенность⁷⁹, миссия Марциала завершилась успешно преимущественно благодаря личным качествам Вителлия, а не в силу действия законов. Одним из примеров, подтверждающих данный тезис, может послужить история Цезаря о назначении послов к Ариовисту: «Наиболее подходящим казался Г. Валерий Прокилл, юноша доблестный и достойный,

Филиппы, Луций Татиний Гнос, сын Луция, трибы Волтиния, центурион-ординарец на свои средства сделал» (AE 1933, 88; № 2.8).

⁷⁹ Dig. 50. VII. 18: «Помпоний в 37-й книге «Комментариев к Квинту Муцию». Если кто ударит вражеского посла, то считается, что это сделано вопреки праву народов, так как послы считаются священными. Поэтому-то и дается ответ, что если во время пребывания у нас послов какого-нибудь народа с этим народом началась война, то его послы остаются свободными, ведь это соответствует праву народов. Поэтому Квинт Муций и отвечает, что обычно того, кто ударил посла, выдают тому враждебному народу, от которого были послы» (цит. по: Дигесты Юстиниана. Т. VII, полутом 2 (книги XLVIII—L) / Пер. с лат.; Отв. ред. Л. Л. Кофанов. М.: Статут, 2005).

<...> в силу его верности и знания галльского языка, на котором Ариовист привык говорить; кроме этого, он не был ни в чем повинен перед германцами. Сопровождать его [назначили] М. Меттия, пользовавшегося гостеприимством Ариовиста. <...> Когда он, [Ариовист], заметил пришедших, то закричал при своих командирах: «Зачем вы пришли? Чтобы шпионить?» Ответить им не дали, но заключили в оковы» (Caes. B. Gall. I. 47. 6). Так, ни право народов, ни узы гостеприимства не защитили послов Цезаря от плохого обращения.

Опасности дипломатической службы, по-видимому, являлись одним из факторов, определявших назначения именно центурионов для выполнения дипломатических поручений. В историографии отмечается, что социальный статус этих офицеров был достаточно высоким, чтобы представлять римскую державу перед иностранными правителями, но в то же время их потеря в случае неудачи не считалась критичной для римской стороны⁸⁰. Кроме того, характеристики центурионов в произведениях античных авторов создают образ доблестного воина, способного не только к героическим поступкам и самопожертвованию, но и к решению проблем «любой степени сложности»⁸¹. В качестве примера приведем эпизод из парфянской кампании Траяна, рассказанный Дионом Кассием: «Аденистры представляли собой хорошо укрепленную крепость, куда был направлен центурион Сентий в качестве посланника к Мебарсапу; заключенный этим последним в оковы, он находился в этом месте, но потом, когда сюда подошли римляне, он, сговорившись с некоторыми узниками, заключенными вместе с ним в темницу, освободился с их помощью от оков, убил начальника гарнизона и открыл ворота своим соотечественникам» (Dio Cass. LXVIII. 22b. 3). Так, репутация центурионов, заслуженная подобными подвигами, вероятно, позволяла римским властям рассчитывать на благоприятный исход любой дипломатической миссии, в которой участвовали эти офицеры.

Помимо подходящего социального статуса и хорошей репутации центурионы могли иметь необходимые для дипломатической службы знания и навыки. В приведенном выше описании Цезаря выбора послов к Ариовисту одним из факторов,

⁸⁰ Ward G. A. Centurions: the Practice of Roman Officership... P. 228.

⁸¹ Парфенов В. Н. Указ. соч. С. 323.

определивших назначение Г. Валерия Прокилла, стало его знание галльского языка. Знание нескольких языков центурионами предполагается в историографии в силу их служебных обязанностей и высокой географической мобильности⁸². Также билингвальными, безусловно, были офицеры, происходившие из нелатиноязычных регионов империи⁸³. Для примера достаточно вспомнить биографию императора Максимиана Фракийца. Он при поступлении на военную службу в период правления Септимия Севера едва говорил по-латыни и смешивал ее в речи с родным фракийским языком (SHA Maxim. 2. 5). Впоследствии его знания латыни, вероятно, улучшились, и он мог свободно изъясняться на обоих языках, когда получил повышение до центуриона при Каракалле (SHA Maxim. 4. 4)⁸⁴.

Из эпиграфики и папирусов известны и другие билингвальные центурионы. Так, отставной центурион, Публий Элий Помпей, родом из Карнунта в Верхней Паннонии, заказал для своей супруги и для себя прижизненно саркофаг с надписью на латинском и греческом языках (AE 2004, 1373). Как верно замечает Адамс, офицер не стал бы заказывать двуязычный текст, если бы в его семье не говорили на обоих языках⁸⁵. Подобные греко-латинские эпитафии (а также почетные надписи) преимущественно происходят из восточных провинций империи⁸⁶. Стоит отметить, что греческий язык был не только широко представлен в армейских подразделениях, служивших в этих регионах, но и являлся, по мнению Миллара, языком дипломатических отношений с восточными соседями Рима, включая Армению и Парфянское царство⁸⁷. В связи с этим знание греческого языка для центурионов, руководивших восточными подразделениями, было не только служебной необходимостью, но и преимуществом, позволявшим этим офицерам получать почетные дипломатические поручения.

⁸² Adams J. N. The Poets of Bu Njem: Language, Culture and the Centurionate... P. 130.

⁸³ Ibid.

⁸⁴ Ibid. P. 132–133.

⁸⁵ Ibid. P. 131.

⁸⁶ Ibid.

⁸⁷ Millar F. Government and Diplomacy in the Roman Empire during the first three centuries... P. 364.

Среди центурионов известны знатоки и/или носители и некоторых других языков, имевших распространение в Римской империи или у ее соседей. Примечательно, что по крайней мере один из них занимал официальную должность переводчика (*interp*<*p*>*rex*) в своем легионе. Обратимся к тексту его эпитафии, найденной недалеко от Карнунта и датируемой второй половиной I в. н. э.: «Квинт Этилий Прим, сын Спурия, трибы Вотурия, переводчик XV легиона, там же центурион, торговец, 80 лет, похоронен здесь...» (АЕ 1978, 635; № 2.9). Хотя такое сочетание позиций переводчика, центуриона и торговца (возможно, уже после почетной отставки) уникально для обычного римского гражданина, деятельность Этилия Прима весьма показательна в контексте взаимоотношений армии, провинциального населения и соседствовавших варварских племен.

Прежде всего отметим, что XV Аполлонов легион в течение I в. н. э. покидал Карнунт только на 8 лет (63–71 гг.) для участия в Парфянской кампании Нерона и Иудейской войне⁸⁸. Поскольку карьерный путь Этилия Прима, согласно его эпитафии, связан именно с этим легионом, допустимо предположить, что большую часть жизни этот центурион провел также в Карнунте⁸⁹. Длительное пребывание в регионе, как отмечается в историографии⁹⁰, помогло Этилию Приму изучить местные языки (вероятно, германские), наладить экономические связи с окружающим варварским населением и интегрироваться в провинциальное сообщество. Таким образом, условия для сочетания обязанностей центуриона, переводчика и торговца⁹¹ были весьма благоприятными.

Знание местных языков в совокупности с регулярными деловыми контактами с варварами позволяло Этилию Приму получать актуальную информацию об

⁸⁸ Wheeler E. L. *Legio XV Apollinaris: from Carnuntum to Satala—and beyond* // *Les légions de Rome sous le Haut-Empire*. Paris, 2000. Vol. 1. P. 260.

⁸⁹ Mairs R. *Interpretes, Negotiatores and the Roman Army: Mobile Professionals and Their Languages* // *Migration, Mobility and Language Contact in and around the Ancient Mediterranean*. Cambridge, 2020. P. 208.

⁹⁰ *Ibid.*

⁹¹ В историографии существует предположение, что Этилий Прим принадлежал к семье успешных купцов из рода Этилиев, занимавшихся торговыми делами на римском участке Янтарного пути. См. Kölnik T. Q. *Atilius Primus Interpres, Centurio und Negotiator* // *Acta Archaeologica*. 1978. T. 30. № 1–2. P. 66.

экономической и политической ситуации в соседних племенах. Хотя торговая деятельность Этилия Прима не является типичным занятием для всех центурионов, подобная информация о положении дел на соседних Риму территориях могла быть центуриону доступнее, чем наместнику провинции, поскольку служебные обязанности этих офицеров (в том числе разобранные выше судебно-административные функции) часто приводили их в регионы, удаленные от крупных городов и военных лагерей⁹². Более того, в некоторых случаях сбор сведений об иностранных территориях мог быть непосредственной целью служебных поездок центурионов. Для примера можно вспомнить двух центурионов, участвовавших в экспедиции, посланной Нероном исследовать истоки Нила: «Они рассказывали, как проделали долгий путь, как царь Эфиопии снабдил их наставлениями и поручил соседним царям содействовать им, как они оттуда добрались до самых дальних обитаемых земель» (Sen. Quest. Nat. VI. 8. 3). Плиний Старший, описывая данную экспедицию, также упоминает, что ее отправление было связано с планами Нерона захватить Эфиопию (Plin. NH. VI. 35). Итак, в ходе дипломатических миссий центурионы не только выступали в качестве послов и представителей, но и выполняли разведывательные задачи.

Помимо функций дипломатического представительства и разведки центурионы выполняли обязанности по сопровождению иностранных послов или заложников по территории Римской империи. Данные поручения считались почетными для центурионов, о чем свидетельствует погребальная надпись примипила Гая Велия Руфа, который в числе своих достижений наравне с назначением на должность прокуратора Реции указывает, что он «проводил» (*reduxit*) сыновей коммагенского царя Антиоха, Эпифана и Каллиника, к императору Веспасиану (AE 2011, 51). Кроме этого, можно вспомнить перебранку (*jurgium*) центуриона Инстея с префектом Аррием Варом из-за права доставить заложников от царя Вологеза (Tac. Ann. XIII. 9).

Обобщая рассмотренные в данном разделе формы участия центурионов в дипломатических миссиях, можно заключить, что право этих офицеров представлять

⁹² Ward G. A. Centurions: the Practice of Roman Officership... P. 230.

Римскую империю в отношениях как с внутренними гражданскими общинами, так и с иностранными государствами происходило из уже упомянутой традиции передачи полномочий подчиненным, характерной для римской системы управления. Безусловно, центурионы не были дипломатами в современном понимании этой должности. Они не проводили переговоры и не принимали ответственных решений. Зачастую их основной обязанностью было обеспечение связи между противоборствующими сторонами и сбор актуальной информации о положении дел у соседних племен или в иностранных государствах. Тем не менее их действия могли влиять на исход миссии. Для примера достаточно вспомнить решительность центуриона Корнелия, возглавлявшего посольство Октавиана к сенату в 43 г. до н. э. Целью посольства, как рассказывает Светоний, было утверждение консульской власти Октавиана. Когда сенат стал медлить с назначением, Корнелий, «откинув плащ и показав на рукоять меча, не колебался сказать в курии: «он это сделает, если вы не сделаете» (Suet. Aug. 26. 1). Готовность центурионов к решительным действиям, их уникальные знания и навыки в сочетании с достаточно высоким социальным статусом, вероятно, предопределили возможность поручения дипломатических задач именно этим офицерам. Итак, если при исполнении судебных и административных функций центурионы могли донести достижения римлян в области права до «маленьких людей» и тем самым способствовать формированию у них позитивного отношения к римскому правлению, распространяя таким образом власть принцепса до весьма отдаленных частей империи, то, участвуя в дипломатических миссиях, эти офицеры утверждали авторитет императора за пределами Римской державы. В связи с этим неудивительно, что к числу их обязанностей относилось и укрепление лояльности подчиненных им солдат императору, что достигалось, в частности, посредством регулярного проведения религиозных обрядов.

§1.3. О роли центурионов в ритуалах армейской религии и отправлении императорского культа

Римская армия обычно представляется прагматичным военным институтом, отличавшимся высокой боевой подготовкой, искусной тактикой и талантливыми

лидерами. Вместе с этим ее важнейшие устои и традиции, включая воинскую присягу и строгую дисциплину, были тесно связаны с иррациональными религиозными практиками и сакральными представлениями⁹³. В подтверждение убежденности римлян в неразрывной связи между религией и военным делом можно привести слова Сенеки Младшего: «первые узы военной службы — это благочестье (*religio*), и любовь к знаменам, и священный запрет бежать от них» (*Sen. Epist. 95. 35*). Ввиду многообразия форм религиозной жизни в римской армии стоит отметить, что данное убеждение распространяется только на официальные культы, т. е. на традиционные римские военные культы (почитание Дисциплины, знамен, гениев легионов и др.), государственные культы (Юпитер, Юнона, Минерва) и императорский культ. Значимость этих религиозных практик для римской армии подчеркивается и в историографии⁹⁴. В частности, отмечается, что ритуалы и обряды официальной армейской религии способствовали формированию и укреплению лояльности военнослужащих к верховному главнокомандующему, т.е. к императору. В то же время регулярное проведение этих ритуалов и обрядов служило средством выражения и демонстрации преданности военных правителю. Кроме того, армейские религиозные практики были направлены на усиление дисциплины и создание корпоративной идентичности на уровне отдельных подразделений и армии в целом⁹⁵. Таким образом, официальная армейская религия была неотъемлемой частью воинского этоса.

В связи с особой ролью официальной религии в военном сообществе неудивительно, что ритуалы и обряды могли совершать не только жрецы, о присутствии которых в римской армии сохранилось мало свидетельств⁹⁶, но и сами офицеры. Для обобщения религиозной деятельности римских офицеров О. Штоллем был

⁹³ Махлаюк А.В., Негин А.Е. Повседневная жизнь римской армии в эпоху Империи. СПб.: Евразия, 2021. С 310.

⁹⁴ Stoll O. *The Religions of the Armies // A Companion to the Roman Army* / ed. P. Erdkamp. Oxford: Blackwell, 2007. P. 451–476.

⁹⁵ Ibid. P. 451.

⁹⁶ Wheeler E. L. *Pullarii, Marsi, Haruspices, and Sacerdotes in the Roman Imperial Army // A Roman Miscellany: Essays in Honour of Anthony R. Birley on his Seventieth Birthday*. 2008. P. 199.

предложен специальный термин «Kultfunktionär» («отправитель культа»)⁹⁷. Обязанности по отправлению культа исполняли, по-видимому, офицеры всех рангов от центурионов и декурионов до легата. Об этом, в том числе, сообщает Плиний Младший в письме к императору Траяну: «Обеты, владыка, принятые нами в прошлые годы, выполнили мы охотно и радостно и приняли опять новые. Войска и жители провинции, соревнуясь в любви к тебе, молили богов, да сохранят они тебя и государство в целостности и процветании по милосердию своему» (Plin. Epist. X. 100)⁹⁸. Так, согласно Плинию, религиозные обряды в честь государственных праздников были организованы на нескольких уровнях. Сначала наместник провинции исполнял обеты от своего имени и проводил единую церемонию для всей провинции. Затем представители местной власти устраивали отдельные церемонии на уровне городов, районов и кварталов для гражданских лиц. В армии религиозные мероприятия также осуществлялись как на уровне всего легиона, так и отдельно для каждой центурии или турмы. Такое сложное устройство религиозной жизни в римском обществе, вероятно, предопределило обязанность центурионов заниматься отправлением культа для их подразделений.

В качестве подтверждения исполнения центурионами подобных функций обычно приводят свидетельство Евсевия о солдате Марине⁹⁹. Когда Марина назначили на должность центуриона, другой претендент на пост заявил, что Марин не может исполнять обязанности центуриона, поскольку является христианином и «не приносит жертв императорам» (Euseb. HE. VII. 15). Так, согласно Евсевию, совершение жертвоприношений входило в число должностных функций этих офицеров. В данном разделе свидетельство Евсевия будет дополнено другими источниками с целью расширить представления о центурионах как «отправителях культа», установить конкретные аспекты религиозной деятельности этих офицеров и определить их роль в армейских религиозных практиках.

⁹⁷ Stoll O. "Offizier und Gentleman". Der römische Offizier als Kultfunktionär // Klio. 1998. Bd. 80. № 1. P. 135.

⁹⁸ Пер. М. Е. Сергеенко.

⁹⁹ Kumpitsch W. The Late Antique Roman Officer as a Religious Functionary in the Christian Roman Army // Storia Militare Antica. 2022. № 3. P. 450.

Сведения о религиозной деятельности центурионов происходят преимущественно из эпиграфических источников. Всего известно около 300 надписей¹⁰⁰. По содержанию эти надписи можно разделить на посвящения различным божествам и эпитафии с упоминаниями об исполнении центурионами жреческих функций. Эти источники были выявлены на территориях почти всех провинций Римской империи и датированы I–III в. н. э.: 16% надписей относится к I в. н. э., 58% — ко II в. н. э., а оставшиеся 26% памятников датируются первой третью III в. н. э.

Содержание более половины посвящений (56%) связано с почитанием императора и Юпитера Наилучшего Величайшего. Преобладание данных культов среди религиозных практик центурионов само по себе не удивительно. Культовые мероприятия являлись неотъемлемой частью римских государственных праздников, среди которых около 2/3 были посвящены почитанию императора¹⁰¹. Что касается культа Юпитера Наилучшего Величайшего, то это божество считалось покровителем знамен и именно с ним ассоциировался главный штандарт легиона — орел (*aquila*; *Isid. Etym.* XVIII. 3. 2). Однако примечательно, что 44% посвящений императорам относится к периоду правления династии Северов. Кроме того, надписи периода Северов отличаются преобладанием посвящений именно живым императорам, а не их гениям или *numina*. Выявленные особенности религиозных практик центурионов III в. хорошо согласуются с предположением Ф. Л. Гомеза об усилении императорского культа при Северах с целью легитимировать положение этой династии и укрепить ее связь с предшествовавшими правителями Рима¹⁰².

Среди других культов, представленных в посвятительных надписях центурионов, можно выделить почитание Геркулеса, Аполлона и Дианы, а также поклонение Фортуне и культ Орла легиона. Суммарно они составляют 28% посвящений этих офицеров. Еще 14% надписей содержат упоминания иных божеств или

¹⁰⁰ Для проведения статистического анализа, результаты которого представлены в данном параграфе, нами были использованы надписи, опубликованные в сборниках, указанных в обзоре источников во введении. См. сноску № 52.

¹⁰¹ Lozano Gómez F. El culto a los emperadores en el ejército Romano: el caso del Feriale Duranum // *Arys*. 2014. Vol. 12. P. 226.

¹⁰² *Ibid.* P. 236.

обожествленных сущностей (всего около 17 наименований) римской официальной религии. Местные неримские божества встречаются только в 2% надписей. Таким образом, официальные римские культы занимают центральное место в религиозных практиках центурионов.

Преобладание официальных культов в религиозной деятельности центурионов может свидетельствовать не только о личных религиозных чувствах и представлениях этих офицеров, но и о действовавшей для них обязанности исполнять жреческие функции для своего подразделения. На существование такой практики указывает ряд надписей, в которых центурионы создают посвящения от имени всей центурии или отдельной группы военнослужащих. В качестве примера можно привести надписи офицеров германских легионов. Так, Луций Папий Фортунат, посвятил алтарь Юпитеру вместе со своими вексилляриями: «Юпитеру Наилучшему Величайшему посвящено. Луций Папий Фортунат, центурион XXI Стремительного легиона, и вексиллярии того же легиона» (CIL XIII, 7714; № 2.10). Другой офицер, Гай Сульпиций Матур, сделал посвящение Геркулесу Саксану от себя и своих сослуживцев: «Геркулесу Саксану посвящено. Гай Сульпиций Матур, центурион XXII Первородного легиона, и соратники из того же легиона, которые служили под его [руководством], исполнили обет охотно и достойно» (CIL XIII, 7704; № 2.11). Это посвящение было обнаружено в долине реки Броль, впадающую в Рейн севернее Кобленца. Необычный эпитет Геркулеса, происходящий от латинского слова *saxum*, «камень», вероятно, указывает на покровительство бога туфовым карьерам, которых было много в этой области в римский период. Соратники Сульпиция Матура, по-видимому, несли службу в этих карьерах и стремились заручиться поддержкой божества, чтобы облегчить свой труд. Этим стремлением и вызвано создание посвящения¹⁰³.

Похожего типа надписи встречаются и в других регионах империи. Так, вексиллярии из двух дунайских легионов (I Италийского и V Македонского) исполнили обет Нептуну Августу под руководством своих центурионов Валерия

¹⁰³ Rives J. Religion in the Roman Provinces // The Oxford Handbook of Roman Epigraphy. Oxford, 2015. P. 428.

Клементы и Эптидия Модесты (CIL III, 14433). Стоит отметить, что Эптидий Модест был даком по происхождению¹⁰⁴. По этой причине можно предположить, что его участие в посвящении в большей степени было обусловлено выполнением служебных обязанностей и необходимостью демонстрировать лояльность императору, а не стремлением выразить личные религиозные чувства.

Большое количество коллективных посвящений, созданных под руководством центурионов, происходит из Северной Африки. Эти надписи преимущественно посвящены императорскому дому Северов и похожи по своему формуляру. В качестве примера приведем надпись на каменной табличке, происходящей из храма Марса в Бу Нджеме: «Богу Марсу Канапфару Августу за здоровье и невредимость нашего государя Императора Цезаря, внука божественного Септимия Севера, сына божественного Антонина Великого, Марка Аврелия Севера Александра, Непобедимого, Благочестивого, Счастливого Августа, великого понтифика, трибуна в 4-й раз, консула, отца отечества, и Юлии Мамеы Августе, матери Августа нашего, и всем войскам, и божественному дому от отряда вексиляриев III Августова легиона Благочестивого Защитника Северов имеющим попечение Титом Флавием Апронианом, центурионом этого легиона, командиром вексиляриев» (AE 1979, 645; № 2.12).

Таким образом, обобщая приведенные примеры, можно заключить, что практика проведения коллективных посвящений под руководством центурионов была распространена во многих легионах империи. Поводом для проведения таких посвящений мог послужить любой праздник из римского официального календаря. Образец подобного календаря сохранился на папирусе, известном под названием *Feriale Duranum* (P. Dura 54 = Fink, 117 = CPL 324). Папирус был обнаружен среди документов XX-й когорты пальмирцев во время раскопок Дура-Европос на Евфрате в 1930-е годы. Он был датирован временем правления Александра Севера между 223 и 227 гг. н. э. Поскольку в данном календаре полностью отсутствуют упоминания местных богов Дуры или божеств, почитаемых пальмирцами, а отмечаются

¹⁰⁴ Колосовская Ю.К. О романизации Дакии // ВДИ. 1957. № 1. С. 91.

исключительно римские традиционные праздники или события, связанные с императорским домом, в историографии предполагается, что *Feriale Duranum* был стандартным календарем для всех воинских формирований империи¹⁰⁵. Разработку основного содержания календаря обычно относят к реформам Октавиана Августа. Тем не менее современные авторы подчеркивают, что даже традиционные праздники могли претерпевать адаптации и трансформации при последующих правителях в зависимости от их политических программ¹⁰⁶.

Всего из *Feriale Duranum* известен 41 праздничный день с 3 января по середину сентября. Для каждого события в календаре прописаны культовые действия (*immolatio* и/или *supplicatio*) и количество животных для жертвоприношения. Церемония *supplicatio* представляла собой торжественный молебен за успехи императорской политики или в честь радостных событий в императорской семье с приношениями вина и ладана¹⁰⁷. Обряд *immolatio* предполагал заклание жертвенного животного. Украшенные головными повязками (*infulae*), лентами (*vittae*) и венками, жертвенные животные велись особыми служащими (*victimarii*) к алтарю перед храмом. Впереди них шествовал центурион в белых одеждах в сопровождении солдат. Само жертвоприношение происходило в три этапа: сначала центурион бросал в огонь очага ладан и возливал вино; затем читал жертвенную молитву; в конце он окроплял животное вином и мукой и проводил линию от головы до хвоста плоским жертвенным ножом. После совершения этих действий *виктимарий* убивал животное. В заключительной части центурион помещал части животного, предназначенные для приношения божеству, на алтарь и сжигал их. После приношения оставшая часть животного съедалась центурионом и его солдатами¹⁰⁸. Из описания обрядов следует, что центуриону для исполнения обязанностей по отправлению культа

¹⁰⁵ Fishwick D. Dated Inscriptions and the "Feriale Duranum"... P. 350.

¹⁰⁶ Lozano Gómez F. El culto a los emperadores en el ejército Romano... P. 234.

¹⁰⁷ Wissowa G. Religion und Kultus der Römer. München: Beck, 1912. P. 423–426; См. также: Freyburger G. La Supplication d'action de Graces Sous le Haut-Empire // ANRW. 1978. Bd. II. 16. 2. P. 1418–1439.

¹⁰⁸ Wissowa G. Religion und Kultus der Römer... P. 416–420.

не требовались специальные знания и навыки, поскольку наиболее сложные элементы ритуала выполнялись виктимариями.

Одним из наиболее значимых праздников в военном сообществе был день рождения легионного орла, который также считался днем основания легиона. Праздничные традиции в честь орла легиона не были универсальными во всех регионах империи. Но в качестве общей черты торжественных мероприятий во всех легионах можно выделить особую роль примипилов в их организации и проведении¹⁰⁹. Так, в дунайских легионах примипилы возводили алтари или статуи и посвящали их непосредственно орлу, причисляя таким образом главный легионный штандарт к божественным сущностям. Например, Марк Аврелий Паулин, примипил I Италийского легиона (AE 1993, 1362), принес в дар орлу статую с изображением начала Рима (*signum originis*)¹¹⁰. В германских легионах примипилы создавали посвящения не самому орлу, а связанным с ним обожествленным абстракциям. Так, Марк Миниций Марцеллин, примипил XXII Первородного легиона (CIL XIII, 6679), посвятил изображение Фортуны Небесной Чести легионного орла (*Honori Aquilae legionis*). Ключевая роль примипилов в данных мероприятиях, по-видимому, была связана с их сакральной обязанностью защищать легионного орла. Примечательно, что каждый примипил, выходя в почетную отставку, должен был выделить средства на возведение алтаря и проведение жертвоприношения в честь орла легиона¹¹¹. Во время этой заключительной церемонии, проводившейся для примипила наместником провинции, первый центурион возлагал свой жезл (*vitis*) рядом с главным штандартом легиона¹¹².

Вексилляции, служившие отдельно от своего легиона, также устраивали празднества в день рождения орла. По крайней мере, такая традиция

¹⁰⁹ Ankersdorfer H. Studien zur Religion des römischen Heeres von Augustus bis Diokletian. Dissertation. Konstanz, 1973. P. 34; Stäcker J. Princeps und miles. Studien zum Bindungs- und Nachverhältnis von Kaiser und Soldat im 1. und 2. Jahrhundert n. Chr. Hildesheim; Zürich; New York, 2003. S. 207.

¹¹⁰ Возможно, это было изображение капитолийской волчицы. См. об этом: Kolendo J. Le rôle du primus pilus dans la vie religieuse de la légion. En rapport avec quelques inscriptions de Novae // *Archaeologia*. 1980. T. XXXI. P. 49–60.

¹¹¹ Herz P. Sacrifice and Sacrificial Ceremonies of the Roman army // *Sacrifice in Religious Experience* / Ed. A. I. Baumgarten. Leiden, 2002. P. 88.

¹¹² См., например, в CIL III, 6224 = ILS 2295.

засвидетельствована на Пиренейском полуострове. Из посвяtitельных надписей этого региона известно, что вексиллярии в день рождения орла проводили посвящения Юпитеру Наилучшему Величайшему за здоровье императора и его семьи под руководством своих центурионов. В качестве примера приведем посвящение вексилляции VII Парного легиона: «Юпитеру Наилучшему Величайшему за благополучие Луция Аврелия Коммода Августа в честь рождения орла VII Парного Счастливого легиона под руководством Марка Аврелия Эвтукетия, вольноотпущенника прокуратора, и Марка Мессия, центуриона I Галльской когорты, и Авития Патерна в консульство Коммода Августа и Бурра» (AE 1967, 230; № 2.13).

Стоит отметить, что празднованиями сопровождались и дни рождения других штандартов. Так, центурионы вышеупомянутой I Галльской когорты устраивали посвящения не только в честь орла легиона, но и по поводу рождения «кабанчиков» (*aprunculorum*), которые были отличительным знаком этого подразделения. Например, центурион Марк Сенций Букконий от имени всех солдат когорты сделал посвящение Юпитеру Наилучшему Величайшему за благополучие императора Марка Аврелия по случаю дня рождения «кабанчиков» (AE 1910, 1).

Поскольку день рождения орла традиционно считался датой основания легиона, празднование данного события предполагало также проведение посвящений Гению легиона или связанным с ним божественным абстракциям (Чести легиона, Доблести легиона). Подобное посвящение Орлу и Гению I Вспомогательного легиона оставил примипил этого воинского формирования Ионий Луций в начале III в. в Бригении (AE 1935, 98).

Гений в римской религии был воплощением жизненной силы и энергии существа, вещи или места¹¹³. В римской армии почитались культы Гениев различных воинских формирований (контуберния, центурии, когорты, легиона), военных сооружений (претория, арсенала), коллегий и схол отдельных групп воинов и командиров, а также Гении военных божеств¹¹⁴. Примечательно, что наибольшее

¹¹³ Шайд Дж. Религия римлян. М.: Новое издательство, 2006. С. 166.

¹¹⁴ Speidel M. P., Dimitrova-Milčeva A. The Cult of the Genii in the Roman Army and a New Military Deity // ANRW. 1978. Bd. II. 16. 2. P. 1543–1544.

количество часовен, алтарей и статуй посвящено именно Гению центурии. Особое почитание Гения центурии может свидетельствовать о том, что на уровне данного воинского подразделения формировалась корпоративная идентичность военнослужащих, и именно к этой тактической единице воины испытывали наиболее выраженное чувство принадлежности¹¹⁵. Соответственно, коллективные посвящения, проводимые под руководством центурионов в честь Гения центурии, могли быть средством укрепления корпоративной идентичности и воинской дисциплины и одновременно способом выражения корпоративного духа. Хотя данное утверждение в равной степени характеризует религиозные традиции и практики как преторианцев, так и легионеров, наиболее роскошные и дорогостоящие посвящения сохранились именно от преторианских формирований, которые по случаю государственных праздников или ухода в почетную отставку на свои средства возводили статуи, храмы и алтари в честь Гениев своих центурий. В качестве примера стоит привести надпись, вырезанную на эпистиле одного из таких храмов: «Гению центурии. Статую Гения центурии вместе с храмом и мраморными украшениями и алтарь на свои средства сделали центурион Гай Ветурий Руфин, сын Гая, трибы Поллия, из области Лепида, а также эвокаты и воины, и врач когорты, чьи имена вырезаны на алтаре и храме. Посвящено в майские календы, в третье консульство Императора Коммода и Бурра» (CIL VI, 212; № 2.14). В другой надписи сообщается, что центурион Тит Флавий Прокул выделил из личных средств 400 сестерциев, вероятно, для возведения часовни Гению центурии. К этим средствам его солдаты добавили еще 300 сестерциев, на которые сделали медный стол и навес для часовни (CIL VI, 30881).

Ряд надписей свидетельствует, что культовая деятельность центурионов включала в себя освящение материальных объектов, строительством или ремонтом которых они руководили. Так, центурион Гай Юлий Дигний, служивший в III Августовом легионе, освятил место постройки будущего военного лагеря (AE 1976, 700). Командир из VIII Августова легиона, Вераний Сатурнин, во исполнение своего обета посвятил баню, отремонтированную под его руководством элантиенскими

¹¹⁵ Ibid. P. 1546.

бритонами, богине Фортуне (AE 1986, 523; Верхняя Германия, 158 г. н.э.)¹¹⁶. Служивший в том же легионе центурион Юлий Деметриан посвятил водопровод, построенный им по приказу легата, Нимфе за благополучие и победу императора Коммода (CIL XIII, 11757; Верхняя Германия, 187 г. н. э.). Клавдиан Максим, центурион I легиона Минервы, посвятил установленные им границы в горной Македонии императору Адриану (AE 1924, 57; Македония, 120 г. н.э.).

Сакральный аспект присутствовал и в повседневной деятельности центурионов. Например, во время утреннего построения и распределения обязанностей этим офицерам было необходимо принять клятву у солдат¹¹⁷. Так, 27 мая 239 г. н. э. солдаты 20-й когорты пальмирцев дали своему примипилу следующую клятву: «Аврелий Германий, примипил, объявил распоряжения на день. Что бы ни было приказано, мы сделаем; и по каждому приказу мы будем готовы» (P. Dur. 89). Также каждое утро происходило назначение почетного караула во главе с центурионом или другим офицером для охраны знамен (*signa*) и изображений императора. Предполагается, что изображение такого караула сохранилось на фреске из Дура-Европос, которую обычно называют «Жертвоприношение трибуна Юлия Теренция»¹¹⁸. В центре фрески изображен сам Юлий Теренций в белых одеждах (*veste Candida*), совершающий приношение вином и ладаном (*supplicatio*). Справа и сверху от него стоят солдаты почетного караула. Слева от трибуна, прямо рядом с алтарем, — знаменосец со штандартом, простирающемся до самого верха изображения. Над знаменосцем возвышаются три статуи римских императоров в военной форме и с нимбами. На фреске также присутствует жрец, Темий Моким, который наблюдает за приношением Юлия Теренция вместе с рядовыми солдатами и не совершает культовых действий. По-видимому, имя жреца указано на фреске, поскольку он был ее заказчиком. Таким образом, если данная интерпретация фрески из Дура-Европос верна, то центурионы совершали приношения вином и ладаном каждый раз, когда им выпадала честь возглавлять почетный караул.

¹¹⁶ См. аналогичное посвящение в том же регионе 232 г. н. э. CIL XIII, 6592.

¹¹⁷ Helgeland J. Roman Army Religion // ANRW. 1978. Bd. II. 16. 2. P. 1480.

¹¹⁸ Pekàry T. Das Opfer vor dem Kaiserbild // Bonner Jahrbücher für Altertumswissenschaft. 1986. Bd. 186. P. 91–103.

В завершение рассмотрения форм религиозной деятельности центурионов необходимо обратиться к посвящениям, совершенным ими по распоряжению или от имени вышестоящих лиц, среди которых встречаются как военные трибуны, так и наместники провинций. В таких случаях центурионам могло быть поручено возвести алтарь или построить целый храм в качестве посвящения. Так, Новий Ульпиан, центурион I Италийского легиона, от имени Антония Валента, военного трибуна того же легиона, возвел алтарь Геркулесу за благополучие императора Антонина Пия и его наследника Марка Аврелия (АЕ 1998, 1154), а также построил храм Юпитеру Долихену (АЕ 1998, 1156). Оба votivных памятника были найдены в Крыму, где, по-видимому, несла гарнизонную службу vexillatio I Италийского легиона под командованием Новия Ульпиана.

Отметим, что другие известные посвятительные надписи, созданные центурионами по поручению или от имени вышестоящих лиц, также были найдены на периферии римского мира. Одна из них, как и посвящения Новия Ульпиана, происходит из Северного Причерноморья (АЕ 1990, 868); еще три надписи — из Асуана, города, расположенного на южной границе римского Египта (АЕ 1896, 41; 42; АЕ 1905, 54); пять надписей было найдено на Рейнских и Дунайских границах (АЕ 1980, 755; АЕ 1908, 46; CIL XIII, 6542; 8201; CCID 537).

Географическая удаленность мест службы vexillаций от провинциальных центров, по-видимому, препятствовала непосредственному участию высших командиров как в организации религиозных практик для этих подразделений, так и в руководстве строительством этими служащими культовых сооружений на периферии империи. Однако римская военная дисциплина и традиции эвергетизма предполагали такое участие, что, вероятно, создавало необходимость для легатов и военных трибунов поручать центурионам проводить религиозные обряды и сооружать культовые объекты от их имени. Стоит отметить, что подобные поручения засвидетельствованы в эпиграфике и в связи с более личными, неформальными причинами. Например, центурион XVI Флавиева легиона Кальвизий Максим оставил посвящение гению *Castra Peregrinorum* в Риме от имени спекулятора III Галльского легиона Гая Юлия Сенциана (АЕ 1991, 267). Надпись Кальвизия Максима

датируется второй половиной II в. н. э., когда упомянутые в ее тексте легионы несли службу в Сирии¹¹⁹. Причины визита этого центуриона в столицу остаются неизвестными. Мотивы, по которым Юлий Сенциан поручил ему создать посвящение, также до конца не ясны. Однако можно предположить, что до перевода в Сирию оба военнослужащих были спекуляторами в Риме и базировались в *Castra Peregrinorum*. Тогда поручение Юлия Сенциана могло быть вызвано чувством привязанности к предыдущему месту службы.

При таком разнообразии аспектов религиозной деятельности центурионов неудивительно, что многие из них после выхода в почетную отставку получали должность фламينا императорского культа¹²⁰. Так, Луций Бетуций Фуриан, примипил I Италийского легиона, стал фламином божественного Нервы (CIL XI, 385), а Тиберий Клавдий Секундин, примипил IV Счастливого Флавиевого легиона, был назначен фламином божественного Веспасиана (AE 1934, 232). Примечательно, что в семье Публия Криттия Фирма, примипила XXII легиона, не только он сам был фламином императора, но и его дочь Присцилла стала фламиникой Агриппины Августы (AE 1997, 397). Занимая должность фламينا, отставной центурион входил в среду муниципальной элиты и получал такие привилегии, как сопровождение ликторов, право заседать в городском совете, участвовать в его дискуссиях и голосовать, а также право занимать передние места в театре (*proedria*)¹²¹. Так, находясь в почетной отставке, центурионы продолжали обеспечивать лояльность подданных императору с помощью религиозных практик.

Таким образом, обобщая приведенные выше сведения, можно заключить, что религиозная деятельность центурионов включала в себя проведение обрядов и жертвоприношений для своего подразделения во время государственных или военных праздников. Также они руководили сбором средств и организацией

¹¹⁹ Urloiu R. Legio XVI Flavia Firma from its Creation to the Early Years of Hadrian // *Cogito-Multidisciplinary Research Journal*. 2010. Vol. 3. P. 78.

¹²⁰ Manklow C. H. Standing by the Standards... P. 159.

¹²¹ Fishwick D. The Imperial Cult in the Latin West: Studies in the Ruler Cult of the Western Provinces of the Roman Empire. Vol. 3. Provincial Cult. Part 2. The Provincial Priesthood. Leiden: Brill, 2002. P. 5–6.

строительства культовых памятников от имени своей центурии. Кроме того, сакральный элемент присутствовал и в повседневных обязанностях этих офицеров. Следует подчеркнуть, что культовые мероприятия, проводимые центурионами, способствовали приобщению рядовых солдат, происходивших из разных этнических групп, к римской культуре, обеспечивали их лояльность императору и формировали их корпоративную идентичность. Так, центурионы служили не только «отправителями культа», но и агентами романизации.

§1.4. Карьера римского центуриона: от военного командования к управлению империей

Одним из примечательных аспектов эпитафий и почетных надписей центурионов является упоминание в них высоких военно-административных должностей, включая пост префекта претория, которые занимали центурионы в ходе своей карьеры¹²². Например, в эпитафии Гая Руфия Феста сообщается, что после прохождения примипилата и римского трибуната он стал прокуратором провинций Далмация и Истрия (CIL XI, 2698). Такие сведения ставят перед исследователями вопросы о распространенности подобных назначений и социальном портрете получивших их центурионов. Несмотря на важность решения этих вопросов для изучения институтов римской армии и их роли в процессе провинциального управления, проблема карьерных перспектив центурионов долгое время не привлекала внимания исследователей.

Отсутствие интереса к данному вопросу в историографии было связано с гипотезой А. фон Домашевского, согласно которой в римской армии существовала иерархия центурионов II–X когорт¹²³. При такой градации доступ к должности примипила, которая давала возможность стать членом всаднического сословия и претендовать на высшие командные и административные посты, был затруднен для

¹²² Основные положения данного параграфа были изложены в нашей статье. См.: Иванова, Е. С. Карьера римского центуриона: от военного командования к управлению Империей // Античный мир и археология. 2025. Вып. 22. С. 101–115.

¹²³ Domaszewski A. Die Rangordnung des römischen Heeres. Bonn, 1908.

большинства центурионов. Соответственно, по мнению А. фон Домашевского, перспективы карьерного роста для центурионов практически отсутствовали.

Обратный тезис об иерархии в римской армии доказывал современник Домашевского, Т. Вегельбен. Он утверждал, что центурионы II–X когорт были равны по положению, и что у них были одинаковые возможности получить повышение и вступить в ряды *primi ordines*¹²⁴. Данный тезис впоследствии был доказан Э. Берли¹²⁵, что позволило его ученику, Б. Добсону, актуализировать тему карьерных перспектив центурионов и обратиться к ее изучению. Б. Добсон пришел к выводу, что из-за почтенного возраста и достаточно высокого социального статуса примипилары предпочитали уходить в почетную отставку. Однако среди оставшихся на службе примипиларов Б. Добсон обнаружил исполнителей таких значимых административных должностей, как прокуратор провинции, префект Египта и префект претория. Карьерные перспективы примипилара, по мнению Б. Добсона, зависели от возраста военнослужащего, его социального происхождения и наличия у него влиятельного патрона. Тем не менее уникальный опыт примипиларов и их лояльность императору были достаточным условием для их назначения на высшие административные посты. Таким образом, Б. Добсон установил общую схему развития карьеры центурионов после прохождения примипилата¹²⁶. Примечательно, что в эту схему входили как военные, так и административные должности. Ученики Б. Добсона продолжили исследование проблемы и изучали преимущественно военные аспекты карьеры центурионов¹²⁷. В новейшей историографии, напротив, основное внимание уделяется практикам назначения центурионов на административные посты и поднимаются вопросы об их роли в провинциальном управлении Римской империи¹²⁸.

¹²⁴ Wegeleben Th. Die Rangordnung der romischen Centurionen. Berlin, 1913.

¹²⁵ Birley E. Promotions and Transfers in the Roman army II: The Centurionate // Idem. The Roman Army papers 1929–1986. Amsterdam. P. 206–220.

¹²⁶ Dobson B. Die Primipilares. Entwicklung und Bedeutung...

¹²⁷ Summerly J. R. Studies in the Legionary Centurionate...

¹²⁸ Ward G. A. Centurions: the Practice of Roman Officership...; Manklow C. H. Standing by the Standards...

Следуя тенденциям современной историографии, в данном разделе мы рассмотрим развитие карьеры центурионов, получивших посты *praefectus fabrum* и прокураторов. Выбор этих должностей обусловлен их частым упоминанием в эпиграфических источниках. В частности, мы изучим политический и военный контекст биографий этих офицеров, причины их возвышения, социальный и имущественный статус, а также социальные перспективы для их потомков. Общей же целью исследования является определение роли центурионов в процессе обновления элит Римской империи.

Praefectus fabrum

По-видимому, в начальный период Принципата наивысшим административным постом, доступным для примипилара, была должность *praefectus fabrum*. А. Кафаро определяет *praefectus fabrum* как официальное лицо, назначенное магистратом *sum imperio* руководителем своего штата сотрудников (*officium*) с определенными полномочиями и задачами, установленными самим магистратом¹²⁹. В эпоху поздней Республики эти задачи были связаны с политической карьерой магистрата и включали такие серьезные поручения, как организация общественных мероприятий в рамках избирательных кампаний в Риме или помощь при подготовке военных походов в провинциях¹³⁰. С установлением Принципата круг обязанностей этих префектов сужается, их деятельность преимущественно осуществляется в колониях и муниципиях, и ограничивается разбором мелких административных и судебных дел¹³¹.

Пост *praefectus fabrum* доставался людям разного социального происхождения. Среди них встречаются как вольноотпущенники, так и представители муниципальной элиты и всаднического сословия. Общими характеристиками исполнителей должности были высокий имущественный статус, наличие административного

¹²⁹ Cafaro A. Governare l'impero: la "praefectura fabrum" fra legami personali e azione politica (II sec. aC–III sec. dC). Stuttgart, 2021. P. 15.

¹³⁰ Ibid. P. 96–99.

¹³¹ Ibid. P. 198.

опыта и лояльность делегирующему полномочия магистрату¹³². Очевидно, соответствие примипиларов этим требованиям определило возможность их назначения на данный пост.

Такие назначения, судя по количеству сохранившихся свидетельств, были достаточно распространенным, но кратковременным явлением. По-видимому, практика привлечения примипиларов к исполнению функций *praefectus fabrum* была прекращена в правление Клавдия, о чем подробнее будет сказано ниже. На данный момент известно 14 надписей примипиларов, получивших должность *praefectus fabrum*. Все надписи датируются периодом 27 г. до н. э.—54 г. н. э. и происходят из италийских, нарбонских и сицилийских муниципиев.

В некоторых случаях отслужившие центурионы получали пост *praefectus fabrum* сразу после прохождения примипилата. Так, например, в лаконичной надписи Гнея Бэбия Цельса сообщается, что он занимал только должности *primus pilus*, *praefectus fabrum* и *pontificus* (CIL XI, 5274). Примипилары Марк Цестий и Гай Пуртизий также сразу стали *praefecti fabrum*, однако их военная карьера не закончилась этим назначением. Цестий ушел в отставку военным трибуном (CIL X, 7348), а последним военным постом Пуртизия была должность *praefectus equitum* (CIL XI, 624). После отставки оба примипилара, как и Бэбий Цельс, поступили на муниципальную службу и исполняли функции дуумвира (Цестий) и квартумвира (Пуртизий).

Прямое назначение примипиларов на пост *praefectus fabrum* Б. Добсон считает случайным явлением и объясняет отсутствием строгой иерархии военных и гражданских постов в период ранней империи¹³³. Более типичное развитие карьеры после прохождения примипилата включало, по мнению Б. Добсона, следующие должности: *tribunus militum*, *praefectus equitum*, *praefectus castrorum*, *praefectus fabrum*¹³⁴. Однако такой порядок должностей встречается только в почетной надписи анонимного примипилара из Арелате (AE 1954, 104). В остальных случаях

¹³² Ibid. P. 179.

¹³³ Dobson B. The Primipilares of the Roman Army... P. 30–31.

¹³⁴ Ibid. P. 32.

наблюдаются вариации данной схемы с пропусками некоторых постов или заменой их другими. Например, в карьере Секста Авлиена (CIL X, 4868 = ILS 2688) отмечается должность *praefectus levis armaturae*¹³⁵, которую служащий получил после трибуната, т.е. вместо поста *praefectus equitum* по схеме Б. Добсона.

Обязательным для потенциального *praefectus fabrum*, по-видимому, было только прохождение поста *tribunus militum*, поскольку исполнение данной должности давало кандидату в префекты необходимый опыт в административных делах. Тем не менее, по мнению А. Кафаро, в большинстве случаев магистрата *sum imperio* и его *praefectus fabrum* связывали отношения патроната-клиентелы¹³⁶. В связи с этим можно предположить, что лояльность и неформальные достижения кандидата позволяли пропустить некоторые посты в должностной иерархии и получить префектуру в любой момент после прохождения примипилата.

Достижение именно примипилата для кандидата в *praefecti fabrum*, вероятно, было важно по финансовым причинам. Выше уже отмечалось, что общей характеристикой всех известных *praefecti fabrum* был высокий имущественный статус исполнителей должности. По мнению А. Кафаро, значительные финансовые средства были необходимы этим префектам, так как римское общество ожидало от них проявления эвергетизма¹³⁷. Примипилары имели возможность заниматься благотворительностью, поскольку, выходя в отставку, эти офицеры получали премию в 600 тыс. сестерциев¹³⁸. Среди известных префектов-примипиларов двое отметились благотворительной деятельностью в своих муниципиях. Так, Авл Виргий Марс завещал селению *vicus Anninus* 5 серебряных статуй Цезарей и 10 тыс. сестерциев (AE 1978, 286), а анонимный примипилар из Бононии построил портик на свои средства (CIL XI, 712). Однако, поскольку во всех сохранившихся свидетельствах о префектах-примипиларах содержится упоминание об исполнении ими почетных

¹³⁵ Б. Добсон называет этих префектов командующими местными ополчениями в пограничных слабо романизированных районах.

¹³⁶ Cafaro A. *Governare l'impero: la "praefectura fabrum" fra legami personali e azione politica* (II sec. aC–III sec. dC)... P. 16.

¹³⁷ Ibid. P. 185.

¹³⁸ Davenport C. *A History of the Roman Equestrian Order*. Cambridge, 2019. P. 263.

муниципальных должностей¹³⁹, можно предположить, что практика эвергетизма была свойственна каждому из них.

Назначения примипиларов, прошедших через пост *praefectus fabrum*, на муниципальные должности позволяют согласиться с выводом А. Кафаро об общем значении этой префектуры в процессах управления и интеграции в Римской империи. По его мнению, пост *praefectus fabrum* позволял привлекать экономические ресурсы и административные навыки опытных и состоятельных граждан к решению муниципальных и провинциальных проблем¹⁴⁰. Взамен эти граждане получали как денежное вознаграждение, так и возможность создать сеть полезных знакомств внутри всаднического сословия¹⁴¹. Последнее было особенно важно для примипиларов, получавших всаднический статус только после отставки. Исполняя функции *praefectus fabrum* вместе с другими представителями сословия, бывшие центурионы имели хорошие перспективы для интеграции в новое для них привилегированное сообщество. Последующее назначение примипиларов на почетные муниципальные должности свидетельствует об успешности этого интеграционного процесса, а также демонстрирует стремление примипиларов к дальнейшему участию в «обмене дарами и почестями» с принцепсом¹⁴².

Об успешном включении примипиларов, исполнявших функции *praefectus fabrum*, в ряды привилегированных сословий также свидетельствует существовавшая для них возможность продолжить административную карьеру и получить назначение на один из дуценарных постов (т. е. постов с вознаграждением в 200 тыс. сестерциев в год). Например, Марк Вергилий Галл Лузий после префектуры и римского трибуната занял позицию идиолога в Египте (CIL X, 4862 = ILS 2690), что было равнозначно получению прокураторской должности. Кроме того, дети

¹³⁹ В надписях встречаются префекты-примипилары, исполнявшие обязанности дуумвиров (CIL IX, 3669; X, 7348; 5583; 4872; 4868; 4862; XI, 712; AE 1954, 104), квартумвиров (CIL XI, 624; AE 1978, 286), понтификов (CIL XI, 5274; X, 4862; V, 4373), авгуров (AE 1954, 104) и фламиннов (AE 1954, 104; CIL X, 4868).

¹⁴⁰ Cafaro A. *Governare l'impero: la "praefectura fabrum" fra legami personali e azione politica* (II sec. aC–III sec. dC)... P. 176.

¹⁴¹ Ibid. P. 190.

¹⁴² Lendon J. E. *Empire of Honour. The Art of Government in the Roman World*. Oxford, 1997.

примипиларов-префектов обычно сохраняли всаднический статус, а иногда и по-полняли ряды сенаторского сословия. Так, сын уже упомянутого Марка Вергилия Галла Лузия остался всадником, а его дочь, Лузия Паулина, вступила в брак с сенатором Секстом Веттуленом Цериалом (CIL X, 4862 = ILS 2690). Дети Паулины и Цериала, в свою очередь, достигли вершины сенаторской карьеры и были консулами в Риме. Родство с примипиларом-префектом помогло достичь консулата и Квинту Глтию Атилию Агриколе¹⁴³, племяннику Глтия Барбария, служившего *praefectus fabrum* императора Клавдия (CIL V, 6969)¹⁴⁴. Возможно, именно племянники и другие родственники по боковой линии получали социальные преимущества от родства с примипиларом-префектом, так как есть основания предполагать, что значительная часть этих служащих оставалась безбрачными и бездетными. Так, из 14 известных надписей примипиларов-префектов только в двух есть упоминания о женах и/или детях. Помимо эпитафии отмеченного выше Марка Вергилия Галла Лузия, супруга поминается также в надписи Луция Овиния Руфа (CIL X, 4872 = ILS 2021). По-видимому, этот примипилар заказал эпитафию для всей своей семьи. В ней содержатся имена родителей, брата и жены, Пуллии Примы. Отсутствие в надписи имен детей позволяет предположить, что брак с Пуллией Примой был бездетным.

Упомянутый выше Глтий Барбарий примечателен не только из-за достижения его племянником римского консулата. Его посвятельная надпись императору Клавдию является единственным источником, в котором названо имя магистрата *sum imperio*, делегировавшего примипилару полномочия *praefectus fabrum*. В данном случае должность была получена лично от императора Клавдия. Отметим, что в датируемых императорским периодом надписях *praefecti fabrum*, происходивших из *не-примипиларов*, имена магистратов *sum imperio* также почти не

¹⁴³ Demougin S. Prosopographie des chevaliers romains Julio–Claudiens (43 av. J.–C.–70 ap. J.–C). Rome, 1992. P. 381.

¹⁴⁴ G]litius T(iti) f(ilius) Stel(latina) Barbarus prim[ip]ilaris p[raef(ectus) coh(ortis) 3] / [t]ribunus militum *praef(ectus) fabr(um) T[i](beri) C[laudi] Caes[aris] Aug[usti] Germ(anici)]*.

встречаются¹⁴⁵. В связи с этим в историографии было высказано предположение, что в эпоху Принципата все *praefecti fabrum* назначались только императором и служили лично ему¹⁴⁶. Однако А. Кафаро провел анализ ономастического материала и обнаружил, что среди *praefecti fabrum* часто встречаются вольноотпущенники консулов¹⁴⁷. Вероятно, что эти префекты получили полномочия именно от этих магистратов. Соответственно, возможность назначать *praefecti fabrum* в эпоху Принципата оставалась и у сенаторов.

Право сенаторов назначать *praefecti fabrum* могло быть одной из причин, по которой примипилары перестали занимать эту должность. Как уже говорилось выше, практика делегирования примипиларам полномочий *praefectus fabrum* прекратилась при Клавдии. Соответственно, Глитий Барбарий был одним из последних военнослужащих, получивших этот пост. Возможно, прекращение назначений было частью общей политики Клавдия, направленной на ограничение патронатных связей сенаторов и солдат, на что указывает свидетельство Светония о запрете солдатам входить в дома сенаторов для приветствия (Suet. Claud. 25. 1). С другой стороны, отказ от практики привлечения примипиларов к исполнению функций *praefectus fabrum* мог быть следствием военных реформ и упорядочения военной иерархии, осуществленных Клавдием¹⁴⁸. По-видимому, в обновленной военной системе примипиларам с их уникальным военным и административным опытом предназначались другие возможности, включая достижение таких постов, как прокуратор провинции и префект претория.

Прокураторы

¹⁴⁵ Cafaro A. Governare l'impero: la "praefectura fabrum" fra legami personali e azione politica (II sec. aC–III sec. dC)... P. 166.

¹⁴⁶ Cerva M. La Praefectura Fabrum. Un'introduzione // Les elites municipales de l'Italie Péninsulaire de la mort de César à la mort de Domitien. Classes sociales dirigeantes et pouvoir central / Ed. M Cébeillac-Gervasoni. 2000. P. 183.

¹⁴⁷ Cafaro A. Governare l'impero: la "praefectura fabrum" fra legami personali e azione politica (II sec. aC–III sec. dC)... P. 190.

¹⁴⁸ Thomas C. Claudius and the Roman Army Reforms // Historia. Zeitschrift für Alte Geschichte. 2004. Bd. 53, Hft. 4. P. 424–452.

В эпоху Республики сенаторы назначали специальных управляющих из числа своих клиентов, происходивших из всаднического сословия, или даже вольноотпущенников для контроля над своими имущественными и финансовыми делами¹⁴⁹. Такие управляющие назывались прокураторами¹⁵⁰. С установлением системы Принципата назначение прокураторской должности постепенно меняется. Поскольку принцепсы владели имуществом, принадлежащим лично им, а не государству (*res publica*), то они также нуждались в прокураторах. Так, уже Август поручает своим клиентам и вольноотпущенникам представлять его интересы и управлять его землями по всей территории империи¹⁵¹.

Первоначально обязанности прокураторов зависели от статуса провинции, в которой они исполняли свои функции. В сенатских провинциях служили *procuratores patrimonii*, ответственные за имущество принцепса. Для контроля над финансовыми делами государства (*res publica*) в эти провинции, как и в республиканский период, направляли сенаторских квесторов¹⁵². В императорские провинции назначались *procuratores Augusti*, полномочия которых охватывали надзор за имущественными и финансовыми делами не только лично принцепса, но и всего государства (*res publica*). Они также руководили сбором прямых налогов, контролировали сбор косвенных налогов публиканами и отвечали за содержание и снабжение армии¹⁵³.

Важно отметить, что и *procuratores patrimonii*, и *procuratores Augusti* подчинялись непосредственно принцепсу, а не провинциальному наместнику, независимо от того, был ли наместник сенаторским проконсулом или императорским легатом. В связи с этим неудивительно, что в течение I в. н. э. полномочия *procuratores patrimonii* расширялись и постепенно охватывали те же функции, что были у их

¹⁴⁹ Davenport C. A History of the Roman Equestrian Order... P. 179.

¹⁵⁰ О прокураторах в целом см. классическую работу: Pflaum H.G. Les procurateurs equestres sous le Haut-Empire Romain. Paris, 1950.

¹⁵¹ Davenport C. A History of the Roman Equestrian Order... P. 179.

¹⁵² Kantor G. Procuratorial Jurisdiction in the Lex Portorii Asiae // ZPE. 2011. Bd.179. P.157.

¹⁵³ Brunt P. A. Procuratorial Jurisdiction // Idem. Roman Imperial Themes. Oxford, 1990. P. 165–166.

коллег в императорских провинциях¹⁵⁴. Кроме того, все прокураторы при Клавдии получили судебные полномочия¹⁵⁵.

Также при Клавдии появляются прокураторы-президы для управления теми провинциями, в которые, как и в Римский Египет, не допускались наместники из сенаторского сословия. В период правления Клавдия такими провинциями стали Фракия, Норик, Мавретания Кесарийская и Мавретания Тингитана. Как и префекты Египта, прокураторы-президы обладали *ius gladii*, т.е. правом судить римских граждан и выносить им смертные приговоры. Эти прокураторы отвечали за все сферы провинциального управления, следили за состоянием почтовой системы (*cursus publicus*) и другой инфраструктуры, вели переговоры с соседними племенами, а также командовали ауксилиями, размещенными в их провинциях. Таким образом, положение прокураторов-президов было близким по статусу к сенатским проконсулам¹⁵⁶.

Как было отмечено выше, военные реформы Клавдия способствовали распространению назначений примипиларов на прокураторские посты. До Клавдия примипиларов также привлекали к исполнению функций прокураторов, но такие назначения были редким и случайным явлением, связанным в основном с патронажем¹⁵⁷. Так, примипил Публий Палпеллий Клодий Квиринал (CIL V, 533 = ILS 2702) стал прокуратором (*procurator Augusti*) благодаря содействию его сводного брата, который занимал должность консула (CIL V, 48)¹⁵⁸.

Реформы Клавдия упорядочили иерархию постов, которые было необходимо пройти примипилару для достижения прокуратуры. Б. Добсон выделяет в этой иерархии следующие должности: *tribunus cohortis praetoriae*, *primuspilus iterum*, *procurator*¹⁵⁹. Такая схема впервые появляется в надписях двух анонимных

¹⁵⁴ Burton G. P. Provincial Procurators and the Public Provinces // Chiron. 1993. Bd.23. P. 16–20.

¹⁵⁵ Davenport C. A History of the Roman Equestrian Order... P. 180.

¹⁵⁶ Faoro D. Praefectus, procurator, praeses: genesi delle cariche presidiali equestri nell'Alto Impero Romani. Milan, 2011. P. 155–220.

¹⁵⁷ Dobson B. The Primipilares of the Roman Army... P. 270.

¹⁵⁸ Demougin S. Prosopographie des chevaliers romains Julio-Claudiens (43 av. J.–C.–70 ap. J.–C)... P. 438–439.

¹⁵⁹ Dobson B. The Primipilares of the Roman Army... P. 39.

примипиларов, служивших при Клавдии (CIL X, 1711 = ILS 2695; AE 1914, 27), и сохраняется в источниках до середины III в. н. э. Также в надписях, помимо названных позиций, иногда встречаются промежуточные посты, исполнение которых, вероятно, было связано с высоким уровнем конкуренции среди претендентов на должности. Например, примипилар Гай Бэбий Аттик исполнял обязанности *praefectus civitatum* прежде, чем стал трибуном преторианской когорты (CIL V, 1838 = ILS 1349). В целом, по подсчетам Б. Добсона, только 4 из 30 офицеров могли стать трибунами преторианской когорты в течение трех лет после прохождения примипилата¹⁶⁰.

Несмотря на медленное развитие карьеры после прохождения примипилата четверть всех прокураторских постов, как отмечает К. Давенпорт, занимали примипилары¹⁶¹. Конкурировать за назначение им приходилось, как и в случае с получением должности *praefectus fabrum*, с представителями всаднического сословия и вольноотпущенниками. По-видимому, критерии отбора кандидата на пост прокуратора были аналогичны требованиям, предъявляемым к потенциальным *praefecti fabrum*, и включали высокое имущественное положение, наличие административного опыта и лояльность императору. Б. Добсон в случае с примипиларами добавляет к этим критериям возраст¹⁶². Поскольку в относительно молодом возрасте примипилата достигали только центурионы *ex equite Romano*, можно предположить, что именно они составляли основную часть примипиларов, достигших поста прокуратора.

Тем не менее, одним из ярких примеров успешной карьеры примипилара, который смог получить должность прокуратора, является биография Марка Веттия Валента. Он не происходил из всаднического сословия и поступил на военную службу рядовым преторианцем. Его дальнейшая карьера известна из почетной надписи, созданной для него соратниками-спекуляторами:

¹⁶⁰ Ibid. P. 213–214.

¹⁶¹ Davenport C. A History of the Roman Equestrian Order... P. 325.

¹⁶² Dobson B. The Significance of the Centurion and 'Primipilaris' in the Roman Army and Administration // ANRW. 1974. Bd. 2.1. P. 425.

«Марку Веттию Валенту, сыну Марка, из Анионской трибы, воину VIII когорты претория, бенефициарию префекта претория, награжденному в Британскую войну ожерельями, браслетами, фалерами, эвокату Августа, награжденному золотым венком, центуриону VI когорты вигилов, центуриону-ординарцу, центуриону XVI городской когорты, центуриону II когорты претория, экзерцисмейстеру всадников, разведчику, принцепсу претория XIII Сдвоенного легиона из треценыриев, примипилу VI Победоносного легиона, награжденному за успешные действия против Астуров ожерельями, фалерами, браслетами, трибуну V когорты вигилов, трибуну XII городской когорты, трибуну III когорты претория, во второй раз примипилу XIV Сдвоенного легиона победоносного Марса, прокуратору императора Нерона Цезаря Августа провинции Лузитания, патрону колонии, разведчики в знак почета» (CIL XI, 395 = ILS 2648; № 2.15).

Уникальный профессиональный путь Веттия Валента, подразумевавший исполнение как военных, так и административных функций (например, в должности принцепса претория¹⁶³), позволил бывшему преторианцу преодолеть конкуренцию среди старых всадников и вступить в ряды привилегированного сословия. Примечательно, что сын Веттия Валента сохранил всаднический статус и занимал почетные муниципальные должности дуумвира и патрона колонии (CIL XI, 421 = ILS 6662). Внук Валента, подобно своему деду, управлял провинциями, но уже в качестве легата, поскольку ему удалось повысить свой статус и стать сенатором (CIL XI, 383).

Можно предположить, что гражданская война 69 г. н. э. и приход к власти новой династии Флавиев способствовали увеличению количества центурионов, особенно *не-всаднического* происхождения, достигнувших прокуратуры или других высоких постов. Однако в эпиграфике данная тенденция не прослеживается. Сохранилось свидетельство только об одном анонимном примипиларе (причем, по видимому, *ex equite Romano*), чья карьера стремительно развивалась благодаря

¹⁶³ Принцепс претория возглавлял канцелярию (*officium*) наместника провинции или легата легиона. Его обязанности были связаны не со строевой службой, а с административной и канцелярской работой. См. подробнее: Dobson B. The Primipilares of the Roman Army... P. 326–328.

событиям 69 г. н. э. В частности, он прошел через три прокураторских поста, управляя при этом несколькими провинциями за одно назначение. Так, он одновременно служил прокуратором Мавретании Кесарийской и Мавритании Тингитана, а в другое время — прокуратором Бельгики и обеих Германий (CIL XI, 5744).

Более того, ряд надписей свидетельствует о негативном влиянии государственных переворотов на карьеры отдельных примипиларов. Так, Луций Антоний Назон сделал блестящую карьеру при Нероне. Этому способствовало его происхождение из Гелиополя, к гражданам которого император проявлял особую благосклонность¹⁶⁴. Вскоре после прохождения примипилата Назон получил должность преторианского трибуна. Данное назначение, состоявшееся в условиях конфликта императора и сената, указывает на особое доверие, которое оказывал Нерон этому офицеру. Тем не менее лояльность к династии Юлиев-Клавдиев стала препятствием для дальнейшей карьеры Назона. После прохождения второго примипилата он не получает прокуратуру, а возвращается на пост преторианского трибуна. Только через 10 лет после окончания гражданской войны Назон станет прокуратором Понта и Вифинии (CIL III, 14387 = ILS 9199; CIL III, 6993 = ILS 253).

Смена династии также прервала карьеру Гая Веллия Руфа. Он поступил на службу центурионом во время Иудейской войны, в которой отличился перед Титом, получил награды и повышение. Несколько лет спустя Веллий Руф исполнял почетную миссию, сопроводив сыновей коммагенского царя Антиоха, Эпифана и Каллиника, к императору Веспасиану (AE 1903, 368 = ILS 9200). Впоследствии Руф в качестве командира вексилляции отличился в Мавретании, на Дунае и в Дакии, что способствовало его назначению прокуратором в такие стратегически важные регионы, как Паннония, Далмация и Реция. Как отмечает Д. Кеннеди, в дальнейшем Руф, подобно Корнелию Фуску и Вибию Максиму, его предшественникам на постах прокуратора Паннонии и Далмации, мог претендовать на должности префекта Египта или префекта претория. Однако убийство Домициана вынудило лояльного Флавиям Руфа уйти в отставку¹⁶⁵.

¹⁶⁴ Dobson B. Die Primipilares. Entwicklung und Bedeutung... S. 204.

¹⁶⁵ Kennedy D. C. Velius Rufus // Britannia. 1983. Vol. 14. P. 195–196.

Подобные отставки, как отмечают Р. Вэй и Б. Келли, являются обычной практикой при единовласти¹⁶⁶. Не только смена династии, но и простой переход власти к наследнику мог привести к значительным изменениям в иерархии должностных лиц. В большей степени такие ротации касались служащих, назначаемых лично правителем и ответственных только перед ним.

В связи с этим неудивительно, что почти половина известных примипиларов, которым удалось достигнуть прокураторского поста, служила при императорах из династии Антонинов. Более того, в этот период примипилары имели возможность получить должность *a rationibus* в императорской канцелярии в Риме, а также быть назначенными префектами претория. Так, именно двух центурионов, Турбона и Симилиса, которые стали впоследствии префектами претория, Дион Кассий называет «самыми выдающимися» людьми эпохи (Dio Cass. LXIX. 18). Однако наиболее удачная карьера в этот период сложилась у Марка Бассея Руфа, которому Дион дает неоднозначную характеристику: «Был у Марка префект Бассей Руф, который, будучи в других отношениях отличным человеком, в силу своего деревенского происхождения не имел образования и начало своей жизни провел в бедности» (Dio Cass. LXXI. 5. 2). Возможно, именно бедность подтолкнула Руфа к службе в преторианской гвардии. Продолжение профессионального пути в качестве эвоката позволило Руфу не только улучшить материальное положение, но и значительно повысить социальный статус. Большая часть его достижений известна из почетной надписи этому офицеру:

«Марку Бассею Руфу, сыну Марка, из трибы Стелатина, префекту претория императоров Марка Аврелия Антонина и Луция Аврелия Вера и Луция Аврелия Коммода Августов, украшенному консульскими знаками отличия и награжденному за германскую и сарматскую победы Антонина и Коммода Августов «стенным», «осадным», золотым венками, копьями 4 раза, столько же раз осадными венками, префекту Египта, префекту вигилов, прокуратору по управлению финансами, прокуратору Бельгии и обеих Германий, прокуратору царства Норик, прокуратору

¹⁶⁶ Wei R., Kelly B. The Roman Aristocracy at Court // The Roman Emperor and his Court c. 30 BC–c. AD 300: Vol. 1, Historical Essays / ed. B. Kelly, A. Hug. Cambridge, 2022. P. 108.

Астурии и Галатии, трибуну преторианской когорты, трибуну X городской когорты, трибуну V когорты вигилов, примипилу во второй раз. Ему сенат по распоряжению императоров Антонина и Коммода Августов постановил поставить статую в военной форме на форуме божественного Траяна и другую в гражданском плаще в храме божественного Пия и третью в панцире в храме...» (CIL VI, 31828 = ILS 1326; № 2.16).

О переходе Руфа в сенаторское сословие свидетельствуют также два других эпиграфических документа. В официальном письме магистратам Сепино, посвященном их злоупотреблению властью над перегонщиками овец, префект претория Бассей Руф назван титулом *eminentissimus vir* (CIL IX, 2438). В эпитафии своему вольноотпущеннику и любимейшему воспитаннику, Марку Бассею Карпу, Руф указывает себя как *consularis vir* (AE 2013, 333).

Помимо перехода в сенаторское сословие в биографии Руфа примечательно назначение на должность прокуратора *a rationibus*. Б. Добсон считает, что в данном случае это было следствием патроната и подготовкой к исполнению функций префекта претория¹⁶⁷. Однако большой административный опыт Руфа, включающий три прокураторских поста, позволяет предположить, что этот примипилар имел возможность за годы службы приобрести необходимые знания и навыки в финансовой сфере. Кроме того, Б. Добсон подчеркивает финансовые способности Гнея Помпея Хомула Грацилия Кассиана Лонгина (CIL VI, 1626 = ILS 1385) и Тиберия Клавдия Секундина Луция Стация Македо (CIL V, 867 = ILS 1339), которые до поста *a rationibus* прошли схожий с Бассеем Руфом служебный путь¹⁶⁸.

Итак, в эпоху Антонинов примипиларов начинают привлекать для исполнения административных функций в столице. Кроме того, в этот период примипиларам удается достигать более одного прокураторского поста за карьеру. В среднем они исполняют по три прокуратуры до ухода в отставку. Эта тенденция свидетельствует о повышении социальной роли примипиларов и укреплении их позиций в административной иерархии Римской империи. Однако важно отметить, что 75%

¹⁶⁷ Dobson B. The Primipilares of the Roman Army... P. 277–278.

¹⁶⁸ Ibid.

примипиларов, достигнувших высоких постов при Антонинах, происходит из Италии¹⁶⁹. По социальному происхождению это преимущественно всадники, но встречаются и представители непривилегированных сословий, поступивших на военную службу в преторианскую гвардию и получивших впоследствии центурионат и примипилат в качестве повышения (CIL XIV, 3626 = ILS 2742). Общей чертой этих примипиларов является наличие у них многочисленных наград, полученных от императоров¹⁷⁰. Также многие из них отметились активным участием в императорском культе. Например, Гай Валерий Панса был фламинем божественных Веспасиана, Траяна и Адриана (CIL V, 6513), а его жена, Марция Кандида, служила фламиникой в храме божественной Юлии (CIL V, 6514)¹⁷¹. Данные характеристики (италийское происхождение, обилие наград и отправление императорского культа) позволяют предположить, что возвышение этих примипиларов было связано с личными заслугами перед императорами династии Антонинов. Таким образом, можно заключить, что в этот период примипилат становится институтом, который способствовал формированию особой фракции военнослужащих в среде управленческой элиты Римской империи. Об успешной интеграции военных в привилегированные сословия Рима свидетельствует избрание императором бывшего центуриона Публия Гельвия Пертинакса¹⁷².

Процесс обновления элиты путем возвышения императорами наиболее талантливых и лояльных примипиларов продолжается и усиливается в период правления династии Северов¹⁷³. В качестве примера можно привести биографию Гая Тиция Симила (CIL II, 484 = ILS 1372). В начале правления Септимия Севера Симила был примипилом III Августова легиона в Нумидии, откуда он был направлен

¹⁶⁹ Ibid. P. 56. Ср. с общей статистикой по географическому происхождению центурионов и всадников: McCormack E. P. *The Regionalization of Equestrians and Centurions in the Roman Imperial Army: Master's diss.* / E. P. McCormack; University of New Brunswick. New Brunswick, 1997. P. 79–82.

¹⁷⁰ См., например: CIL X, 5829; XI, 6055; VI, 1626.

¹⁷¹ См. также: CIL V, 534; 8660; X, 5829; VIII, 2543.

¹⁷² О карьере и биографии Пертинакса см. недавнюю работу Elliott S. *Pertinax: The Son of a Slave Who Became Roman Emperor*. Barnsley, 2020.

¹⁷³ См. подробнее: Davenport C. *Soldiers and Equestrian Rank in the third century AD* // *Papers of the British School at Rome*. 2012. Vol. 80. P. 89–123.

во главе вексилляции в Анатолию для участия в войне против Песценния Нигера в 194 г. н. э. После поражения Песценния Нигера Тиций Симила в качестве повышения получает должность прокуратора-презида в Нижней Мезии. Однако в ходе восстания Клодия Альбина Симила переводят на Пиренейский полуостров и назначают прокуратором Лузитании и Веттонии. По-видимому, это назначение было связано с организованным Севером процессом ротации наместников, поддержавших Клодия Альбина. Именно в испанской колонии Эмерита Августа была возведена почетная надпись Тиция Симила, в которой сохранились сведения о его карьере до получения лузитанской прокуратуры. Хотя сведений о его дальнейшем профессиональном пути не сохранилось, можно предположить, что он, как и другие примипилары, служившие Северам¹⁷⁴, получил титул *vir egregius* и стал членом сенаторского сословия.

Одним из последних примипиларов, чья карьера развивалась в соответствии с упомянутой выше схемой Б. Добсона, был Тит Лициний Гиероклий, служивший при Александре Севере (CIL VIII, 20996 = ILS 1356). В последующий период происходят постепенные изменения как в назначении должности примипила, так и во всей военной иерархии. В новой иерархии место центурионов занимают центенарии и дуценарии, для которых складывались совершенно иные перспективы карьерного роста.

Таким образом, процесс привлечения бывших центурионов к административной деятельности прошел несколько этапов. При императорах династии Юлиев-Клавдиев наиболее доступной для примипилара административной должностью был пост *praefectus fabrum*. Данное назначение позволяло использовать имущественные средства и уникальный служебный опыт примипиларов для решения судебных и административных вопросов в италийских муниципиях. Преимуществом должности для самих примипиларов являлась возможность интегрироваться во всадническое сословие и закрепить привилегированный статус за своими

¹⁷⁴ См.: CIL II, 484; V, 7870; VI, 31871; 36853; 1636; VIII, 20996; IX, 1582; XI, 5215; 1836.

потомками. Тем не менее назначения примипиларов на пост *praefectus fabrum* прекращаются в правление Клавдия.

В то же время при Клавдии для примипиларов *ex equite Romano* и из числа эвокатов появляется возможность получить пост прокуратора. Такие назначения контролировались лично принцепсом, который мог выбирать не только наиболее опытных, но и отличавшихся особой верностью кандидатов. Так, со временем примипилат становится институтом, который способствовал формированию новой административной элиты, получившей свой статус исключительно благодаря императору и, следовательно, проявлявшей лояльность к нему. Соответственно, получая высокие управленческие посты, бывшие центурионы играли важную роль в процессе обновления элит Римской империи.

§1.5. «Теневые» аспекты деятельности центурионов: политические убийства и злоупотребления полномочиями

Римские императоры и наместники провинций назначали центурионов в качестве своих представителей и агентов не только для осуществления административных, судебных и других общественных задач, но для исполнения секретных поручений и деликатных миссий¹⁷⁵. Это могли быть специальные операции для выявления изменников, ареста внутренних врагов или убийства отдельных лиц как в столице, так и в провинциях¹⁷⁶. Осуществление подобных миссий, вероятно, создавало предпосылки для участия некоторых центурионов (преимущественно преторианских) в заговорах против императоров, поскольку сам принцепс мог показаться им «изменником», если его деятельность и личностные качества противоречили общественным представлениям о носителях императорского величия (*maiestas*)¹⁷⁷. Кроме того, право на убийство не только военных противников, но и римских граждан потенциально могло способствовать формированию у некоторых центурионов

¹⁷⁵ Ward G. A. *Centurions: the Practice of Roman Officership...* P. 230.

¹⁷⁶ Fuhrmann C. J. *Policing the Roman Empire: Soldiers, Administration, and Public Order*. New York, 2012. P. 151.

¹⁷⁷ Dobson B. *Die Primipilares. Entwicklung und Bedeutung...* S. 130.

убеждения в собственной безнаказанности и вследствие этого распространению злоупотреблений со стороны этих офицеров своими полномочиями как в отношении подчиненных им солдат, так и подвластных им провинциалов¹⁷⁸. Подобные «теневые» аспекты деятельности центурионов предполагается рассмотреть в данном параграфе для получения более полного представления об их невоенных — в данном случае политических — функциях и понимания негативных последствий их участия в управлении империей.

Практика привлечения центурионов государственными деятелями к устранению политических противников существовала уже во времена Республики. Для примера достаточно вспомнить приказ Суллы центуриону зарезать Лукреция Офеллу за его попытки получить консульскую власть без одобрения диктатора (Plut. Sull. 33). Подобные приказы были особенно распространены в период гражданских войн после гибели Юлия Цезаря. Так, Аппиан упоминает более 20 политических убийств¹⁷⁹. Во многих из них, включая убийство Цицерона (App. BC. IV. 20), исполнителями были центурионы¹⁸⁰. Сведения о продолжении практики поручения центурионам устранения нежелательных персон в эпоху Юлиев-Клавдиев происходят преимущественно из сочинений Тацита¹⁸¹. Так, историк сообщает, что в начале своего правления Тиберий приказал центуриону убить внука Октавиана Августа, Агриппу Постума, который в силу родства с основателем принципата мог стать его соперником (Tac. Ann. I. 6; ср. Vell. Pat. II. 112. 7; Suet. Tib. 22; Cass. Dio LVII. 3. 5–6). Также и Нарцисс от имени Клавдия, согласно Тациту, отправил центурионов и трибуна избавиться от Мессалины по причине ее участия в политических интригах против принцепса (Tac. Ann. XI. 37). Правление Нерона в сочинении Тацита отмечается серией политических убийств. Так, этот правитель решается убить свою мать, Агриппину Младшую, из-за страха перед ее силой и влиянием. Исполнение преступного приказа поручается флотским военным служащим, включая центуриона,

¹⁷⁸ Ibid.

¹⁷⁹ Ward G. A. Centurions: the Practice of Roman Officership... P. 231.

¹⁸⁰ Другие примеры: App. BC. III. 26; IV 17.

¹⁸¹ См. также: Sen. De Ira. III. 19 о приказе Калигулы центурионам убить ночью отцов тех людей, которых он казнил днем ранее.

поскольку преторианцы, по словам Тацита, были «преданы всему дому Цезарей и, помня о Германике, не осмелятся ни на что жестокое против его потомства» (Тас. Ann. XIV. 7–8). Это уточнение историка весьма примечательно, поскольку оно предполагает возможность проявления политической сознательности солдатами и офицерами гвардии. Центурионы (без уточнения рода войск) также осуществляют по приказам Нерона убийства Клавдии Октавии (Тас. Ann. XIV. 64), наместника Плавта (Тас. Ann. XIV. 59), Сенеки (Тас. Ann. XV. 61), Луция Силана (Тас. Ann. XVI. 9) и Марка Остория (Тас. Ann. XVI. 15), обвиненных в различных преступлениях против императорской власти.

Императоры последующих династий, безусловно, продолжали использовать центурионов для исполнения подобных приказов. Однако рассмотреть так же детально эту сферу деятельности офицеров во II–III вв. н. э. представляется затруднительным в связи с отсутствием для этого периода столь же подробного источника, каким являются по этой проблеме сочинения Тацита¹⁸². Тем не менее Кассий Дион сообщает, что Каракалла при помощи центурионов избавился от ненавистного ему префекта претория Плавтиана (Dio Cass. LXXVII. 3), а также приказывал этим офицерам убить своего брата и соперника Гету (Dio Cass. LXXVIII. 2). Кроме того, авторы жизнеописаний Августов упоминают преступную деятельность центуриона Аквилия, «известного убийствами сенаторов» (*notus caedibus senatoriis*; SHA Did. 5. 8; Pesc. Nig. 2. 6), а также трагикомичную историю с приказом Гелиогабала глуховатому центуриону казнить консуляра Сабина. Не расслышав слова императора, центурион выслал Сабина из города, тем самым сохранив ему жизнь (SHA Heliog. 16).

Исполнение подобных приказов предполагает не только беспрекословную верность и определенное хладнокровие некоторых центурионов, но и наличие у них особых навыков, необходимых для успешного выполнения секретных и опасных миссий. Так, выполнение распоряжения Калигулы по аресту префекта Египта Авла Авилия Флакка, обвиненного в гонениях на евреев, представляло собой тщательно

¹⁸² См. также у Тацита пример участия центуриона в политическом убийстве в период гражданской войны 69 г. н. э. (Тас. Hist. II. 85).

спланированную операцию, проведенную центурионом Бассом. Этот центурион с группой солдат незаметно проник в Александрию ночью. Далее он переодел одного из солдат и замаскировал его под слугу Флакка для разведки обстановки в доме, где пировал префект той ночью. После успешной разведки Басс блокировал все выходы из этого дома и организовал внезапный захват презида (Philo In Flacc. 13. 109–115)¹⁸³. Менее осмотрительно действовал центурион Папирий, направленный Муцианом, союзником Веспасиана, в Африку для убийства проконсула Луция Пизона, которого подозревали в подготовке мятежа. Стремясь создать повод для убийства, Папирий, как только ступил на карфагенский берег, «начал громко призывать на голову Пизона благословение богов» (Tac. Hist. IV. 49. 3). При этом центурион использовал выражения, применяемые обычно при упоминании имени принцепса, и увлекал за собой толпу, которая стала аплодировать Пизону и требовать, чтобы он вышел к народу. Такое поведение центуриона насторожило Пизона. К тому же проконсул был предупрежден о возможных попытках покушения на его жизнь. По этим причинам он не только не вышел к толпе, но и вызвал центуриона для допроса, а после казнил его. В конце описания этого эпизода Тацит отмечает, что неудачное покушение на Пизона было не единственным случаем, когда центурион Папирий участвовал в политических убийствах. Примерно за год до этих событий он был вовлечен в убийство легата провинции Африка Клодия Макра (Tac. Hist. IV. 49).

Неоднократность исполнения подобных поручений одним офицером дает основания полагать, что он специализировался на такой работе¹⁸⁴. Хотя данный пример, как и преступные действия упомянутого выше центуриона Аквилия, показывают, что некоторые офицеры отличались большей готовностью к деятельности по устранению внутренних врагов¹⁸⁵, представляется маловероятным, чтобы среди центурионов существовала отдельная группа «профессиональных убийц». Наличие такой группы исключало бы возможность осуществления деликатных миссий секретно. Появление офицера с репутацией «профессионального убийцы» на

¹⁸³ Fuhrmann C. J. Policing the Roman Empire... P. 151.

¹⁸⁴ Ibid. P. 152.

¹⁸⁵ См. упоминание Цезарем центуриона, «смущенного непривычной задачей» убийства противника во время мирных переговоров (Caes. B. Gall. VIII. 23).

территории того или иного города уже само по себе раскрывало бы его тайные замыслы. Следовательно, периодическое обращение императоров или военачальников к центурионам для устранения внутренних врагов не приводило к формированию подразделения «секретной службы» на основе этого офицерского корпуса. Более того, подобное подразделение вовсе не было создано римскими правителями¹⁸⁶. По-видимому, его отсутствие восполнялось практикой привлечения к исполнению подобных обязанностей тех категорий военнотружущих (включая центурионов), которые вследствие специфики своих служебных функций могли беспрепятственно проникать в любые географические и социальные пространства государства¹⁸⁷. Так, эффективность центурионов в деликатных миссиях могла быть связана с их высокой географической мобильностью, широким кругом не только военных, но и общественных обязанностей, а также общей ролью агентов императорской власти. Эти особенности их службы позволяли им без лишних подозрений получать доступ в дома представителей римской аристократии, в канцелярии наместников провинций, в муниципальные советы и другие социальные пространства империи. Соответственно, можно предположить, что в римском «государстве без бюрократии» формы политического сыска не были институализированы, а были замаскированы под традиционные военные и административные практики, часть которых по служебной необходимости приходилось выполнять и центурионам.

Специфика службы центурионов предоставляла некоторым из них доступ и в императорский двор. Так, служба в преторианской гвардии предполагала сопровождение императора на пирах, театральных представлениях и других придворных и общественных мероприятиях¹⁸⁸. Присутствие на подобных мероприятиях позволяло узкому кругу «придворных» офицеров непосредственно взаимодействовать как с принцепсом, так и с представителями сенатской аристократии. Такое взаимодействие могло способствовать развитию карьеры некоторых центурионов, как это

¹⁸⁶ Fuhrmann C. J. Policing the Roman Empire... P. 151.

¹⁸⁷ Ibid. P. 152.

¹⁸⁸ См. об этом нашу статью: Иванова Е. С. Преторианская гвардия при дворе римского императора: обряд *salutatio*, императорский *convivium* и развлечения принцепса // *Via in Tempore*. История. Политология. 2024. Т. 51. № 1. С. 34–43.

было в случае Марция Турбона и Сульпиция Симилиса (Dio Cass. LXIX. 18–19), но в то же время создавало предпосылки для участия ряда офицеров в придворных интригах и политических заговорах.

В нарративных источниках сохранились свидетельства об участии центурионов в трех заговорах против императоров. Первый заговор произошел в конце правления Гая Калигулы. Бывший центурион Кассий Херея¹⁸⁹ решил выступить против императора. Его побуждали к этому как личные мотивы, поскольку офицер из-за своего тонкого нежного голоса подвергался оскорблениям и насмешкам со стороны Гая и получал от императора в качестве пароля такие слова, как «Венера» или «Приап» (Dio Cass. LIX. 29. 2; Suet. Calig. 56. 2; Ios. Ant. Iud. XIX. 1. 5), так и стремления освободить государство от тирании. Иосиф Флавий передает следующие мысли этого офицера: «...мы служим в качестве палачей вместо того, чтобы быть воинами, носим оружие не за свободу и за власть римлян, но на благо человека, который порабощает тела и души» (Ios. Ant. Iud. XIX. 1. 6)¹⁹⁰. Стоит отметить, что, по мнению некоторых исследователей, преторианцы были призваны защищать в большей степени императорское величие (*maiestas principis*), а не физическое тело правителя¹⁹¹. Поэтому стыд за исполнение приказов Калигулы, несоответствие поступков этого правителя представлениям Кассии Хереи и других заговорщиков о понятии *maiestas principis* могли оправдывать в их глазах нарушение присяги и убийство императора. Этот заговор завершился убийством Калигулы и провозглашением преторианцами нового императора — Клавдия. Несмотря на благородные мотивы заговорщиков и поддержку их действиям со стороны части сенатской аристократии, Кассий Херея был казнен «как пример на будущее время» (Ios. Ant. Iud. XIX. 4. 5; см. также: Suet. Cal. 56–58; Dio Cass. LIX. 29; Suet. Claud. 11; Aur. Vict. Caes. 3).

Второй заговор с участием центурионов относится к правлению Нерона. Речь идет о заговоре Пизона 65 г. н. э., в котором были задействованы преторианские

¹⁸⁹ Он служил центурионом в Германии (Tac. Ann. I. 32. 5).

¹⁹⁰ Пер. Г. Г. Генкеля.

¹⁹¹ Ricci C. Security in Roman Times Rome, Italy and the Emperors. London; New York, 2018. P. 90.

центурионы Сульпиций Аспер, Максим Скавр и Венет Павел (Тас. Ann. XV. 49–50). В этот сговор были вовлечены и другие военнослужащие, включая префекта претория Фения Руфа, а также широкий круг представителей сенаторского и всаднического сословий. Хотя, согласно Тациту, некоторые заговорщики преследовали личные мотивы для устранения Нерона, в качестве общих причин заговора можно назвать сокращение полномочий сената, массовые казни (в том числе убийства жены и матери) и конфискации имущества римских аристократов¹⁹². Что касается центурионов, то Тацит передает следующие слова Сульпиция Аспера о причинах его участия в сговоре против императора: «На вопрос Нерона, почему он участвовал в заговоре с целью его убийства, он коротко ответил, что иначе нельзя было помочь против стольких его преступлений» (Тас. Ann. XV. 68 1; ср. Dio Cass. LXIII. 25. 1–2). Итак, действия правителя, противоречащие представлениям офицеров о *maiestas principis*, в очередной раз послужили мотивом для нарушения присяги и попытки устранения императора преторианскими центурионами.

Сведения о третьем случае преступных действий центуриона в отношении императора приводит только Геродиан при описании гибели Каракаллы (Herodian. IV. 13). Макрин, служивший префектом претория при этом императоре, по-видимому, стремился его сместить и впоследствии получить императорскую власть от подчиненных ему преторианцев. Для достижения этой цели Макрин убеждает Марциалия, центуриона¹⁹³ личной стражи Каракаллы, убить императора. Марциалий, согласно Геродиану, имел личные причины согласиться на преступление, поскольку Каракалла казнил его брата «по клеветническому и оставшемуся недоказанным обвинению», а также издевался над самим Марциалием, называя его трусом и «Макриновым дружкой». В то же время от префекта претория Марциалий получил много благодеяний. Итак, «полный ненависти» центурион «с радостью соглашается сделать все, как только случай представится», и действительно убивает Каракаллу.

¹⁹² Pagan V. E. Conspiracy Narratives in Roman History. Austin, 2004. P. 73.

¹⁹³ Кассий Дион (LXXIX[LXXVIII]. 5. 3) называет его эвокатом. В других источниках военный ранг Марциала вообще не назван (SHA. Carac. 6. 7; 7. 2; Zon. XII. 12; Epit. de Caes. 21.6).

Важно подчеркнуть, что в двух последних случаях центурионы выступали не против института императорской власти, а против личности конкретного правителя. Что касается мотивов Кассия Хереи, то в историографии признается, что этот офицер стремился восстановить республику после убийства Калигулы¹⁹⁴. Именно по причине своих республиканских взглядов Кассий Херея получил более суровое наказание, чем остальные участники заговора. Тем не менее, стоит отметить, что Кассий Херея находился на военной службе более 20 лет. В 14 г. н. э. он служил центурионом в германском легионе. Когда солдатский мятеж вспыхнул, он оказался единственным офицером, который доблестно противостоял мятежникам (Тас. Апп. I. 32. 4). Длительная и успешная военная карьера Кассия Хереи, завершившаяся трибунатом в Риме, может указывать на то, что он долгое время разделял традиционные римские представления о государственной службе. Согласно этим представлениям, необходимость выполнения своего долга сохранялась при любой форме правления в независимости от политических и общественных условий, поскольку служба была направлена не на благополучие отдельного правителя, а на процветание Империи в целом¹⁹⁵. Однако неприятие Кассием Хереей личности Калигулы, вызванное его оскорблениями в адрес заслуженного офицера и жестокими распоряжениями, а также непосредственное взаимодействие бывшего центуриона с оппозиционно настроенной сенатской аристократией и ее влияние на него, могли привести к изменениям этих взглядов и утверждению в мысли, что только убийство тирана и возвращение к республиканской форме правления будут способствовать процветанию римлян, укреплению их свободы и власти. Таким образом, сочетание специфических условий службы и личных обстоятельств создало предпосылки и условия для совершения бывшим центурионом убийства императора. Такое сочетание негативных факторов, безусловно, было исключительным явлением, весьма не характерным для профессиональной деятельности и жизненного пути большинства центурионов. По этой причине пример Кассия Хереи, как и два других

¹⁹⁴ Demougin S. Prosopographie des chevaliers romains Julio–Claudiens (43 av. J.–C.–70 ap. J.–C)... P. 343.

¹⁹⁵ Махлаюк А. В. Историк «века железа и ржавчины». Кассий Дион и его «Римская история»... С. 384.

описанных выше заговора, нельзя рассматривать как типичные. Значительная часть центурионов не имела возможности непосредственно взаимодействовать с императором, а значит и определять, насколько конкретная личность соответствовала офицерским представлениям о *maiestas principis*. Более того, развитие карьеры, материальное благополучие и социальный статус центурионов во многом зависели от решений принцепса об их назначениях и награждениях. Таким образом, само устройство римской армии, сложившееся в результате реформ Августа, в котором все возможные благодеяния для военнотружущих могли официально исходить только от императора, способствовало поддержанию лояльности не только центурионов, но и войск в целом. Соответственно, три исключительных случая нарушения присяги центурионами за более чем 200 лет истории ранней империи не должны перекрывать общей приверженности этих офицеров идее верной службы императору¹⁹⁶.

В завершение рассмотрения двух аспектов «теневой» деятельности центурионов необходимо отметить следующие моменты. Назначения центурионов для устранения политических противников правителей, аристократов или военачальников, а также для ареста и/или уничтожения внутренних врагов государства определялись более широкими функциями этих офицеров: с одной стороны, их чисто военной обязанностью по проведению казней, а с другой стороны, их ролью представителя императора или другого военачальника, позволявшей им без подозрений проникать в различные социальные пространства империи. Так, некоторые центурионы, отличаясь особой военной подготовкой и высоким уровнем лояльности, а также выполняя роль агента императорской власти в римском обществе, становились идеальными кандидатами для исполнения деликатных миссий. Соответственно, этот аспект «теневой» деятельности офицеров можно рассматривать как полуофициальную и ограниченную по распространенности часть их должностных обязанностей. Что касается участия центурионов в заговорах против правителей и их убийствах, то эти случаи, как было замечено выше, являлись исключительными

¹⁹⁶ Ярким примером такой верности императору и воинскому долгу является гвардейский центурион Семпроний Денс — см. рассказ Тацита (Tac. Hist. I. 43), Плутарха (Plut. Galba. 26) и Кассия Диона (Dio Cass. LXIII. 6. 4) об убийстве мятежными преторианцами Гальбы и Пизона Лициниана. Об этом и других подобных эпизодах подробнее см. ниже.

и обуславливались особыми служебными обстоятельствами и личными причинами. Данные аспекты, хотя и составляют незначительную часть общей деятельности центурионов, достаточно хорошо отражены в нарративных источниках. Это связано с тем, что подобные «темные» деяния офицеров происходили преимущественно среди представителей высших сословий империи и по этой причине привлекали непосредственное внимание античных авторов. Аналогичного интереса к проблемам рядовых граждан и провинциалов, вызванным злоупотреблениями центурионов их властными полномочиями, составляющими третий аспект «теневого» деятельности центурионов, не наблюдается в сочинениях античных интеллектуалов.

Переходя к рассмотрению случаев злоупотреблений центурионами их полномочиями, стоит обратиться к следующим эпизодам из нарративных источников. Так, Тацит сообщает о трех восстаниях союзных племен и называет в качестве их причин жадность центурионов. В 28 г. н. э. восстали зарейнские фризы. Примипилар Оленний, будучи фактическим правителем этого народа, обложил его непосильными податями в виде турьих шкур, не располагая которыми, фризы были вынуждены расплачиваться «сначала быками, потом землями и, наконец, передавая в рабство своих жен и детей» (Тас. Ann. IV. 72). После неудачных попыток мирного решения вопроса об отмене этих податей фризы начинают восстание.

Роль центурионов в формировании предпосылок к восстаниям Боудикки (Тас. Ann. XIV. 31) и Цивилиса (Тас. Hist. IV. 14) описана Тацитом менее детально. Но в обоих случаях историк упоминает о совершаемых центурионами грабежах. Так, он сообщает, что после смерти Прасутага, мужа Боудикки и царя иценов, его царство стали разорять центурионы (Тас. Ann. XIV. 31. 2). Более эмоционально представлены злоупотребления центурионов в речи Цивилиса: «Каждый из них [центурионов] старается награть как можно больше, а когда он напьется досыта нашей крови, его отзывают и на его место присылают другого, который старается придумать новые уловки и новые поводы для вымогательства» (Тас. Hist. IV. 14. 3)¹⁹⁷. По-видимому, в этих эпизодах, как и в случае с фризами, под грабежами центурионов

¹⁹⁷ Пер. Г. С. Кнабе.

подразумеваются высокие налоги и, вероятно, незаконные изъятия скота и ценных предметов. Центурионы, совершавшие эти грабежи, могли исполнять административные функции регионариев или только контролировать сбор налогов по поручению наместников провинций или прокураторов.

Кроме того, жадность центурионов отмечается Тацитом и в описаниях мятежей, происходивших в самих легионах. Так, существовавшая для рядовых солдат обязанность покупать у центурионов право на освобождение от работ или на отпуск встречается среди жалоб Перценния в ходе паннонского восстания 14 г. н. э. (Тас. Ann. I. 17. 6) и среди жалоб преторианцев в начале короткого правления Отона (Тас. Hist. I. 46). Тем не менее, обращаясь к эпизодам военных мятежей в сочинениях Тацита, важно подчеркнуть, что подобные жалобы на центурионов выражаются не самыми достойными воинами. Например, историк сообщает, что Перценний был в прошлом «главой театральных клакеров». Поступив на военную службу, он сохранил свой острый язык и использовал театральный опыт, чтобы вызывать волнения в толпе солдат (Тас. Ann. I. 16). Также и в германских легионах в период волнений 14 г. н. э. недовольство проявлялось, по словам Тацита, «городской чернью, привыкшей к разнузданности, испытывающей отвращение к трудам» (Тас. Ann. I. 31). Соответственно, можно допустить, что в речах мятежников содержались риторические преувеличения о жадности и жестокости центурионов. Однако некоторые офицеры, по-видимому, действительно злоупотребляли своим положением. Об этом свидетельствует исход германского мятежа, когда Германик устроил смотр центурионам: «Вызванный императором, каждый называл имя, ранг, место рождения, число лет, проведенных на службе, перечислял, какие подвиги совершил он в сражениях, и, если имел, предъявлял военные награды. Если трибуны и легион удостоверяли его усердие и добросовестность, он сохранял свой ранг; если же общим голосованием его обвиняли в алчности или жестокости, его увольняли со службы» (Тас. Ann. I. 44). Итак, смотр Германика показывает, что среди центурионов были не только жестокие вымогатели и взяточники, но и честные офицеры, проявлявшие усердие и добросовестность в военной службе. В связи с этим можно предположить, что и при исполнении административных функций далеко не все офицеры,

подобно примипилару Оленнию, злоупотребляли своим положением и наносили ущерб провинциалам.

Помимо сочинений Тацита, примечательный эпизод, иллюстрирующий взаимоотношения центурионов и провинциального населения, содержится в романе «Метаморфозы, или Золотой осёл» Апулея. Главный герой, Луций, превращенный в осла, в ходе своих злоключений оказывается в собственности у одного огородника. Этот огородник, возвращаясь верхом на осле домой из соседнего селения, встречает по пути центуриона¹⁹⁸. Офицер ударяет огородника своим жезлом и пытается изъять у него осла, поскольку, по словам военнослужащего, «следует, чтобы он с прочим выючным скотом перевез из соседней крепости вещи нашего командира» (Apol. Met. IX. 39). Но огородник смог защитить себя и, поколотив центуриона, не только удержал своего осла, но и завладел мечом офицера. Впоследствии, однако, по ложному донесению этого центуриона и его солдат огородника заключают в тюрьму и, возможно, приговаривают к смертной казни.

Этот эпизод интересен, прежде всего, в связи с периодическими повторениями императорских эдиктов, касающихся злоупотреблений военнослужащими системой *vehiculatio*, т.е. правом требования от гражданских лиц предоставления транспортных средств (повозок, лодок, выючных животных)¹⁹⁹. В этих эдиктах устанавливается, что право пользования транспортными средствами, а также право размещения на постой с обеспечением питанием (*hospitium*) может предоставляться только военнослужащим, получившим специальное разрешение (*diploma*) от своего командования²⁰⁰. Также в эдиктах подчеркивается, что солдаты должны платить за эти услуги. Повторное издание эдиктов с аналогичным содержанием указывает на то, что проблема злоупотреблений полномочиями со стороны военнослужащих не

¹⁹⁸ В оригинале «воин из легиона» (*miles e legione*). Но в тексте также упоминается, что у воина был центурионский жезл (*vitis*), поэтому допустимо предположить, что речь идет именно об офицере, а не рядовом солдате.

¹⁹⁹ Fuhrmann C. J. *Policing the Roman Empire...* P. 160; Махлаюк, А. В., Негин А. Е. *Повседневная жизнь римской армии в эпоху Империи...* С. 305.

²⁰⁰ См., например, эдикты Клавдия (ILS 214), Домициана (IGLS V, 1998) и Адриана (Hauken, T., Malay, H. *A New Edict of Hadrian from the Province of Asia setting Regulations for Requisitioned Transport // Selbstdarstellung und Kommunikation: Die Veröffentlichung staatlicher Urkunden auf Stein und Bronze in der Römischen Welt / Ed. R. Haensch. Munich, 2009. P. 327–348).*

была устранена. Однако регулярное вмешательство принцепсов демонстрирует их стремление контролировать этот аспект провинциальных дел²⁰¹.

Итак, инцидент, произошедший между огородником и центурионом, по-видимому, можно рассматривать как типичное явление для провинциальной действительности. Тем не менее, примечательно, что история, приведенная Апулеем, является одним из немногих примеров, когда в преступлении оказывается замешан именно центурион, а не рядовой солдат или фрументарий²⁰². К. Фурманн обращает внимание на это обстоятельство и предполагает, что центурионы действительно реже по сравнению с обычными солдатами допускали злоупотребления в отношении провинциалов. Историк объясняет это бременем командной ответственности, которое требовало от центурионов не только поддержания дисциплины их подчиненных, но и контроля за собственным поведением для укрепления своего авторитета²⁰³. Предположение К. Фурманна частично подтверждается следующими фактами. Так, из переписки Плиния Младшего с императором Траяном известны случаи, когда некоторые городские общины сами просили направить к ним легионного центуриона для обеспечения порядка (Plin. Epist. X. 77–78). Это были те общины, которые из-за географического положения и пролегавших через их земли дорог, должны были предоставлять мулов и повозки для государственной почты. Эти города, по-видимому, страдали от незаконных требований проезжающих лиц²⁰⁴. Из писем наместника и принцепса также известно, что подобная просьба была удовлетворена только для Византия, крупного морского порта, а жителям более скромного города Юлиополя, вероятно, следовало подавать петиции с жалобами напрямую наместнику и терпеливо дожидаться его ответов²⁰⁵. Кроме того, важно отметить, что те общины, которые все же попадали под руководство или своего рода юрисдикцию центурионов, исполнявших по всей видимости разобранные выше

²⁰¹ Предпринимались и другие законодательные попытки пресекать злоупотребления и преступления военных лиц (Dig. 1. 18. 6. 1–9; CTh. VII. 4. 12; VII. 9. 3).

²⁰² Fuhrmann C. J. Policing the Roman Empire... P. 224.

²⁰³ Ibid. P. 224.

²⁰⁴ Ibid. P. 212.

²⁰⁵ О процедуре подачи петиций наместнику см.: Burton G. P. Proconsuls, Assizes and the Administration of Justice under the Empire // JRS. 1975. Vol. 65. P. 92—106.

функции регионариев и *iudices dati*, могли выражать благодарность этим офицерам почетными статуями. Например, скафарии Колонии Ромула поставили статую примиплу Луцию Кастрицию Хонорату, честному человеку (*homini bono*), за его безукоризненное и исключительное правосудие (*ob innocentiam et singularem iustitiam eius*; CIL II, 1183), а совет и народ Пальмиры почтил монументом центуриона Помпония Дарета, подчеркнув его честность и справедливость, назвав его *ἀγνὸς καὶ δίκαιος* (IGRR III 1046). Соответственно, редкость упоминаний злоупотреблений со стороны центурионов в источниках, просьбы городских общин прислать им центурионов для обеспечения порядка, а также почетные статуи от горожан для этих офицеров свидетельствуют, что многие центурионы добросовестно выполняли свои обязанности по поддержанию порядка, разрешению судебных споров и управлению провинциями.

В завершение рассмотрения «теневых» аспектов деятельности центурионов следует признать, что определение пропорции между честными офицерами и теми, кто был склонен к злоупотреблению своим положением, остается весьма сложной проблемой. Тем не менее, стоит отметить, что римское государство привлекало центурионов для выполнения разнообразных общественных задач на протяжении всей своей истории. Более того, как уже упоминалось, в ряде случаев помощь этих офицеров запрашивалась самим обществом. Безусловно, многочисленные функции центурионов сами по себе не могут свидетельствовать о добропорядочности и эффективности их исполнителей. Но они определенно указывают на важность и полезность центурионов для государства, которое с их помощью могло обеспечивать мир и безопасность в провинциях в течение длительного периода, вплоть до кризисных явлений середины III в. н. э.

Подводя итоги рассмотрения невоенных функций римских центурионов, необходимо обратить внимание на следующие ключевые моменты. Привлечение центурионов к исполнению судебных, административных и дипломатических обязанностей стало распространенной практикой после завершения процесса

профессионализации римской армии, получившего юридическое оформление в реформах Октавиана Августа. Одним из последствий этого процесса для центурионов было значительное улучшение их социального положения, выразившееся в повышении жалованья и в сложившемся разнообразии карьерных перспектив. Подобные изменения в общественном положении центурионов способствовали расширению социального состава этой группы офицеров, среди которых появились представители всаднического сословия и муниципальной аристократии. Вместе с этим повысились требования к кандидатам на этот пост, от которых теперь ожидалось не только проявление воинских навыков, но и грамотность и некоторые административные способности. Знания и опыт центурионов могли обратить на себя внимание высших командиров и наместников провинций, с которыми эти офицеры по долгу службы взаимодействовали не меньше, чем с подчиненными им солдатами. Признавая заслуги центурионов и используя их регулярные контакты как с рядовыми солдатами, так и с провинциальным населением, представители римской власти начинают передавать этим офицерам ряд собственных обязанностей и соответствующие полномочия для их исполнения. Так центурионы становятся «назначенными судьями», регионарными и дипломатическими агентами. Подобное сочетание военной и гражданской службы центурионов могло оказать положительное влияние на последующее развитие их карьеры. После прохождения примипилата они получают возможность продолжить службу, в том числе в качестве прокураторов. Назначение именно бывших центурионов на эту должность позволяло привлекать экономические ресурсы и богатый военно-административный опыт этих служащих к решению провинциальных проблем. Такие назначения утверждались лично принцепсом, который выдвигал на высшие административные должности не только наиболее опытных, но и отличавшихся особой лояльностью кандидатов. В результате примипилат постепенно превращался в институт, способствовавший созданию новой административной элиты, чей статус обеспечивался исключительно покровительством императора, что определяло ее безусловную верность правителю. Таким образом, привлечение бывших центурионов к управлению провинциями оказывало существенное влияние на процесс обновления элит в Римской империи.

Вместе с усилением социального влияния центурионов происходят изменения в общественном восприятии носителей данной должности. Свидетельства о восприятии центурионов римским обществом сохранились только в литературных источниках, составленных представителями античной аристократии и интеллектуальной элиты. Тем не менее именно отношение старой римской аристократии к центурионам весьма примечательно в контексте вопроса об интеграции новой военной элиты в ряды привилегированных сословий.

ГЛАВА 2. СОЦИАЛЬНЫЙ СТАТУС И СОЦИАЛЬНЫЕ ОТНОШЕНИЯ РИМСКИХ ЦЕНТУРИОНОВ

Социальный статус римского гражданина определялся общественными оценками его происхождения, богатства, власти, уровня образования и моральной репутации¹. В 1 главе было отмечено, что центурионы не составляли единой группы в плане социального происхождения. Среди офицеров этого ранга встречались как представители всаднического сословия и муниципальной аристократии, так и получившие повышение рядовые солдаты и преторианцы. Однако различия между этими двумя категориями центурионов не играли значительной роли во время службы². Рассмотренная выше карьера Веттия Валента подтверждает, что центурионы, происходившие из среды легионеров и преторианцев, также имели возможность занимать высокие административные должности, включая пост прокуратора. Вопрос о разграничении привилегий этих двух категорий военнотружущих поднимается только Кассием Дионом в контексте размышлений о допустимости вхождения представителей всаднического сословия в состав сената. Греческий историк в речи Мецената отмечает, что наиболее выдающихся всадников, в том числе тех, кто служил центурионами, следует включать в список сенаторов. Однако центурионов, которые начинали службу рядовыми солдатами и «таскали на себе корзины с углем», вводить в сенат «постыдно и позорно» (Dio Cass. LII. 25. 6–7). Хотя данное суждение в сочинении Кассия Диона принадлежит Меценату, оно в большей степени соответствует реалиям начала III в. н. э. Выше было отмечено, что центурионы, служившие при династии Северов, действительно получили возможность стать членами сенаторского сословия. Однако на протяжении I–II в. н. э. вершинами развития карьеры этих офицеров были всаднические посты прокуратора и префекта претория. Соответственно, в суждении Мецената отражается мнение самого Кассия Диона о новых перспективах для центурионов³.

¹ Garnsey P., Saller, R. The Roman Empire: Economy, Society and Culture... P. 140–141.

² Manklow C. H. Standing by the Standards... P. 89.

³ Ibid. P. 92.

В сочинениях других античных авторов трудно найти подобные однозначные оценки как усилению общественного влияния центурионов, так и иным компонентам их социального статуса. Тем не менее представляется возможным составить обобщенный литературный портрет центурионов с целью определения общественного мнения об этой профессиональной группе. В данной главе этот портрет будет также сопоставлен с формами репрезентации центурионами собственного образа в публичном пространстве. Кроме того, для уточнения положения офицеров в римском обществе необходимо рассмотреть их социальные связи, отношения с друзьями, патронами и клиентами. Изучение межличностных отношений центурионов как компонентов их социального статуса будет продолжено в 3 главе анализом семейного положения и родственных связей этих офицеров. В результате предполагается определить место центурионов в общественных и идеологических структурах Римской империи с целью реконструирования их социального портрета.

§2.1. Образ центуриона в античной литературе

Исследование социального статуса центурионов необходимо начать с рассмотрения такого статусного компонента, как общественная репутация. Выше было отмечено, что свидетельства о восприятии этих офицеров римским обществом происходят преимущественно из литературных источников, созданных представителями античной аристократии и интеллектуальной элиты. В связи с этим обобщенный образ римского центуриона, представленный в данном разделе, в большей степени будет соответствовать взглядам, предубеждениям и стереотипам об этих офицерах, распространенным в среде привилегированных сословий.

Вопрос о специфике литературного образа центурионов затрагивал уже Б. Добсон⁴. Исследователь отмечал, что описания центурионов античными авторами характеризуются относительным постоянством и содержат ряд общих черт. Среди таких черт Б. Добсон выделил мужественность, верность императору и

⁴ Dobson B. Die Primipilares. Entwicklung und Bedeutung... S. 128–138.

приверженность традициям. Историк также подчеркивал, что от центурионов ожидалась невероятная стойкость: они были должны умирать стоя, «сжимая в руках легионного орла или неся бремя управления»⁵. Только сделав все возможное для исполнения своего долга, они могли прекратить «существовать» и начать «жить» (Dio Cass. LXIX. 19).

Для иллюстрации положений Б. Добсона приведем цитату Плутарха из биографии Гальбы с описанием подвига центуриона Семпрония Денса: «Но никто не защитил [императора] и не дал отпора [нападающим], кроме одного человека, единственного среди множества, кого солнце узрело достойным римского могущества, это был Семпроний Денс, центурион. Не зная никакой особой благосклонности Гальбы, он, с честью защищая закон, заслонил собой носилки и, подняв жезл, которым центурионы наказывают провинившихся, убеждал нападающих пощадить императора. Затем, когда они схватились с ним врукопашную, он обнажил меч и бился до тех пор, пока не упал, раненный под колено» (Plut. Galba. 26). В данном эпизоде центурион действительно проявляет и мужество, и стойкость, жертвуя своей жизнью ради императора.

Свидетельства других авторов в целом также подтверждают положения Б. Добсона⁶. Однако для их детального рассмотрения необходимо прежде выявить истоки героического образа центурионов в античной литературе, установить возможные нарративные функции описания доблестных поступков этих офицеров, а также понять мотивы разных авторов при создании весьма положительных характеристик центурионов.

В историографии существует предположение, что первым доблесть (*virtus*) центурионов прославил Юлий Цезарь⁷. Значимость этих офицеров для Цезаря подтверждается количественными показателями (в его работах центурионы

⁵ Ibid. S. 138.

⁶ См., например: Caes. B. Civ. I. 46; III. 53; 91; 99; Caes. B. Gall. V. 44; VI. 38; VII. 50; Dio Cass. LXVIII. 22b. 3; Ios. B. Iud. VI. 1. 8; Liv. II. 45. 13; XXV. 14; XLII. 34; Lucan. Phars. VI. 141–262; Plin. HN XXII. 6; Sil. Ital. Pun. VI, 43–57; Tac. Hist. I. 43; III. 22; Ann. XV. 11; Val. Max. III. 2. 23.

⁷ Palao Vicente J. J. Virtus Centurionis. La Figura del Centurión en César // Gerión. 2009. T. 27. N 1. P. 194.

упоминаются более 60 раз⁸), частыми эпитетами, украшающими их имена и подчеркивающими их храбрость (*fortissimus*), а также яркими описаниями их подвигов. Например, во время внезапного нападения германцев на римский лагерь центурион Секстий Бакул, будучи больным и ослабленным из-за длительного воздержания от принятия пищи, выходит из палатки безоружным, выхватывает оружие из рук проходившего мимо солдата и встает у ворот защищать лагерь. К нему присоединяются другие центурионы, и они некоторое время выдерживают бой, пока Секстий Бакул не лишается чувств от многих тяжелых ран. Пример этих центурионов ободряет остальных солдат так, что они выходят на укрепления и пытаются защитить лагерь (Caes. B. Gall. VI. 38). Доблесть центурионов также подчеркивается Цезарем описаниями их тяжелых ранений и сообщениями об их гибели на полях сражений. Так, согласно сведениям Цезаря, во время осады Герговии в бою пало 46 центурионов (Caes. B. Gall. VII. 51), в двух сражениях за контроль над Диррахием было потеряно 32 центуриона (Caes. B. Civ. III. 71. 2), а в битве при Фарсале погибло около 30 этих офицеров (Caes. B. Civ. III. 99). Таким образом, в сочинениях Цезаря центурионы представлены как безупречные воины, совершающие преимущественно героические поступки. Их отличительными чертами являются доблесть (*virtus*) и отвага (*fortitudo*). Служба центурионов своему полководцу характеризуется исключительной верностью так, что кажется затруднительным найти в тексте эпизоды, в которых автор подвергал бы критике действия этих офицеров⁹.

При сопоставлении описаний центурионов, представленных в работах предшественников и современников Цезаря, его героический образ офицеров выглядит действительно новаторским. Так, согласно Полибию, военнотружущие ничем не отличаются от остальных людей в склонности к проявлению слабости или пороков и могут легко терять боевой дух в сложных обстоятельствах (Polyb. VI. 5. 7; X. 16. 8; III. 81)¹⁰. Однако римские методы поддержания воинской дисциплины позволяют подавлять такие склонности, что обеспечивает высокую боевую эффективность

⁸ Ibid. P. 192.

⁹ Ibid. P. 195.

¹⁰ Kyrychenko A. The Roman Army and the Expansion of the Gospel: The Role of the Centurion in Luke-Acts. Berlin, 2014. P. 57.

римской армии. У центурионов, в частности, под влиянием дисциплины должны были формироваться лидерские качества, стойкость и умение «выдерживать натиск одолевающего противника и оставаться на месте до последнего издыхания» (Polyb. VI. 24). Тем не менее природные слабости могли возобладать даже над воинской честью этих офицеров. В качестве примера Полибий приводит центуриона, в котором «соединялись грубая чувственность и ненасытное корыстолюбие» (Polyb., XXI, 38, 2–3). Этот офицер обесчестил Хиомару, супругу царя галатов, попавшую в плен к римлянам. Затем он попытался получить за нее выкуп, но был позорно убит после присвоения золота. Таким образом, Полибий, в отличие от Цезаря, не идеализирует центурионов, а в равной мере описывает как их положительные качества, так и пороки. Кроме того, среди достоинств этих офицеров греческий историк в меньшей степени выделяет смелость и отвагу, а подчеркивает их лидерские качества и умение сохранять спокойствие в сложных ситуациях.

Более значительные расхождения в описаниях центурионов можно обнаружить в трудах современников и даже сподвижников Цезаря. В сочинениях Саллюстия, например, образ центуриона формируется в соответствии с общей теорией упадка нравов¹¹. В рамках этой теории Саллюстий показывает, что военачальники времен поздней Республики развращали солдат, покупая их лояльность и пренебрегая воинской дисциплиной. В результате таких действий солдаты становились наглыми и необузданными, готовыми на все ради достойной оплаты. По этой причине и центурион, упоминаемый Саллюстием, не совершает героических поступков, а, наоборот, подкупается Югуртой и позволяет нумидийцам пройти через укрепления, которые он должен был защищать (Sall. B. Jug. 38. 6).

В еще большей степени привлекает внимание контраст между образами центурионов в произведениях Цезаря и теми же персонажами в сочинении его продолжателя, автора «Африканской войны». В этой работе центурионы Цезаря, прошедшие галльскую войну и несколько этапов гражданских конфликтов с доблестью и храбростью, получавшие исключительно высокие оценки своим деяниям от

¹¹ О теории упадка нравов подробнее см.: Утченко С. Л. Древний Рим. События. Люди. Идеи. М., 1969. С. 267–289.

полководца, неожиданно предстают как мятежные и бездарные воины. Приведем для примера отрывок из речи Цезаря, обращенной к нескольким офицерам: «Так как вы получили в моей армии должность командиров центурий моей милостью, но не за свою доблесть, и вели себя столь дурно, что ни на войне не были храбрыми, ни в мире порядочными и полезными людьми, но более думали о мятеже и подстрекательстве солдат против своего императора, чем о воинской чести и дисциплине, то я считаю вас недостойными командования центуриями в моей армии, я вас увольняю и приказываю как можно скорее оставить Африку» (В. Afr. 54. 5)¹². Сложно допустить, что подобные критические высказывания могли быть в «Записках» самого Цезаря.

Таким образом, описания центурионов в трудах предшественников и современников Цезаря состоят преимущественно из негативных характеристик этих офицеров, чем существенно отличаются от мнений и оценок самого полководца. Безусловно, общее количество источников не является достаточным, чтобы прийти к однозначному выводу, что Цезарь был первым, кто создал положительный образ центурионов и прославил их доблесть. Однако представляется весьма вероятным, что именно благодаря его трудам героический образ этих офицеров закрепился в античной литературе¹³.

В подтверждение данного положения можно привести примеры описаний подвигов центурионов Цезаря в сочинениях последующих авторов. Так, о героических деяниях Сцевы повествуют Валерий Максим (Val. Max. III. 2. 23), Лукан (Luc. VI. 141–262), Светоний (Suet. Caes. 68. 4), Флор (Flor. II. 13. 40), Аппиан (App. BC II. 60) и Кассий Дион (Dio Cass. XXXVII. 53. 2–3). Доблесть Крассиана прославляют Плутарх (Pomp. 71. 1–5; Caes. 44. 8–12) и Аппиан (BC. II. 82). Более того, в своих описаниях эти авторы не просто воспроизводят высказывания Цезаря, но добавляют примечательные детали и оценочные суждения, которые усиливают эмоциональную составляющую представленных образов. Например, если Цезарь кратко

¹² Пер. М. М. Покровского.

¹³ Cipriani G. Dai Centurioni alla Retorica: Analisi Logico-Formale di una Digressione (Caesar, B. G., 5, 44)... P. 539–540.

сообщает, что после сражения под Диррахием в щите центуриона Сцевы оказалось 120 дыр (Caes. B. Civ. III. 53), то Валерий Максим подробно описывает храбрость и стойкость этого офицера, объясняя ее влиянием особой дисциплины в войске Цезаря: «...сражаясь без малейшего отступления, [Сцева] пал над огромной грудой тел, которую сам же и нагромоздил. У него голова, плечо, бедро были ранены, глаз выбит, щит оказался пробитым в ста двадцати местах. Такова была дисциплина в лагерях божественного Юлия, что воспитала воинов, из которых один, потеряв правую руку¹⁴, другой, потеряв глаз, продолжали сражаться с врагом» (Val. Max. III. 2. 23). Также обстоит дело и с представлением подвига Крассиана. Цезарь лаконично пишет, что в битве при Фарсале этот центурион проявил беспримерную храбрость (*excellentissimam virtutem*). Плутарх же передает конкретные детали сражения: «...изрубив первых встретившихся врагов и с силой пробиваясь вперед, он [Крассиан] многих положил, пока, наконец, сам не был сражен ударом меча в рот так, что клинок прошел насквозь и вышел через затылок» (Plut. Caes. 44. 8–12). Более того, в жизнеописании Помпея греческий писатель добавляет, что после гибели Крассиана битва на той позиции шла с переменным успехом (Plut. Pomp. 71. 5). Итак, данные примеры показывают, что героические деяния центурионов Цезаря являются «общим местом» в античной литературе¹⁵.

Положительные качества центурионов Цезаря, по-видимому, стали распространяться в античной литературе на большинство представителей этого ранга. Выше был приведен рассказ Плутарха о доблести и верности центуриона Семпрония Денса, отдавшего жизнь за Гальбу (Plut. Galba. 26). Здесь стоит добавить, что доблесть центурионов воспевается и в поэзии. Например, Овидий создает следующий образ примипила Весталиса, сражавшегося в Причерноморье с гетами:

И у тебя, достойнейший внук благородного Донна¹⁶,
 Жажда зажглась в груди ринуться в сечу мужей.
 Издалека приметный для глаз сверканьем доспехов,
 Не пожелал ты скрыть храбрость свою хоть на миг;

¹⁴ Речь идет об Ацилии, солдате X легиона.

¹⁵ Palao Vicente J. J. *Virtus Centurionis. La Figura del Centurión en César* // *Gerión*. 2009. T. 27. N 1. P. 202.

¹⁶ Весталис был потомком Донна, кельтского вождя из Коттийских Альп.

Шел напролом, одолев и булат, и гордую кручу,
 Шел сквозь частый град падавших с выси камней.
 И не явились тебе помехой дротиков стаи,
 Черные тучи стрел с кровью змеи в остриях.
 В шлеме тростинки торчат, многоцветными перьями вея,
 Негде в разбитый щит новой вонзиться стреле.
 Он и от прежних тебя не укрыл. Но с думой о славе
 Боль пламенеющих ран ты не хотел замечать.
 Так, мы помним, Аякс против Гектора бешено бился,
 Факелonosцев разил — и отстоял корабли!
 (Ovid. *Ex Ponto*. IV. 7. 29–41)¹⁷

Для более ясного понимания других подобных эпизодов необходимо определить возможные мотивы античных авторов для создания героических образов центурионов и, прежде всего, рассмотреть нарративные функции доблестных поступков этих офицеров в сочинениях самого Цезаря.

В современной историографии существует несколько объяснений героических деяний центурионов Цезаря. Британская исследовательница Р. Эш предполагает, что храбростью центурионы выражают уважение к своему полководцу. Уважение этих офицеров имеет большое значение в связи с их репутацией как лучших специалистов по военному делу. Соответственно, именно их подвиги могут наиболее убедительно свидетельствовать о полководческом мастерстве Цезаря. Кроме того, коллективная поддержка центурионов повышает авторитет Цезаря в гражданской войне. Готовность многих офицеров умереть на поле битвы ради достижения их полководцем своих целей демонстрирует верность этих целей и их направленность на благополучие всего римского народа. Исходя из данных положений получается, что Цезарь последовательно конструирует героический образ центурионов для обоснования легитимности собственной власти¹⁸.

Помимо обоснования легитимности своей власти Цезарю было необходимо оправдать ее единоличность. Для достижения этой цели, по мнению К. Уэлч, полководцу недостаточно просто показать героические деяния центурионов, но важно подчеркнуть, что они возможны только благодаря его военному мастерству и

¹⁷ Пер. Н. Д. Вольпин.

¹⁸ Ash R. *Ordering Anarchy. Armies and Leaders in Tacitus' Histories*. Duckworth, London, 1999. P. 8.

совершаются исключительно ради него одного¹⁹. Подобное внимание к собственной личности и достижениям Цезарь умело привлекает путем умолчания о действиях своих легатов, которые в целом редко упоминаются в его сочинениях и не выделяются яркими чертами. Деятельность этих командиров могла способствовать как поддержанию воинской дисциплины, так и воодушевлению центурионов на приписываемые им подвиги, и, безусловно, оказала значительное влияние на положительный исход военных кампаний Цезаря. Однако поскольку эти командиры занимали равное с Цезарем положение в обществе, их успехи могли соотноситься читателями с достижениями самого полководца. Это значит, что легаты имели возможность превзойти в глазах читательской публики военное мастерство Цезаря и оспорить его роль как единственного защитника римского народа²⁰. Чтобы не допустить подобного восприятия, Цезарь представляет действия своих легатов в сдержанной, хотя и позитивной манере, акцентируя внимание на их осторожности и послушании. Инициативность и храбрость больше не являются достоинствами легатов²¹. Теперь эти качества должны проявлять центурионы. Таким образом, ограничивая роль легатов в своих произведениях, Цезарь определяет место римской аристократии в контексте отношений с императором и, тем самым, предвещает реальное положение нобилитета в период его господства над римским государством²².

На различия в описаниях центурионов и легатов также обращает внимание американский исследователь Дж. Лендон²³, отмечая, что состязания в доблести на поле битвы были важной частью римской военной культуры. Однако, если в период ранней истории Рима проведение подобных состязаний ожидалось от представителей нобилитета, занимавших высшие командные посты, то в эпоху поздней Республики офицеры-аристократы, не желая рисковать жизнью, передают обязательство

¹⁹ Welch K. Caesar and his Officers in the Gallic War Commentaries // Julius Caesar as Artful Reporter. The War Commentaries as a Political Instruments / Ed. K. Welch, A. Powell. London, 1998. P. 85–110.

²⁰ Ibid. P. 87.

²¹ Ibid. P. 93.

²² Ibid. P. 103.

²³ Lendon J. E. Soldiers and Ghosts: a History of Battle in Classical Antiquity. New Haven; London, 2005. P. 212–232.

проявлять доблесть центурионам²⁴. Соответственно, согласно концепции Дж. Лендона, описания героических деяний центурионов в сочинениях Цезаря не являются только художественным преувеличением автора, используемым для обоснования собственных политических амбиций. В этих описаниях отражаются реальные изменения, произошедшие в традициях военной службы в период поздней Республики, и способствовавшие усилению роли центурионов на полях сражений, а также возрастанию их значимости в римском обществе²⁵.

В подтверждение теории Дж. Лендона можно привести, например, рассуждения Цицерона о «досадном поражении» (*plaga odiosa*) Бибула в сражении с разбойничьими племенами Амана. Цицерон, чтобы подчеркнуть степень неудачи Бибула, сообщает именно о гибели примипила и всех центурионов первой когорты (*Cic. Att. V. 20. 4*). По-видимому, оратор признавал значимость этих офицеров в ходе боевых действий. Также показательной в этом отношении является характеристика центурионов, представленная в сочинении Валерия Максима. Прославляя примеры доблести и решимости, писатель рассказывает и о героических деяниях центурионов. Он отмечает, что эти новые люди (*novitas*), хотя и не отличаются знатным происхождением, все же заслуживают уважения со стороны нобилитета благодаря их доблести и добрым нравам (*bonae indoles*) (*Val. Max. III. 8, 7*). Данное наблюдение писателя может указывать на повышение социального статуса центурионов в период трансформации римской республики в империю.

Таким образом, обобщая теории Р. Эш, К. Уэлч и Дж. Лендона, можно предположить, что Цезарь использовал героические образы центурионов, чтобы подчеркнуть свой полководческий талант и обосновать политические амбиции. Однако его внимание именно к этой категории военнослужащих было обусловлено их реальными военными достижениями и возросшим статусом в римском обществе. Соответственно, нарративная функция доблестных поступков центурионов как свидетельств военного мастерства и легитимности власти их военачальника стала

²⁴ Lendon J. E. *Soldiers and Ghosts: a History of Battle in Classical Antiquity...* P. 218.

²⁵ *Ibid.* P. 220.

возможной только вследствие действительного усиления значимости этих офицеров на полях сражений и улучшения их социального положения.

Необходимость демонстрировать свое военное мастерство и обосновывать легитимность собственной власти, по-видимому, отсутствовала у историков и писателей эпохи Принципата. Тем не менее в их сочинениях героические образы центурионов также присутствуют. Для прояснения возможных мотивов в конструировании подобных образов обратимся к трудам Тацита. В историографии отмечается, что этот историк часто изображает солдат в темных тонах как жестоких убийц и ненасытных грабителей, подчеркивая их невежество, иррациональные импульсы, жестокость, алчность, распущенность и лень²⁶. Для примера приведем описание действий войск Вителлия в городе Диводуре, где они остановились по пути в Италию: «Здесь солдатами, несмотря на оказанный им прекрасный прием, внезапно овладел беспричинный страх, и, похватав оружие, они бросились убивать ни в чем не повинных жителей — не ради добычи, не из желания пограбить, а движимые лишь исступлением и яростью» (Тас. Hist. I. 63)²⁷. Центурионы в произведениях Тацита также совершают преступления, однако преимущественно по приказу императора или другого военачальника. Подобные примеры были рассмотрены выше. В то же время действия центурионов часто противопоставляются историком поступкам рядовых солдат²⁸. Так, на воинской сходке, во время которой Гальба объявил об усыновлении Пизона и дал пояснения по поводу мятежа германских легионов, центурионы слушали его слова с одобрением, а солдаты погрузились в мрачные размышления об отсутствии денежной раздачи (Тас. Hist. I. 18). Также и в мятежных легионах, когда рядовые воины принялись разбивать изображения Гальбы, их преступлению не препятствовали ни трибуны, ни легаты, но только 4 центуриона, Ноний Рецепт, Донатий Валент, Ромилий Марцелл и Кальпурний Репентин, попытались защитить изображение императора. «Более никто не верил и не помнил о прежней присяге, но, как это случается при мятежах, каждый поступал, как

²⁶ Kyrychenko A. The Roman Army and the Expansion of the Gospel... P. 90.

²⁷ Пер. Г. С. Кнабе.

²⁸ См., в том числе, эпизоды конфликтов между центурионами и рядовыми солдатами: Тас. Ann. I. 20, Hist. I. 80.

большинство», — завершает Тацит (Тас. Hist. I. 56). Впоследствии эти центурионы были казнены Вителлием как «повинные в верности своему долгу» (*damnatos fidei crimine*) (Тас. Hist. I. 59). Сообщает Тацит и о подвиге упомянутого выше центуриона Семпрония Денса, но его версия событий отличается от рассказа Плутарха. Согласно Тациту, этот центурион доблестно защищал не самого Гальбу, а его наследника Пизона. Когда мятежные солдаты пришли убивать молодого человека, Семпроний Денс «с одним кинжалом выбежал навстречу нападавшим, вооруженным с головы до ног, стал поносить мятежников, отвлекая на себя убийц то голосом, то жестами, и дал-таки Пизону, хотя и раненому, возможность бежать» (Тас. Hist. I. 43)²⁹. Подвиг Семпрония Денса, совершенный именно ради Пизона, оказывается весьма примечательным при его сравнении с аналогичными эпизодами у Тацита. Подобное героическое деяние на страницах «Истории» совершает примипил Атилий Вера, сражавшийся под командованием Антония Прима, военачальника Веспасиана, в битве при Кремоне. В ходе этой битвы легион Атилия Вера попал в тяжелое положение: многие коллеги Вера погибли, значки нескольких когорт были захвачены. Только легионного орла удалось сберечь благодаря действиям Атилия Вера, который нагромоздил вокруг себя «груды вражеских трупов», но под конец погиб и сам (Тас. Hist. III. 22). Из «Анналов» известен подвиг Тарквития Кресцента, служившего на востоке под началом Домиция Корбулона и Цезенния Пета. При мощном нападении парфянского царя Вологеза на укрепление близ Арсамосаты, как передает Тацит, «лишь один центурион, Тарквитий Кресцент, дерзнул оборонять башню, где находился гарнизон, он совершал частые вылазки и умерщвлял подходивших близко варваров до тех пор, пока не был окружен и закидан факелами» (Тас. Ann. XV. 11). В приведенных примерах можно выявить закономерность, согласно которой центурионы совершают подвиги только под начальством тех лиц, которым симпатизирует Тацит. Так, Пизона автор характеризует как человека «доброй славы» (*prospera fama*). Антоний Прим предстает перед читателями как доблестный и благоразумный военачальник³⁰. Корбулон относится Тацитом к числу одаренных

²⁹ Пер. Г. С. Кнабе.

³⁰ См. примеры: Тас. Hist. III. 2; 3; 10; 17; 20; 24; 27.

людей, а среди его качеств выделяются статность, красноречивость, мудрость и проницательность (Тас. Ann. XIII. 8). Про Цезенния Пета, несмотря на его военные неудачи, автор пишет с сочувствием (Тас. Ann. XV. 16). В то же время центурионы Отона, который получает от Тацита неоднозначные оценки³¹, не стремятся умирать за своего императора и в ходе солдатских беспорядков в Риме просят его освободить их от службы (Тас. Hist. I. 82). Более того, центурионы Гордеония Флакка, наместника Нижней Германии, нерешительность которого неоднократно подчеркивается Тацитом³², подобно своему командиру не отличаются твердостью духа, регулярно посещают галльский лагерь и принимают там подкупы (Тас. Hist. IV. 57).

Таким образом, на основе выявленной закономерности, что доблестные центурионы служат только «хорошим» императорам или военачальникам, а дурные офицеры окружают преимущественно «плохих» правителей или командиров, можно предположить, что деяния центурионов являются одной из форм выражения Тацитом своего отношения к различным военно-политическим деятелям³³. Соответственно, цель конструирования именно героических образов центурионов близка к той, что преследовал Цезарь. Однако, в отличие от этого полководца, который стремился прославить собственное военное мастерство и обосновать легитимность своей власти, Тацит таким способом восхваляет тех исторических личностей, чья деятельность вызывает у него уважение³⁴.

Героические деяния центурионов как форма выражения авторского отношения к императорам или их легатам используются и в повествовании Иосифа Флавия. Внимание еврейского историка к римской армии в целом объясняется в историографии как авторской целью прояснить события иудейской войны, так и его предполагаемым стремлением примирить собственную лояльность римским императорам с приверженностью своим еврейским корням³⁵. С одной стороны, Иосиф Флавий был клиентом династии Флавиев. Их восхождение к власти состоялось

³¹ См. примеры: Тас. Hist. I. 13; 22.

³² Тас. Hist. IV. 19; 24.

³³ Kyrychenko A. The Roman Army and the Expansion of the Gospel... P. 79.

³⁴ Ibid. P. 80.

³⁵ Ibid. P. 147.

благодаря поддержке римских солдат, а их авторитет, в том числе, был основан на успехах в восстановлении мира в империи. С другой стороны, историк принадлежал к еврейскому народу, чье религиозное и культурное наследие было разрушено теми же солдатами, которые способствовали возвышению его покровителей. Для сглаживания данных противоречий Иосиф Флавий объясняет действия римских солдат личностными особенностями их командиров. Так, под руководством Сабина, корыстолюбивого прокуратора Сирии, солдаты угнетают евреев и грабят храмовую сокровищницу (*Ios. V. Iud. II. 3. 2–3*)³⁶. Подобным образом и под командованием Гессия Флора, который, по мнению Иосифа Флавия, своими злодеяниями спровоцировал иудейское восстание 66 г. н. э., римские воины проявляют жестокость к евреям и избивают мирную толпу горожан дубинками (*Ios. V. Iud. II. 15. 5*). В то же время под началом компетентных военачальников римская армия карает только мятежников и разбойников, способствуя установлению мира и порядка в Иудее³⁷. Кроме того, при грамотном руководстве римские солдаты в большей степени демонстрируют свои сильные стороны, соблюдая воинскую дисциплину и проявляя доблесть и стойкость. Соответственно, профессионализм и доблесть римской армии особенно подчеркиваются Иосифом Флавием при описании военной кампании Веспасиана и Тита. Одной из наиболее ярких фигур в этом повествовании является центурион Юлиан, который, по мнению историка, «во время этой войны превосходил всех прочих в искусстве владения оружием, в телесной силе и стойкости духа» (*Ios. V. Iud. VI. 1. 8*). В ходе сражения за иерусалимский Храм этот центурион в одиночку обратил в бегство отряд еврейских воинов. По словам Иосифа Флавия, «они бежали всей толпой, так как ни его сила, ни его отвага не представлялись человеческими» (*Ios. V. Iud. VI. 1. 8*). Подвиг Юлиана, подобно героическим деяниям центурионов в сочинениях Цезаря, описывается автором для демонстрации полководческого таланта и военного мастерства императора, которому служил этот центурион³⁸. В данном случае таким способом прославляется Тит.

³⁶ Речь идет о событиях 4 г. до н.э.

³⁷ Kyrychenko A. The Roman Army and the Expansion of the Gospel... P. 163.

³⁸ Ibid. P. 178.

Однако ни воинская слава Флавиев, ни подвиги центурионов, ни доблесть римской армии не принесли бы победы над иудеями без божественного расположения. По мнению Иосифа Флавия, римское господство над евреями было предопределено Богом, и по этой причине восстания против римлян губительны и ведут только к лишнему кровопролитию³⁹. Эта идея выражается историком не только буквально, как, например, в части, где сам Иосиф, укрываясь от римлян в пещере, вспоминает «сон, в котором Бог возвещал ему о грядущих бедствиях евреев и о судьбах римских императоров» (Ios. B. Iud. III. 8. 3), но и через эпизоды, представляющие собой искаженные события биографии царя Давида. Примечательно, что главную роль в этих эпизодах играют центурионы. Так, центурион Антоний после осады Йодфата, когда другие римские воины «не проявляли ни жалости, ни милосердия», оказывает помощь прятавшемуся в пещере врагу и протягивает ему руку. Однако еврей в ответ пронзает его мечом (Ios. B. Iud. III. 7. 35). Этот случай напоминает милостивый поступок Давида в отношении Саула, когда тот остается один в пещере, где также укрывается Давид с отрядом в 400 человек. Давид отказывается от намерения убить Саула и вместо этого отрезает край его одежды, чтобы позже показать этот отрез Саулу как свидетельство своих добрых намерений. В завершении эпизода Саул произносит следующие слова: «Кто, найдя врага своего, отпустил бы его в добрый путь? Господь воздаст тебе добром за то, что сделал ты мне сегодня. И теперь я знаю, что ты непременно будешь царствовать, и царство Израилево будет твердо в руке твоей» (VT. Reg. 1. 24. 20–21)⁴⁰. Соответственно, в истории центуриона Антония Бог вознаграждает римлян и передает царство Израилево под их управление. Другой эпизод с участием центуриона вызывает ассоциации с поединком Давида и Голиафа (VT. Reg. 1. 17). Но в истории Иосифа Флавия вместо богобоязненного Давида выступает «не испытывавший страха перед Божеством» Йонатан. Он же является инициатором поединка. Его противником становится римский воин Пудент, который превосходит во всех отношениях еврейского юношу. Тем не менее, подобно Голиафу, римлянин падает во время сражения, и быстро

³⁹ См., например: Ios. B. Iud. III. 8. 3, 9; 10. 4.

⁴⁰ Синодальный перевод.

подоспевший к нему Йонатан добивает его мечом. Однако смотревшие на поединок римляне не побежали подобно филистимлянам. Вместо этого центурион Приск поражает стрелой «кривлявшегося» над трупом врага Йонатана (Ios. B. Iud. VI. 2. 10).

Таким образом, решение Иосифа Флавия использовать центурионов в качестве главных героев эпизодов, призванных показать божественное покровительство римской армии и предопределение римлян к господству над иудеями, может свидетельствовать о том, что для еврейского историка именно эти офицеры были олицетворением римской власти.

Подобная интерпретация мотивов Иосифа Флавия хорошо согласуется с разобранной выше концепцией Дж. Лендона. Распространение героических образов римских центурионов в античной литературе, а также их использование в качестве положительной оценки деятельности императора или другого крупного военачальника произошли вследствие реального изменения социального статуса этих офицеров. Их значимость возросла как на поле битвы, так и в римском обществе, в котором, как было показано в 1 главе, они выполняли целый ряд судебных, административных, дипломатических и религиозных функций. Исполнение весьма широкого круга обязанностей могло способствовать тому, что центурионы становились наиболее узнаваемыми фигурами в римской системе провинциального управления. Так, занимая достаточно заметное положение в структуре римской администрации, эти офицеры действительно могли показаться Иосифу Флавию олицетворением римской власти.

В завершение анализа литературных портретов центурионов стоит отметить, что важная роль этих офицеров в повествованиях древних авторов свидетельствует только об осознании представителями античной интеллектуальной элиты роста общественного влияния центурионов. Однако это не означает, что их отношение к подобному явлению было положительным. Более вероятным представляется, что общее мнение о повышении социального статуса центурионов соответствовало позиции Кассия Диона, изложенной в начале данной главы. Сама возможность для центурионов пополнить ряды привилегированных сословий в целом не вызывала

осуждения в римском обществе. Однако, по мнению старой римской аристократии, это явление следовало ограничить наиболее достойными представителями звания.

§2.2. Формы саморепрезентации центурионов в публичном пространстве

Переходя к сопоставлению литературного портрета центурионов с формами представления этими офицерами собственного образа в общественном пространстве, стоит отметить, что основным источником сведений по данной проблеме являются эпиграфические тексты и рельефные изображения. Прежде всего, это надгробные, посвятельные и строительные надписи, содержание которых выходит за рамки стандартных формул. Оригинальность текстов подобных надписей позволяет предположить, что в них представлены действительно важные для заказчика сведения, отражающие его индивидуальные ценности и приоритеты⁴¹. Так, предполагается установить наиболее значимые для центурионов компоненты их социального статуса.

В первую очередь стоит отметить, что эпитафии и надгробные рельефы многих центурионов представляют этих офицеров в точном соответствии с их литературным портретом. Если в сочинениях античных авторов содержатся описания конкретных подвигов центурионов, то в эпитафиях указываются соответствующие награды за героические деяния. Так, упоминаются венки, которыми награждали тех, кто первым взбирался на крепостную стену вражеского города (*corona muralis*) или лагерьный вал противника (*corona vallaris*), копья, вручавшиеся за нанесения ранений врагу при особых обстоятельствах (*hastae purae*), а также другие награды за проявление доблести (*armillae, phalerae, torques*)⁴². Например, в надписи центуриона Тиберия Клавдия Витала сообщается, что он дважды был награжден

⁴¹ Eck W. *Monumente der Virtus. Kaiser und Heer im Spiegel epigraphischer Denkmäler* // KHG. 2000. S. 483–496.

⁴² CIL III, 5334; CIL III, 10224 = ILS 9193; CIL III, 454 = ILS 2663; CIL VI, 1626 = ILS 1385; CIL VI, 3580 = ILS 2641; CIL VI, 3584 = ILS 2656; AE 1998, 1435; AE 2019, 1197; CIL III, 9985 = ILS 2647; AE 1903, 77; AE 2016, 287; CIL III, 7397; ILS 2638.

ожерельями, браслетами, фалерами и золотым венком (*corona vallaris*) за отличия в Дакийской войне (CIL VI, 3584 = ILS 2656), а надгробная стела офицера Гая Аллия Ориента украшена венками, браслетами и фалерами (CIL XIII, 5206; № 3.1)⁴³. Итак, центурионы публично заявляют о своих военных достижениях, чтобы сохранить о себе память как о доблестных воинах.

Надгробные рельефы увековечивают не только подвиги, но и физический облик центурионов. Их статуи могут служить своего рода иллюстрациями к описаниям древних авторов, которым свойственно подчеркивать необыкновенную силу этих офицеров. Например, Плиний Старший рассказывает, что преторианский центурион Винний Валент «имел обыкновение повозки, нагруженные кулями (525, 27 л) с вином, удерживать, пока их разгружали; двуколки ловить одной рукой, обуздывая упиравшихся тучных выючных животных; и другие чудеса совершал, которые можно увидеть вырезанными на его памятнике» (Plin. NH. VII. 82). Статуя центуриона Муниция, представляющая высокого⁴⁴ и мускулистого воина в короткой тунике и плаще (*paludamentum*), держащего в левой руке меч (*gladius*), а в правой — жезл из виноградной лозы (*vitis*), подтверждает, что эти офицеры действительно могли обладать выдающейся физической силой (AE 1982, 395; № 3.3)⁴⁵.

Помимо подобных статуй, изображающих центурионов в военном облачении, встречаются и стелы с отдельными элементами их экипировки, без фигуры воина⁴⁶. На таких стелах обычно изображаются поножи (*ocrea*), кольчуги или чешуйчатые доспехи, а также шлем с поперечным гребнем (*crista transversa*). К этим элементам экипировки иногда добавляется и жезл из виноградной лозы как символ дисциплинарной власти центурионов (*vitis*). Эти компоненты снаряжения, выделявшие центурионов среди других воинов, по мнению Г. Уорда, имели символическое значение⁴⁷. Так, поножи подчеркивали большую степень опасности, с которой

⁴³ См. также постамент для почетной статуи Секста Вибия Галла, украшенный барельефами с изображениями копий, венков и знамен (CIL III, 454 = ILS 2663; № 3.2). Изображения этого и других рельефов см. в Приложении 3.

⁴⁴ Рост Муниция составляет около 180 см, что считалось высоким по меркам того времени.

⁴⁵ Другие примеры: RIB 200; CIL XIII, 6286; V, 3374.

⁴⁶ CIL XIII, 5206 (№ 3.1); 4060; CIL III, 11213 (№ 3.4).

⁴⁷ Ward G. A. Centurions: the Practice of Roman Officership... P. 65.

сталкивались центурионы в рукопашной схватке, по сравнению с обычными солдатами⁴⁸. Шлем с гребнем увеличивал рост центуриона и делал его более заметным на поле битвы, что позволяло солдатам легко ориентироваться в бою, а самому офицеру демонстрировать свои боевые навыки командирам, подчиненным и, конечно же, противникам, устрашая последних своим внушительным видом⁴⁹. Соответственно, массивные статуи центурионов в военном облачении, как и изображения отдельных элементов их экипировки на погребальных стелах, должны были прославлять исключительные боевые качества этих офицеров.

Итак, многие центурионы, судя по их эпитафиям и надгробным изображениям, стремились представить себя в публичном пространстве как доблестных воинов и обеспечить себе соответствующую этому образу посмертную славу. Их социальный статус определяли воинские качества и боевые достижения. В этом отношении публичный образ значительной части центурионов подтверждал литературные описания этих офицеров.

Однако в эпиграфике также отражены другие приоритеты и ценности этой социальной группы. Обратимся для примера к эпиграмме анонимного примипила, выгравированной на стеле, найденной на территории банного комплекса *Aquae Flaviae* в провинции Африка (AE 1928, 37; № 2.17):

Желал держать поверженных даков — я держал их.
 Желал воссесть на кресло мира — я сел на него.
 Желал следовать в блестящих триумфах — свершилось.
 Желал иметь все преимущества примипила — я получил их.
 Желал увидеть нимф нагих — увидел⁵⁰.

Текст эпиграммы, по-видимому, увековечивает важные события в жизни военнослужащего. Первая строчка отсылает к его участию в дакийских войнах. Я. Ле Бозк предполагает, что во время войны Домициана с даками автор эпиграммы был центурионом в легионе, находившемся далеко от Дуная. Получив известие о мирном договоре с даками и о необходимости выплачивать им крупные суммы

⁴⁸ Ibid.

⁴⁹ Ibid. P. 66–67.

⁵⁰ Перевод А.В. Махлаюка.

денег (Dio Cass. LXVII. 7.3–4), этот центурион почувствовал глубокое унижение и поклялся убивать даков. В ходе дакийских походов Траяна автор эпиграммы, принимая непосредственное участие в боевых действиях, смог утолить обиду и осуществить свое стремление «держатъ поверженных даков»⁵¹. Это стремление, как и желание поучаствовать в триумфальных шествиях и получить наградные выплаты, предназначенные примипилам⁵², свидетельствуют о профессиональных амбициях центуриона и соответствует военным ценностям, отраженным в рассмотренных выше надписях.

Однако наравне с профессиональными целями в эпиграмме представлены два весьма примечательных желания — «воссесть на кресло мира» и «увидеть нимф нагих». В историографии существует несколько объяснений значения строчки о «кресле мира». Так, Э. Альбертини считал это указанием на муниципальную должность, которую занимал автор эпиграммы в римской Африке⁵³. Ст. Буш и Я. Ле Бозк, наоборот, не связывают «кресло мира» с почетными назначениями, а определяют его как символ благополучного возвращения домой из военных походов⁵⁴. М. А. Спейдель отмечает, что расположение этой фразы на второй строчке текста предполагает, что это достижение относится к периоду военной службы автора. Тогда «кресло мира» может означать исполнение обязанностей *iudex datus*, *centurio regionarius* или какой-либо другой важной административной должности. В таком случае, подчеркивает исследователь, этот текст более явно, чем другие источники, показывает, что подобные административные назначения воспринимались солдатами как повод для большой гордости и заслуживали увековечивания не в

⁵¹ Le Bohec Y. Un Centurion Tueur et Voyeur // Dans le Secret des Archives. Justice, Ville et Culture au Moyen Âge, Sources et Commentaires Offerts à Nicole Gonthier // éd. M. Billoré et J. Picot. Rennes, 2014. P. 310.

⁵² В 4-й строке *commoda* — термин, используемый для обозначения наград *primipilaris*, т.е. суммы денег, вручаемых им при почетном увольнении.

⁵³ Wypustek A. Nudas Videre Nymphas in an Inscription from Aque Flavianae: Abduction of Hylas? // Elites in the Ancient World (Szczecińskie Studia nad Starożytnością II) / P. Briks (red.). Szczecin, 2015. P. 168.

⁵⁴ Busch, St. Versus Balnearum. Die antike Dichtung über Bäder und Baden im Römischen Reiche. Stuttgart, Leipzig, 1999. P. 284–285; Le Bohec, Y. Un centurion tueur et voyeur... P. 312.

меньшей степени, чем достижения на поле боя⁵⁵. Указание центурионами сведений о своих административных, муниципальных, религиозных и иных невоенных назначениях в надгробных, посвячительных и строительных надписях, а также прославление гражданских заслуг этих офицеров в почетных надписях подтверждают версию М. А. Спейделя⁵⁶.

Еще больше интерпретаций существует для строчки о нагих нимфах. Само видение этих божеств, будь то символическое или реальное, по-видимому, произошло недалеко от места находки стелы примипила в святилище Нимф на территории *Aquae Flaviae*. В этой местности автор эпиграммы оказался уже после выхода в отставку. Провинция Африка могла быть местом его рождения, куда он вернулся, чтобы провести время с семьей. Но более вероятно, что его последний служебный пост был в III Августовом легионе, базировавшемся в Ламбезисе, в 65 км к западу от *Aquae Flaviae*. Выйдя в почетную отставку, автор эпиграммы, как и многие ветераны, поселился рядом с местом службы. В какой-то момент он отправился в *Aquae Flaviae*, чтобы увидеть обнаженных нимф⁵⁷. Я. Ле Бозк объясняет это желание религиозностью военнослужащего, который действительно стремился к встрече с божеством⁵⁸. Святилище Нимф было благоприятным местом для таких явлений, о чем свидетельствует посвящение другого центуриона, пережившего там божественное видение в июле 147 года и воздвигшего алтарь в честь этого события (AE 1960, 96). А. Балланд считает созерцание нагих нимф метафорой достижения совершенного счастья. В таком случае эпиграмма примипила содержит отсылку к творчеству Катуллы, воспевавшего «блаженное время былое», когда были возможны не только встречи, но и брачные союзы с богами⁵⁹. Соответственно, строчка

⁵⁵ Speidel, M. A. Being a Soldier in the Roman Imperial Army — Expectations and Responses // *Le métier de soldat dans le monde romain: Actes du cinquième Congrès de Lyon (23–25 septembre 2010)* / Ed. C. Wolff. Lyon, 2012. P. 183–184.

⁵⁶ См. примеры: CIL III, 12280; XI, 624; 1059; CIL XI, 395 = ILS 2648; CIL III, 8753; AE 1923, 40; CIL IX, 5839 = ILS 2084.

⁵⁷ Le Bohec Y. Un Centurion Tueur et Voyeur... P. 312.

⁵⁸ Ibid. P. 315.

⁵⁹ Balland A. Sur la Nudité des Nymphes // *Publications de l'École Française de Rome*. 1976. Vol. 27. P. 7–8.

примипила перекликается с эпизодом встречи Пелея и Фетиды (Catull. Carm. 64, 16–18):

И увидали тогда впервые смертные очи
В ясном свете дневном тела Нереид обнаженных,
Вплоть до упругих сосцов выступавших из пены кипящей⁶⁰.

Тем не менее фраза о созерцании нагих нимф в таком случае необязательно свидетельствует о достижении примипилом совершенного счастья. Возможно, эти слова вовсе не отражают никаких конкретных событий из жизни автора, а являются просто языковой игрой. Знание творчества Катулла и возможность увидеть статуи, мозаики или рельефы с изображениями нимф в святилище⁶¹ могли вдохновить примипила на шутливое завершение эпиграммы, что к тому же позволяло ему продемонстрировать свое остроумие и образованность⁶².

Рассмотренные выше интерпретации строчки о нагих нимфах применимы к тексту надписи вне зависимости от ее назначения, которое могло быть как посвятельным, так и надгробным. В одном из последних исследований данной надписи предполагается, что она представляет собой именно эпитафию⁶³. Тогда фраза о созерцании обнаженных нимф является отсылкой к мифу о похищении Гиласа, любимца и оруженосца Геракла, этими водными богинями. После встречи с нимфами Гилас превращается в божество и наслаждается бессмертным существованием. Этот сюжет был популярным мотивом в погребальном искусстве римской Африки II–III в. н. э. Соответственно, автор эпиграммы стремился изобразить и собственную кончину как похищение нимфами, которое должно было обеспечить ему божественную молодость и красоту. Так, текст эпиграммы, насыщенный юмористическими элементами и раскрывающий самоуверенную личность автора, не только представляет наполненную достижениями жизнь примипила, но и подчеркивает его высокое положение в загробном мире⁶⁴.

⁶⁰ Пер. С. В. Шервинского.

⁶¹ Balland A. Sur la Nudité des Nymphes... P. 5–6.

⁶² Adams J. N. The Poets of Bu Njem: Language, Culture and the Centurionate... P. 127.

⁶³ Wypustek A. Nudas Videre Nymphas in an Inscription from Aque Flavianae: Abduction of Hylas? P. 172.

⁶⁴ Ibid.

Таким образом, эпиграмма из *Aquae Flaviae* отражает стремления примипила показать себя не только успешным воином, но и почтенным гражданским служащим, а также культурным и остроумным человеком. Соответственно, оригинальное содержание данной надписи, свидетельствуя о должном отношении центурионов к их невоенным функциям и притязаниях на определенный культурный уровень, позволяет существенно дополнить литературный портрет этих офицеров. Необходимость такого дополнения тем более обоснована, что данная эпиграмма отнюдь не является единичным случаем обращения центурионов к поэзии для выражения собственных ценностей и отношения к различным аспектам службы.

Ярким примером стремления центуриона публично заявить о своей принадлежности к греческой культуре и своих литературных пристрастиях является творчество Мария Гемелла, представленное на северном Колоссе Мемнона и датированное 150 г. н. э. (№ 51, 52, 53)⁶⁵. Этот Колосс славился тем, что он издавал особый звук (легкий стон или посвистывание) на рассвете. Слышавшие звук путешественники оставляли на статуе записи об этом событии. Центурион Марий Гемелл, однако, не ограничился простым сообщением о восприятии звуков Мемнона и указанием своего легиона и служебного поста на латинском языке, как это делали другие путешественники⁶⁶. Вместо этого он написал гекзаметрические стихотворения на греческом языке, используя витиеватые обороты из поэм Гомера. Более того, офицер был недоволен, что его текст оказался высеченным на пьедестале Колосса в месте, которое находилось слишком близко к земле и куда не попадали лучи восходящего солнца, и приказал вырезать его повторно на набедренной повязке Мемнона (Аменхотепа III) на высоте 6 м от основания статуи. Однако сильные порывы ветра на такой высоте не позволили полностью реализовать замысел Мария Гемелла, и вторая надпись осталась незавершенной⁶⁷. Тем не менее на левой ноге статуи

⁶⁵ См. публикации надписей в: *Les Inscriptions Grecques et Latines du Colosse de Memnon* / Ed. A. Bernand, E. Bernand. Le Caire, 1960. P. 130–137.

⁶⁶ См., например: CIL III, 30 = ILS 8759a; CIL III, 34 = ILS 8759b; CIL III, 37 = ILS 8759d; CIL III, 42 = ILS 8759e.

⁶⁷ *Les Inscriptions Grecques et Latines du Colosse de Memnon...* P. 134–135.

Мемнона, на высоте 3 м, удалось разместить своего рода вступление к стихотворению центуриона⁶⁸.

Постараемся передать содержание произведений Мария Гемелла прозой. Во вступлении автор, обращая внимание на трещины статуи, спрашивает: «Кто же из сыновей Урана нанес тебе такие оскорбления, милое дитя, без причины, словно речь идет о бесчестном изгнаннике? Издай же звук, молю тебя» (№ 53; № 2.36). Вопрос Гемелла отсылает к отрывку из 5-й песни «Илиады», где Диона спрашивает Афродиту, кто ее ранил: «Дочь моя милая, кто из бессмертных с тобой дерзновенно так поступил, как бы явно какое ты зло сотворила?» (II. V. 373–374)⁶⁹.

В основной части автор сообщает, что его просьба издать звук была исполнена божеством: «На счастье Мария Гемелла, центуриона. Ты был наделен речью богиней зари с розовыми перстами, твоей матерью, славный Мемнон, для меня, желавшего услышать твой голос. В 12 год славного Антонина, на 13 день месяца Пахонса дважды я слышал говорящего бога, когда яркое солнце, покидая прекрасный залив, поднималось. Тебя, бывшего некогда царем Востока, сын Кроноса заточил в камень и даровал тебе голос, исходящий из камня. Я же, Гемелл, в свою очередь написал эти стихи здесь вместе с моей верной супругой Руфиллой и моими детьми. На счастье Руфиллы, также именуемой Лонгинией» (№51; № 2.35). В этом произведении Мария Гемелла отсылки к Гомеру содержатся почти в каждой строчке⁷⁰. Для примера можно сравнить первую строку с изображением Ксанфа, коня Ахилла: «Вещим его сотворила лилейнораменная Гера» (II. XIX. 407), а также описание расцвета с представлением утренней зари в начале 3 песни «Одиссеи»: «Яркое солнце, покинув прекрасный залив, поднялось на многомедное небо» (Od. III. 1–2).

Таким образом, стихотворения Мария Гемелла представляют этого центуриона ценителем греческой поэзии и почитателем Гомера. Автор, по-видимому, гордился и своим творчеством. Об этом свидетельствует не только его попытка вырезать стихотворение на более видном месте, но и его размышления в конце текста.

⁶⁸ Ibid. P. 135.

⁶⁹ Rosenmeyer P. A. The Language of Ruins: Greek and Latin Inscriptions on the Memnon Colossus. Oxford, 2018. P. 131–134.

⁷⁰ Ibid.

Фраза «я же, Гемелл, в свою очередь написал эти стихи здесь», помещенная после идеи о том, что Зевс совершил благодеяние для Мемнона, даровав ему голос, может быть интерпретирована как осознание Гемеллом собственного достижения: он тоже совершил благодеяние для божества, прославив его голос своими стихами⁷¹. Подобное внимание к собственным литературным трудам является уникальным в военном сообществе. Ценностные установки Мария Гемелла, выраженные в его творчестве, существенно отличаются от моральных ориентиров, представленных в эпитафиях с перечислением военных наград, которые были разобраны выше. Этот пример, как и эпиграмма из *Aquae Flaviae*, показывает, что реальные центурионы могли проявлять интерес к разным сферам деятельности и их личности были гораздо сложнее, чем сложившиеся литературные образы этих офицеров.

Подобные Марию Гемеллу центурионы с литературными интересами и способностями, безусловно, составляли незначительную часть этой социальной группы⁷². Но их культура оказывала воздействие на других представителей центурионата, которые начинали разделять мнение Александра Македонского, что изучение «Илиады» — это хорошее средство для достижения доблести (Plut. Alex. 8. 2), и стремились подтягивать свой образовательный уровень. Примеры такого стремления можно найти в Северной Африке.

Поэтическая деятельность центурионов, направленная на прославление различных аспектов армейского быта, засвидетельствована на территории форта, построенного в оазисе Голайя в восточной Триполитании. Этот форт служил базой для вексилляции III Августова легиона и некоторых вспомогательных частей⁷³. Из этого форта происходят два стихотворения, высеченные на камне, которые были написаны центурионами (или созданы от их имени). Оба текста являются акrostихами, в которых зашифрованы имена этих офицеров.

Первое стихотворение составлено от имени Квинта Авидия Квинтиана между 202 и 203 г. н. э. Этот текст, написанный ямбическим сенарием, посвящен римской

⁷¹ Ibid. P. 134.

⁷² Для примера можно вспомнить Авла Пудента, друга Марциала.

⁷³ Le Bohec Y. La IIIe Légion Auguste. Paris, 1989. P. 441.

богине здоровья Салюте, но его основная мысль заключается в прославлении благотворного влияния римской бани, построенной под руководством самого Авидия Квинтиана, на силу и бодрость солдат. Это произведение центуриона стоит привести целиком (АЕ 1999, 1760; № 2.18):

- 1 Я долго размышлял, что оставить на память,
- 2 Пока начальствую я над всеми воинами в этом лагере,
- 3 И (какой) общий обет принести за возвращение войска
- 4 В числе прежних и будущих (обетов?).
- 5 Перебирая достойные имена богов,
- 6 Я отыскал наконец священное имя богини,
- 7 Чтобы увековечить ее (его?) обетами в этом месте.
- 8 Итак, покуда есть те, кто поклоняется Салюте,
- 9 Как мог, я имя превознес (ее) и всем предоставил
- 10 Воистину спасительные при столь великой жаре воды
- 11 На этих всегда песком покрытых холмах
- 12 Под южным ветром, от которого мерцает (?) палящее солнечное пламя,
- 13 Дабы они могли, купаясь без забот, тела (свои) расслабить,
14. Поэтому (и) ты, питая великую признательность за (это) деяние,
- 15 (благодаря которому) (твоя) иссохшая душа вновь оживает,
- 16 Не поленись произнести искреннюю
17. Хвалу (тому), кто желал, чтобы сам по себе ты был здоров,
- 18 Но хотя бы засвидетельствуй (это) ради Салюты⁷⁴.

Язык стихотворения Авидия Квинтиана сочетает поэтические обороты и элементы разговорной речи⁷⁵. Текст этого центуриона уступает по насыщенности и разнообразию средств художественной выразительности произведениям Мариа Гемелла. Тем не менее Авидию Квинтиану удалось соблюсти правила метрического стихосложения. Кроме того, он умело применяет аллитерацию (*digna divom* (5), *nomen et numen* (6), *flammas fervidas* (12), *aestuantis animae* (15) и прибегает к архаическим и поэтическим формам слов (*divom* (5), *cuncti* (2, 9), *sient* (8) и *lymphas* (10))⁷⁶. Языковые навыки этого центуриона позволяют предположить, что он получил образование у грамматика⁷⁷.

⁷⁴ Перевод А.В. Махлаюка.

⁷⁵ Adams J. N. The Poets of Bu Njem: Language, Culture and the Centurionate... P. 124.

⁷⁶ Ibid.

⁷⁷ Rebuffat R. Le Poeme de Q. Avidius Quintianus a la deesse Salus // Karthago. 1987. № 21. P. 102.

Признавая определенные литературные достоинства произведения Авидия Квинтиана, стоит отметить, что цель автора, по-видимому, заключалась не только в демонстрации своих поэтических способностей, как это было в случае с Марием Гемеллом. Авидий Квинтиан обращается к поэтической форме для прославления собственного образа как заботливого командира, который для благополучия своих подчиненных строит термы и приносит обеты богам. Соответственно, проявление эвергетизма в виде постройки бани и исполнение религиозных церемоний являются достаточно значимыми для центуриона деяниями, которые он стремился увековечить стихами на камне.

В поэтической форме гордость успехами в строительной деятельности выражает также Марк Порций Ясуктан, последователь Авидия Квинтиана, служивший центурионом в Голае в начале 20-х гг. III в. н. э. От его имени составлена гекзаметрическая поэма, посвященная ремонту лагерных ворот (АЕ 1995, 1641; № 2.19). В отличие от Авидия Квинтиана, этому центуриону не удалось придать своему тексту правильную метрическую форму. Большая часть его строк не укладывается в гекзаметр⁷⁸. Данное обстоятельство, а также искаженные идиоматические выражения и ограниченный словарный запас Ясуктана позволяют предположить, что латинский язык не был родным для автора⁷⁹. Сам когномен «Ясуктан» указывает на африканское (ливийское или пунийское) происхождение этого центуриона. Однако языковые способности Ясуктана позволили не только создать текст, соответствующий орфографическим нормам с незначительными отклонениями в морфологии, но и передать крайне примечательные идеи, отражающие авторское восприятие воинских ценностей и традиций⁸⁰. В стихотворении Ясуктана весьма обыденные работы по восстановлению лагерных ворот предстают важным событием, позволяющим воинам проявить доблесть и показать свою верность императору. Автор подчеркивает, что этой задачей пренебрегали все их предшественники и что только

⁷⁸ Adams J. N. The Poets of Bu Njem: Language, Culture and the Centurionate... P. 113.

⁷⁹ Ibid. P. 116.

⁸⁰ См. подробнее: Махлаюк А. В. Стихотворная надпись центуриона М. Порция Ясуктана и римская *virtus* как категория воинской этики // Из истории античного общества: межвузовский сборник научных трудов. Н. Новгород, 2009. С. 213–238.

«благодаря несокрушимой доблести» воинов III Августова легиона было создано «творение на века»⁸¹. Само поручение этой работы, по словам автора, воспринималось воинами как честь, оказанная их преданности. Невыполнение такого поручения «уязвляло позором» «бесстрашные души» командиров, которых автор с присущим ему солдатским юмором называет «диктаторами». «Неувядаемая доблесть воинов» воплотилась в результате их труда, то есть в обновленных воротах, которые автор, вспоминая строчки из «Энеиды» Вергилия, сравнивает с «самоцветом в золотой оправе»⁸². Многословность и высокопарность произведения Ясуктана не стоит воспринимать как проявление иронии. Весьма вероятно, что автор сознательно стремился к оригинальности выражений, поскольку считал подбор необычных слов основной задачей поэтов⁸³. Соответственно, героизация воинского труда в произведении Ясуктана может свидетельствовать о действительном восприятии строительных работ военнослужащими как значимых деяний, совершая которые необходимо проявлять доблесть.

Впечатления Ясуктана от ремонтных работ в лагере раскрывают в категории римской доблести (*virtus*) трудовой аспект. Подобное восприятие главной воинской ценности не противоречит традиционным римским представлениям об этой категории⁸⁴. Возможность объединения в одном понятии трудовой и воинской доблести связана с особенностями устройства римской гражданской общины (*civitas*)⁸⁵. Идеальный римский гражданин должен быть земельным собственником, принимать участие в общественной жизни и при необходимости отправляться в военные походы. В мирное время такой гражданин доблестно трудится на своем поле и исполняет городские магистратуры, но при возникновении угрозы государству (*civitas*) он готов сменить плуг на меч и проявлять доблесть уже в сражениях⁸⁶. В соответствии с данной моделью в публичном заявлении римских центурионов об их

⁸¹ Цитаты из поэмы М. Порция Ясуктана даны в переводе А.В. Махлаюка.

⁸² Rebuffat R. Le Centurion M. Porcius Iasuchan (Notes et documents XI) // *Libya Antiqua*. 1995. Т 1. Р. 94.

⁸³ Adams J. N. The Poets of Bu Njem: Language, Culture and the Centurionate... Р. 123.

⁸⁴ Махлаюк А. В. Стихотворная надпись центуриона М. Порция Ясуктана... С. 227.

⁸⁵ Там же. С. 233.

⁸⁶ Там же.

военных, гражданских и культурных достижениях можно обнаружить следование полисно-республиканским традициям. В то же время именно эти достижения в разных сферах деятельности, по-видимому, определяли социальный статус римских центурионов, которые постепенно из «стержня легионов» превращались в опору римского общества.

§2.3. Межличностные отношения римских центурионов: патронат, клиента, дружба

Место каждого римлянина в обществе определялось не только его должностным рангом или общественными достижениями, но и принадлежностью к семье и вовлеченностью в сеть личных отношений с друзьями, коллегами, клиентами и покровителями. Центурионы не были исключением. Семейным отношениям этих офицеров посвящена следующая глава. Здесь же будут рассмотрены их социальные связи, выходящие за рамки семейного круга, но также формирующие их социальный статус.

Межличностные отношения в римском обществе часто определяются исследователями понятием *amicitia* (дружба), которое охватывает как собственно дружеские связи, так и взаимодействие между патронами и клиентами⁸⁷. Оба этих типа социальных связей описываются через понятия *beneficium*, *officium*, *meritum*, которые в историографии признаются синонимичными и могут быть переведены как «благодетение»⁸⁸. Также применяется понятие *gratia*, обозначающее чувство благодарности и готовности совершить благодетение в ответ⁸⁹. Соответственно, в основе римских социальных отношений лежит обмен благодетениями⁹⁰.

При обмене сопоставимыми благодетениями друзья признаются равными по социальному положению. Именно дружба между равными была римским

⁸⁷ Saller R. P. *Personal Patronage under the early Empire*. Cambridge, 2002. P. 15.

⁸⁸ Ibid. P. 21.

⁸⁹ Ibid.

⁹⁰ Garnsey P., Saller, R. *The Roman Empire: Economy, Society and Culture*. 2nd ed. Oakland, California: University of California Press, 2015. P. 174.

идеалом⁹¹. Однако на практике достичь равенства в дружбе было не всегда возможно, поэтому в историографии предполагается, что круг друзей многих римлян состоял из «старших друзей», «равных друзей» и «младших друзей»⁹². Определение границы между «младшими друзьями» и клиентами затрудняется из-за наименования клиентов в нарративных и эпистолярных источниках термином *amici*⁹³. Тем не менее одним из признаков, указывающих на существование отношений патрона-клиентелы, можно считать происхождение их участников из разных сословий (*ordo*).

Такой инструментальный подход к римской дружбе, безусловно, не охватывает всех аспектов этого типа межличностных отношений. Взаимодействие между друзьями не ограничивалось обменом благодеяниями, и наравне с готовностью оказать помощь, от друзей ожидалась и верность, и надежность, объединяемые понятием *fides*, а также любовь и сердечная привязанность (*amor*; Cic. *Amic.* 26). Кроме того, друзья должны были разделять общие интересы и ценности (Plin. *Epist.* IV. 15; V. 14; Sen. *De Prov.* I. 5; *Epist. ad Luc.* VI. 3). Все эти эмоциональные аспекты, несомненно, присутствовали и в дружеских отношениях центурионов. Так, центурион-фрументарий Луций Антоний Африкан в эпитафии для своего друга триерарха Гая Умидия Сатурнина признается, что «любил его как брата» (*vice fratris dilexi*)⁹⁴ (Denkm 753⁹⁵). Другой центурион, Юлий Валент, сохраняет память о своем земляке Аврелии Муциане как «о самом лучшем и достойном друге» (*amico et municipi optimo bene merenti*) (CIL VI, 3216). Тем не менее подобные примеры выражения дружеских чувств центурионами в целом немногочисленны в источниках. Среди

⁹¹ О римской дружбе см.: Verboven, K. *Friendship among the Romans* // *The Oxford Handbook of Social Relations in the Roman World* / Ed. Peachin. Oxford: Oxford University Press, 2011. P. 404–421; Burton P. J. *Amicitia in Plautus: a Study of Roman Friendship Processes* // *American Journal of Philology*. 2004. Vol. 125. P. 209–243; Konstan D. *Friendship in the Classical World*. Cambridge, 1997.

⁹² Garnsey P., Saller, R. *The Roman Empire: Economy, Society and Culture...* P. 174.

⁹³ Saller R. P. *Personal Patronage under the early Empire...* P. 11.

⁹⁴ Ср.: А человек, не являющийся братом, если его любят с братской привязанностью, должным образом устанавливается наследником по имени, будучи указан как «брат» (Dig. 28. 5. 59. 1).

⁹⁵ Speidel M.P. *Die Denkmäler der Kaiserreiter. Equites singulares Augusti*. Köln, 1994. №753.

других свидетельств, сохранивших эмоциональную составляющую дружеских отношений центурионов, стоит привести эпигramму Марциала (Martial. Epigr. I. 93):

С верным Фабрицием здесь Аквин покойся вместе;
Радостно первым достиг он Елисейских жилищ.
Общий алтарь говорит о начальниках первого пилы,
Но еще лучше о них краткая надпись гласит:
«Связаны оба святым союзом жизни похвальной,
Оба (что редко найдешь) верные были друзья»⁹⁶.

Так, в размышлениях лирического героя у надгробия двух примипилов прославляется их дружба, скрепленная совместной службой и общими жизненными ценностями.

В приведенных примерах эмоциональной составляющей дружеских отношений центурионов проявляется и одна из отмеченных выше инструментальных характеристик римской дружбы. Речь идет о практике создания дружеских союзов преимущественно с товарищами близкими по рангу, то есть с равными по положению. В военном сообществе такая практика представляется особенно целесообразной в связи с обязанностями центурионов поддерживать дисциплину среди рядовых солдат и применять к ним при необходимости телесные наказания. Соответственно, служебная субординация препятствовала установлению дружеских отношений между центурионами и их подчиненными.

Тем не менее в силу существования внутренней иерархии среди центурионов, а также вследствие их разнородного социального происхождения круг возможных друзей этих офицеров оказывается достаточно широким. Так, центурион вспомогательной когорты, выдвинувшийся из рядовых легионеров, мог поддерживать дружеские отношения с бывшими сослуживцами (AE 1988, 1004). Легионные центурионы преимущественно дружили между собой или с близкими к ним по рангу декурионами вспомогательных частей (CIL XIII, 8503). Среди друзей примипилов, в том числе, мог оказаться и префект претория (CIL III, 5328). Показательной в этом отношении является надпись, начертанная тремя друзьями-военнослужащими на Колоссе Мемнона: «Авл Инстудей Тенакс, примипилар XII Молниеносного

⁹⁶ Пер. Ф. А. Петровского.

легиона, и Гай Валерий Приск, центурион XXII легиона, и Луций Квинтий Виатор, декурион, мы слышали Мемнона в 11 год [правления] императора нашего Нерона, за 17 дней до Апрельских Календ» (CIL III, 30; № 2.20). Хотя во время своего путешествия в Египет три товарища занимали различные позиции в военной иерархии и получали разное денежное довольствие, их схожие служебные обязанности и общий карьерный путь способствовали относительному равенству в их дружбе. Кроме того, есть основания предполагать, что их дружба началась задолго до этой поездки, когда все трое еще принадлежали к одному служебному рангу. По крайней мере, из другой надписи известно, что Авл Инстулей Тенакс за несколько лет до путешествия в Египет служил центурионом в X Охраняющем пролив легионе и был награжден почетной статуей гражданами Ашкелона (AE 1923, 83)⁹⁷. Так, карьерные успехи друзей могли периодически нарушать идеал равенства в дружбе, создавая условное разделение на «младших» и «старших» товарищей. Безусловно, подобное разделение никогда не было строгим. Также нет оснований предполагать, что оно оказывало значительное влияние на реальные отношения, которые в большей степени зависели от эмоциональной связи между людьми, а не от их служебного положения.

В то же время стремление к равенству в дружбе могло вызывать чувство соперничества и конкуренции между друзьями. Состязательность в целом можно назвать характерной чертой дружбы между военнослужащими, чья система ценностей была основана на агональном духе⁹⁸. Проявления этого духа можно найти в стремлении отличиться доблестью (*virtus*) перед военачальниками и сослуживцами, чтобы завоевать славу (*gloria*)⁹⁹. Агональный дух в римской армии стимулировался и поддерживался разработанной системой наград и повышений, которые приносили не только почет, но и значимые материальные преимущества¹⁰⁰. Яркий

⁹⁷ Eck W. Honorary Statues as a Means of Public Communication in Iudaea / Syria Palaestina // Scripta Classica Israelica. 2015. Vol. XXXIV. P. 24.

⁹⁸ Махлаюк А. В. Солдаты Римской империи. Традиции военной службы и воинская ментальность... С. 318.

⁹⁹ Там же.

¹⁰⁰ Махлаюк, А. В., Негин А. Е. Повседневная жизнь римской армии в эпоху Империи... С. 114.

пример соперничества между центурионами приводит Цезарь при описании осады нервиями римского зимнего лагеря, в котором был расквартирован легион под командованием Квинта Цицерона. В этом легионе служили центурионы Тит Пуллон и Луций Ворен, между которыми шел постоянный спор (*controversia*) о том, кто из них в большей степени заслуживает предпочтения и перевода в первую когорту. Во время сражения с нервиями они устраивают соревнование в доблести¹⁰¹. Увлеченные ходом битвы, оба центуриона попадают в трудные ситуации и остаются в живых только благодаря взаимной помощи, которую они оказывали друг другу. Завершая рассказ об их поединке, Цезарь провозглашает равенство в их достижениях: «Так судьба в их соперничестве и состязании распорядилась, что каждый, будучи врагом другому, в то же время служил ему спасением и помощью, и нельзя было решить, кто из двоих должен быть признан превосходящим другого в доблести» (Caes. B. Gall. V. 44). Хотя в этом заключении Цезарь использует понятие *inimicus* (недруг) для обозначения отношений между Титом Пуллоном и Луцием Вореном, их взаимная поддержка в ходе поединка скорее свидетельствует о том, что их постоянное соперничество было специфической формой воинской дружбы¹⁰².

Итак, идеал равенства в дружеских отношениях центурионов удивительным образом сочетался с постоянным стремлением превзойти своего товарища как в личной доблести и славе, так и в официальном получении наград и карьерном росте. Осуществление такого стремления должно было требовать непрерывных усилий и напряженной работы. Этот фактор регулярного труда и многочисленных обязанностей центурионов подводит к вопросу о наличии у этих офицеров в целом возможностей для создания неформальных дружеских связей. Источники позволяют ответить на этот вопрос только для периода после 159 г. н. э., когда в римской армии засвидетельствовано (CIL X, 3344 = ILS 5902) появление первых социальных организаций в виде коллегий (*collegia*).

¹⁰¹ Об этом соревновании см.: Brown R. "Virtus consili experts": An Interpretation of the Centurions' Contest in Caesar, *De bello Gallico* 5, 44 // *Hermes*. 2004. Bd. 132. Hft. 3. P. 292–308.

¹⁰² *Ibid.* P. 293.

Военные коллегии представляли собой объединения младших офицеров (центурионов и принципалов) и легионных специалистов (иммунов), созданные с целью защиты профессиональных и личных интересов своих членов¹⁰³. Эти объединения, в отличие от распространенных в гражданской среде погребальных и профессиональных сообществ, не ограничивали свои функции только организацией похорон для умерших участников коллегий¹⁰⁴. В их уставах (*lex collegii*) могли быть предусмотрены материальные выплаты (*anularium*¹⁰⁵) при повышении по службе, при выходе в отставку или даже для организации поездки в столицу¹⁰⁶. Соответственно, и членские взносы (*scamnarium*¹⁰⁷) в военных коллегиях были достаточно высокими. Так, из устава коллегии корниценов известно, что их *scamnarium* составлял 750 денариев (CIL VIII, 2557 = ILS 2354), а на строительной надписи коллегии корникулариев упоминается сумма в 1000 денариев (AE 1898, 108 = ILS 9100). Сведений о сумме взноса в коллегиях центурионов не сохранилось. Но, по-видимому, размер вступительного взноса в этих коллегиях был выше, чем у корникулариев. Об этом свидетельствует весьма значительная сумма, выплачиваемая при получении участником объединения повышения по службе. Так, если средняя сумма выплат по этому поводу в других коллегиях составляла 500 денариев с добавлением при необходимости еще 200 денариев на дорожные расходы¹⁰⁸, то в коллегии опционов и центурионов можно было получить 2000 денариев (CIL VIII, 2554 = ILS 2445).

Итак, после уплаты вступительного взноса, предоставляющего право на участие в заседаниях коллегии, центурионы и другие офицеры могли рассчитывать на получение материальной поддержки от их профессионального объединения.

¹⁰³ Ginsburg M. Roman Military Clubs and Their Social Functions // Transactions and Proceedings of the American Philological Association. 1940. Vol. 71. P. 156.

¹⁰⁴ Рядовым воинам запрещалось объединяться в коллегии (Dig. 47. 22. 1). Официальное признание этих организаций произошло только в правление Септимия Севера.

¹⁰⁵ От слова *anulus* («колечко, перстень»).

¹⁰⁶ Ginsburg M. Roman Military Clubs and Their Social Functions... P. 155.

¹⁰⁷ От слова *scamnum* («скамья»), что подразумевает право каждого члена участвовать в собраниях коллегии.

¹⁰⁸ Perea Yébenes S. Collegia Militaria: Asociaciones Militares en el Imperio Romano. Madrid, 1999. P. 87.

Однако функции военных коллегий не ограничивались только обеспечением материальной защиты. Их участники также получали возможность регулярного социального взаимодействия с близкими к ним по положению коллегами. Такое взаимодействие происходило в ходе совместных пиров и обедов, устраивавшихся по поводу государственных или религиозных праздников, а также в память об ушедших членах коллегии. В надписях в большей степени сохранились сведения о таких поводах, чем о самих обедах. Так, опционы Гай Сильвиний и Гай Луций, бывшие членами коллегии центурионов несмотря на свой ранг, устроили совместное жертвоприношение гению легиона и школе центурионов в честь императора (RIU II, 390). Коллегия центурионов из Сирмия организовала на свои средства похороны и поставила памятник двум центурионам, Грацию Артиллию и Клавдию Кламозию, погибшим в сражении при Сердике (ILJug I, 272 = Mirkovic-1971, 36). Социальное значение мероприятий коллегий весьма точно определил МакМаллен: «В коллегии человек мог найти свой круг общения, занять достойное положение в его организации и, благодаря поддержке новых соратников, обрести уверенность в том, что его жизнь и смерть не останутся без внимания»¹⁰⁹.

Совместные мероприятия членов коллегии проводились в специальных помещениях, схолах (*scholae*¹¹⁰), которые возводились на средства участников объединения. Приведем для примера строительную надпись, созданную опционами при сооружении школы для объединенной коллегии опционов, корникулариев и центурионов: «За благополучие Августов опционы свою школу со статуями и изображениями [представителей] божественного дома, а также с [изображениями] их богов-покровителей, благодаря весьма щедрому жалованью и пожертвованиям, которые им были предоставлены, соорудили под руководством квестора Луция Эгнатия Мирона» (CIL VIII, 2554 = ILS 2445; № 2.21). Внутреннее устройство этой школы показывает, что деятельность коллегий включала и совместное отправление императорского культа. Об этом же свидетельствуют и посвятельные надписи,

¹⁰⁹ MacMullen R. *Enemies of the Roman Order*. London, 1966. P. 174. О социальном значении коллегий см. также: idem. *Roman Social Relations, 50 B.C. to A.D. 284*. New Haven, 1974. P. 57–88; Alföldy G. *The Social History of Rome*. London, 1985. P. 134–135.

¹¹⁰ От слова *scholē*, что означает по-гречески «досуг, свободное время».

созданные коллегиями в честь императорского дома¹¹¹. Соответственно, можно предположить, что коллегии были не только местом социального взаимодействия, но и институтом, способствующим укреплению политической лояльности центурионов и других офицеров¹¹².

В приведенных выше надписях центурионы и опционы (т. е. помощники центурионов) часто упоминаются как члены одной коллегии. Из дакийской надписи конца II в. н. э. известно, что центурионы входили в коллегию спекуляторов (CIL III, 7741). Римская строительная надпись того же периода сообщает, что центурион совместно с вексилярием отремонтировали схолу (CIL VI, 215). По-видимому, коллегии предоставляли центурионам весьма неплохие возможности для установления неформальных дружеских связей с достаточно широким кругом представителей офицеров и специалистов римской армии.

Другим институтом, позволявшим центурионам создавать социальные связи, были религиозные объединения¹¹³. Хотя степень участия центурионов в данной форме социальной организации сложно определить на основе сохранившихся источников, их частые посвящения таким божествам, как Юпитер Долихен и Митра¹¹⁴, позволяют предположить, что некоторые центурионы могли посещать собрания приверженцев этих культов¹¹⁵. Также из эпиграфики известен один центурион, похороненный религиозной коллегией, посвященной обожеествленным абстракциям Чести и Доблести (Honos et Virtus) (AE 1985, 412).

Подобные религиозные объединения отличались от профессиональных коллегий более разнообразным социальным составом. Например, среди почитателей Митры были как представители сенаторского и всаднического сословий, так и вольноотпущенники¹¹⁶. Такой широкий социальный состав позволял центурионам не

¹¹¹ См., например: ILS 9100; CIL VIII 2554 = ILS 2445.

¹¹² Махлаюк А. В., Негин А. Е. Повседневная жизнь римской армии в эпоху Империи... С. 427.

¹¹³ Pegler A. Social Organisations within the Roman Army // TRAC 99: Proceedings of the Ninth Annual Theoretical Roman Archaeology Conference, Durham 1999 / Ed. G. Fincham, G. Harrison, R. Rodgers Holland, and L. Revell. Oxford, 2000. P. 41–42.

¹¹⁴ См., например: CIL XIII, 8640; 7343; 7345a; 6646; 4416; 4418; AE 2003, 949; AE 1929, 52.

¹¹⁵ Beck R. The Mysteries of Mithras // Voluntary Associations in the Graeco-Roman World / Ed. J.S. Kloppenborg, S. G. Wilson. London; New York, 1996. P. 178.

¹¹⁶ Ibid.

только формировать дружеские связи, но и выстраивать собственную сеть отношений патроната-клиенты.

Среди покровителей центурионов в источниках упоминаются представители сенаторского и всаднического сословий. Самым известным патроном этих офицеров можно считать Плиния Младшего. Так, будучи наместником Вифинии, он обращался к Траяну с просьбой рассмотреть прошение центуриона Акции Аквилы о даровании его дочери римского гражданства (Plin. Epist. X. 106). В другом письме Плиний рекомендовал императору содействовать развитию карьеры сына своего старого военного товарища примипилара Нимфидия Лупа (Plin. Epist. X. 87). Также Плиний мог оказать помощь в получении назначения на должность центуриона, что подтверждается историей про его земляка Метилия Криспа. Плиний не только поспособствовал назначению молодого человека, но и предоставил ему 40 000 сестерциев на снаряжение (Plin. Epist. VI. 25. 2).

Подобные благодеяния, по-видимому, оказывали центурионам и другие наместники провинций. Например, Тиберий Юлий Поллиен Ауспик, легат Августа в ранге пропретора в провинции Нумидия, получил от центуриона III Августова легиона Гая Публия Септимина почетную статую, вероятно, в благодарность за полученное назначение (AE 1917/18, 50)¹¹⁷. В другом случае почетную статую от центуриона получил не только сам наместник, но и члены его семьи (CIL VIII, 17900 = ILS 1436; CIL VIII, 17899; AE 1901, 195)¹¹⁸. Однако ни на одной из этих надписей не сообщаются основания для такой почтительности. Примечательно, что необходимость выразить благодарность патрону могла быть указана в завещании как обязанность наследника. Так, Авл Помпей Сацердос, сын и наследник примипила, Авла Помпея Александра, по завещательному распоряжению отца поставил статую Луцию Марию Максиму Перпетую Аврелиану, славнейшему мужу и президу Нижней Германии, под началом которого служил Помпей Александр (CIL VI, 1451). Можно предположить, что вместе с такой обязанностью Помпей Сацердос, как и

¹¹⁷ В надписи центурион прямо называется *candidatus eius*. См. подробнее: Saller R. P. *Personal Patronage under the early Empire*... P. 158.

¹¹⁸ Pflaum H.G. *Les Procurateurs Equestres sous le Haut-Empire Romain*... P. 276.

другие наследники в подобных случаях, получил и само покровительство патрона своего отца.

Покровители у центурионов могли быть и в самом Риме. Например, прими-пил Тиберий Клавдий Фирмий получил свой пост благодаря содействию префекта претория, Марка Гавия Максима, под руководством которого он прежде служил корникуларием (CIL IX, 5358 = ILS 1325). В редких случаях покровителем выступает и сам император. Так, патронатные отношения, вероятно, были установлены между императорским домом Флавиев и центурионом Гаем Папирием Эквом, который потратил 10 фунтов золота на возведение позолоченных статуй или бюстов Веспасиана и двух его сыновей (CIL VI, 932 = ILS 246)¹¹⁹. Этот центурион, предположительно, был братом центуриона Папирия, направленного сторонниками Веспасиана с деликатным поручением к Луцию Пизону, проконсулу Африки, в 68 г. н. э. и убитого в ходе его выполнения из-за подозрений Пизона в его неблагонадежности (Тас. Hist. IV. 49). Назначение Папирия для исполнения опасного и ответственного поручения также указывает на существование патронатных отношений между семьями Флавиев и Папириев¹²⁰.

Возможность установления патронатных отношений между центурионами и представителями имперской аристократии вплоть до членов семьи принцепса подводит к вопросу о происхождении подобных связей. Выше было отмечено, что патронатные связи могли быть унаследованы от отца или могли возникать в ходе взаимодействия с представителями привилегированных сословий в рамках совместного участия в религиозном объединении. Значительные возможности для создания сети отношений патроната-клиентелы предоставляла и сама военная служба. Так, среди центурионов, выразивших благодарность почетными статуями легатам или прокураторам провинций, покровительствовавших им, нередко встречаются телохранители (*strator*) этих наместников. Эта должность упоминается в том числе на почетной надписи, созданной центурионом Рефрием Максимом для Марка Валерия Максимиана, легата Августа в ранге пропретора провинции Нумидия, консула и

¹¹⁹ Højte J. M. Roman Imperial Statue Bases from Augustus to Commodus. Aarhus, 2005. P. 50.

¹²⁰ Summerly J. R. Studies in the Legionary Centurionate... P. 27.

«редчайшего презида» (*praeses rarissimus*) (CIL VIII, 2749)¹²¹. Соответственно, поступая на службу в канцелярию (*officium*) наместника провинции, центурион не только приобретал дополнительные обязанности, но и получал возможность проявить себя перед представителем римской аристократии и заслужить его покровительство.

Безусловно, в некоторых случаях само назначение центуриона в канцелярию наместника уже было следствием существовавших патронатных отношений между римским аристократом и офицером. Для примера достаточно вспомнить вышеупомянутого примипилара Нимфидия Лупа, которого Плиний Младший пригласил в Вифинию для оказания помощи в руководстве провинцией, о чем он сообщает в одном из писем к Траяну: «Так, я наложил руку на его [Нимфидия Лупа] покой и потребовал, чтобы он наставлял меня своим советом в Вифинии. Как лучший друг, он предпочел дела отдыха и старости, он это делал и будет делать» (Plin. Epist. X. 87). Дружеское расположение Плиния к Нимфидию Лупу не должно принижать служебных заслуг, богатого опыта и уникальных знаний этого примипилара, которые могли сделать его действительно ценным сотрудником канцелярии. Также, вероятно, именно заслуги и опыт позволяли другим центурионам, не имевшим влиятельных патронов, получать должности в канцелярии наместника. По крайней мере, наместник Британии Юлий Агрикола, по свидетельству Тацита, назначал центурионов на административные должности исключительно на основании их заслуг: «...ни по личным пристрастиям, ни по рекомендации или просьбам он [Юлий Агрикола] допускал центуриона или рядовых воинов к общественным делам, но каждого лучшего считал самым надежным» (Tac. Agr. 19. 2).

Помимо опыта совместной работы в канцелярии немаловажную роль при установлении отношений патроната-клиентелы между римскими аристократами и армейскими офицерами играли узы землячества. В римской армии неформальные земляческие объединения были столь же распространены, как и упомянутые выше

¹²¹ См. другие примеры: CIL XIII, 8150; AE 1985, 829; AE 2000, 1505.

профессиональные коллегии и религиозные сообщества¹²². Причем зачастую земляческие группы были одновременно и религиозным объединением, поскольку их участники совместно почитали то или иное божество¹²³. Узы землячества имели важное значение и для центурионов. Так, центурион Юлий Кресцент позаботился о достойном погребении своего коллеги, Луция Октавия Виктория, «по причине общего гражданства и дружбы» (*municipatus et amicitiae causa*) (CIL III, 268). Общее происхождение, с другой стороны, ценилось и представителями римской аристократии, для которой узы землячества могли стать весомой причиной для оказания покровительства. Об этом в том числе сообщает Плиний Младший в письме к Ромулю Фирму, перечисляя основания для помощи этому молодому человеку: «Ты мой земляк, мы вместе учились и дружим с ранних лет. Твой отец был близким другом моей матери и моего дяди, и моим, насколько разница возраста это допускала. У меня веские причины хлопотать о достойном тебя звании» (Plin. Epist. I. 19)¹²⁴. Подобные мотивы были, вероятно, и у прокуратора Гая Анния Флавиана при совершении благодеяния для центуриона Гая Вибия Марина, его друга и согражданина, поставившего в благодарность ему и членам его семьи почетные статуи (AE 1969/70, 704; AE 1980, 959; AE 1901, 195)¹²⁵. Другой пример патронатных отношений между земляками известен из почетной надписи центуриона Публия Блезия Феликса, созданной для Секста Корнелия Декстра, прокуратора Азии, бывшего его земляком и собственником (CIL VIII, 8934 = ILS 1400)¹²⁶.

Надпись Публия Блезия Феликса также указывает на возможность установления патронатных отношений через формирование родственных уз посредством заключения брака. Безусловно, такой способ создания патронатных связей предполагал заключение неравного брака, что не было распространенной практикой среди центурионов, которые предпочитали брать в жены представительниц равного

¹²² См. об этом: Speidel, M. A. Maximinus and the Thracians. Herodian on the coup of 235, and ethnic networks in the Roman army of the Third Century CE // *Mobility in Research on the Black Sea Region* / Ed. V. by Cojocaru, A. Rubel. Cluj-Napoca, 2016. P. 339–365.

¹²³ Махлаюк, А. В., Негин А. Е. Повседневная жизнь римской армии в эпоху Империи... С. 111.

¹²⁴ Пер. М. Е. Сергеев.

¹²⁵ Pflaum H.G. Les Procurateurs Equestres sous le Haut-Empire Romain... P. 276.

¹²⁶ Saller R. P. Personal Patronage under the early Empire... P. 203.

социального статуса, о чем подробнее будет сказано в следующей главе. Тем не менее в единичных случаях неравные союзы создавались. Выше была процитирована посвятельная надпись семьи Манлии Пудентиллы, чей титул «светлейшей женщины» (*clarissima femina*) указывает на ее принадлежность к сенаторскому сословию. Ее супругом назван Луций Валерий Максим, центурион легиона и декурион колонии Тимгад (АЕ 2008, 1697). Эта надпись выгравирована на шестиугольном основании, предназначавшемся для бивня слона, который был принесен семьей Манлии Пудентиллы во исполнение ее обета в центральный храм колонии Тимгад, посвященный Гению Отечества¹²⁷. Весьма вероятно, что упоминание брака центуриона и женщины из сенаторского сословия в надписи, размещенной в публичном и сакральном пространстве храма, может свидетельствовать о том, что такой брак не противоречил социальным нормам и ожиданиям римского общества. Также стоит отметить, что дочь Манлии Пудентиллы, Луция Валерия Максимилла, рожденная в браке с центурионом, носила почетный титул «воспитанницы родины» (*alumna patriae*) и, по-видимому, пользовалась не меньшим общественным уважением, чем ее сводный брат по матери, Публий Флавий Пудент, происходивший из первого брака Манлии Пудентиллы с Флавием Пудентом Помпонианом, членом сенаторского сословия и представителем знатной семьи¹²⁸. Соответственно, в данном примере вступление центуриона в ряды римской аристократии посредством неравного брака в большей степени способствовало улучшению социального положения его дочери, чем его собственному благосостоянию.

Более наглядным примером воздействия родственных связей, установленных посредством брака, на формирование патронатных отношений служит семья центуриона Публия Элия Менекратиана Зиты из Ламбезиса¹²⁹. Этот центурион выдал замуж свою дочь, Элию Менекратиллу, за Публия Мевия Сатурнина Гоноратиана,

¹²⁷ Witschel C. The Public Presence of Women in the Cities of Roman North Africa. Two Case Studies: Thamugadi and Cuicul // *Women and the Roman City in the Latin West* / Ed. E. Hemelrijk, G. Woolf. Leiden, 2013. P. 90–91.

¹²⁸ Историю этой семьи см.: Jacques F. *Les Curateurs des Cités dans l'Occident Romain de Trajan à Gallien. Études Prosopographiques*. Paris, 1983. P. 63–65.

¹²⁹ Публикацию надписи см.: Weydert N. E. *Inscriptions des Thermes de Lambese* // *BACTH*. 1912. P. 345–355.

прокуратора Августа и «светлейшего мужа» (*clarissimus vir*), происходившего, вероятно, также из Ламбезиса. Их сын сделал сенаторскую карьеру и служил в качестве трибуна латиклавия в XI Клавдиевом легионе. Братья Элии Менекратиллы пользовались преимуществами наличия в качестве зятя представителя имперской аристократии и благодаря его покровительству достигли высоких должностей в рамках всаднической карьеры (CIL VIII, 2741)¹³⁰.

В завершение рассмотрения родственных связей центурионов в контексте более широкой сети отношений патроната-клиентелы стоит обратиться к почетной надписи центуриона Эмилия Пудента, награжденного конной статуей гражданской общиной Тены¹³¹: «Эмилию Пуденту, сыну Квинта, из трибы Папирия, центуриону III Августова легиона, также II Августова легиона, также вторично III Августова легиона, также XI Клавдиева легиона, избранному в свиту императора Коммода Августа Благочестивого Счастливого, дуумвиру-квинквенналу колонии Тена, брату Квинта Эмилия Лета, префекта претория, за исключительную честность и готовность к благодеяниям для каждого в отдельности и для всех граждан вместе совет Тены решил поставить конную статую на общественные средства» (AE 1949, 38; № 2.22). В данной надписи примечательно указание на родство центуриона с префектом претория. Весьма вероятно, что назначение Эмилия Пудента в придворный штат Коммода, как и его избрание на муниципальные должности, было следствием этого родства. Также, безусловно, именно родственные связи с префектом претория послужили главной причиной для его награждения статуей¹³². Так, покровительство брата способствовало развитию карьеры и повышению социального статуса этого центуриона. Однако благодаря высокому положению брата Эмилий Пудент не только обрел влиятельного покровителя, но и сам получил возможность стать патроном для гражданской общины Тены. Жители этого города, вероятно, стремились через посредничество центуриона установить связи с императором, чтобы обеспечить себе определенные льготы и привилегии¹³³.

¹³⁰ Saller R. P. *Personal Patronage under the early Empire*... P. 201.

¹³¹ Карфагенский и римский город на территории современного Туниса.

¹³² Manklow C. H. *Standing by the Standards*... P. 9–12.

¹³³ Ibid.

Таким образом, пример Эмилия Пудента показывает, что разобранные выше способы формирования патронатных связей в ходе участия в деятельности профессиональных, религиозных и земляческих объединений, службы в канцелярии наместника провинции, а также посредством родства и свойства позволяли центурионам не только обеспечивать себе покровительство римской аристократии, но и приобретать самим определенный круг клиентов.

Установлению социального состава клиентов центурионов препятствуют весьма ограниченные сведения источников, в которых центурионы преимущественно упоминаются как покровители целых городских общин, а не отдельных людей. В качестве примера стоит привести деятельность примипилара Луция Руфеллия Севера, который в середине I в. н. э. построил баню в городе Фан Фортуны (CIL XI, 6225), а также обеспечивал связь этого города с императором, занимая должность префекта-квинквеннала. За свои заслуги этот примипилар получил от города почетную статую. По-видимому, память о его благодеяниях сохранялась в городе и после его смерти, поскольку эта статуя, разрушившись со временем, была восстановлена вновь на общественные средства (CIL XI, 6224). Примечательно, что подобные благодеяния центурионы могли оказывать не только общинам римских граждан, но и провинциальным городам. Так, центурион Юлий Герман из III Галльского легиона в конце II в. н. э. построил храм богини Тюхэ в городе Аэре, расположенном примерно в тридцати милях к югу от Дамаска. За свои заслуги этот офицер получает в надписи высокие почетные титулы «благодетеля и основателя Аэры» (IGRR III, 1128). Покровителем еврейской общины представлен центурион в Евангелии от Луки (NT. Лука. 7:4–5). Речь идет об эпизоде, в котором один центурион обращается к Иисусу Христу через иудейских старейшин с просьбой исцелить его раба, находившегося при смерти. Старейшины, передавая просьбу, отмечают, что этот центурион «любит» (ἀγαλάω) еврейский народ и построил для их общины синагогу. По этой причине он достоин (ἄξιός ἐστιν) того, чтобы Иисус Христос выполнил его просьбу. Так, иудейские старейшины, как благодарные клиенты, принявшие благодеяние, выражают признательность центуриону со стороны еврейской общины, убеждая Иисуса Христа в том, что этот офицер достоин получить от Него

милость¹³⁴. Исторической основой для данного сюжета могли послужить реальные случаи строительства синагог римскими военачальниками, которые покровительствовали еврейским общинам¹³⁵.

Возвращаясь к вопросу о социальном составе клиентов центурионов, стоит отметить, что в надписях, помимо городских общин, упоминаются вольноотпущенники как получатели благодеяний от этих офицеров. Весьма вероятно, что совершенным для них благодеянием было само освобождение из рабского состояния. Тем не менее в некоторых случаях можно предположить покровительство центурионов в развитии муниципальной карьеры вольноотпущенников. Так, Публий Тенаций Виндикс, центурион XXII Первородного легиона и член совета старейшин Никополиса, получает почетную статую от своего вольноотпущенника Публия Тенация Гемеллина, бывшего членом коллегии Августалов (CIL III, 1481). Надпись, созданная Гемеллином, датируется концом II в. н. э., когда коллегия Августалов становится достаточно закрытым сообществом, попасть в которое было возможно только при содействии влиятельного патрона¹³⁶. Соответственно, Публий Тенаций Гемеллин скорее всего стал членом этой коллегии благодаря покровительству своего господина.

В завершение рассмотрения социальных связей центурионов, стоит отметить, что некоторые черты отношений патроната-клиентелы можно обнаружить во взаимодействии этих офицеров с подчиненными им солдатами. Так, солдаты должны были исполнять обряд утреннего приветствия (*salutatio*) в домах центурионов, а также могли зависеть от их благодеяний в форме рекомендательных писем¹³⁷. В благодарность они, подобно центурионам, воздвигавшим статуи для наместников провинций, создавали почетные памятники своим офицерам. Например, центурион вигилов Луций Татиний получил почетную статую от ветеранов, служивших под его началом (AE 1933, 87). Подобные отношения между центурионами и солдатами

¹³⁴ Kyrychenko A. The Roman Army and the Expansion of the Gospel... P. 203.

¹³⁵ Ibid. P. 204.

¹³⁶ Ляст Р. Е. Эпиграфические данные о коллегии Августалов в Остии в I–II в. н. э. // Античный мир и археология. 1974. Вып. 2. С. 56.

¹³⁷ Lendon J. E. Empire of Honour. The Art of Government in the Roman World. Oxford, 1997. P. 247.

только на первый взгляд противоречат идеалам воинской дисциплины. Совершение благодеяния для подчиненного солдата требовало от последнего выражения благодарности, которая, безусловно, заключалась не только в возведении статуи, но и в верной службе своему патрону. Так, обмен благодеяниями в римской армии формировал чувство взаимного долга как среди равных по положению служащих, так и между командующими и подчиненными, что в том числе способствовало поддержанию корпоративного духа и укреплению единства в военном сообществе.

Таким образом, анализ социальных связей центурионов показывает, что эти офицеры занимали срединное положение не только в военной иерархии, но и во всей структуре римского общества. Центурионы, пользуясь поддержкой римской аристократии из числа наместников провинций и оказывая покровительство подчиненным им солдатам, а также целым гражданским общинам, выступали связующим звеном между армией, городами и императором. Способствуя развитию коммуникации между различными институтами римского общества, центурионы не только обеспечивали потребности «государства без бюрократии», но и сами получали возможность интегрироваться в среду управленческой элиты Римской империи.

Усиление социального влияния центурионов в связи с исполнением ими целого ряда дополнительных невоенных функций способствовало изменению общественной репутации этих офицеров. Заметное положение в структуре римской администрации делало их олицетворением имперской власти в глазах провинциального населения. Подобное общественное восприятие центурионов, вероятно, повлияло на их описания в античной литературе, где их образы начинают использоваться в качестве средства выражения авторской оценки действиям императоров или их легатов. Так, доблестные центурионы служат только «хорошим» принцепсам, а дурные офицеры окружают «плохих» правителей. Однако в некоторых произведениях древних авторов образы доблестных центурионов являются просто «общим местом», возникшим благодаря ярким и многочисленным описаниям героических деяний этих офицеров в сочинениях Юлия Цезаря. Важная роль центурионов

в повествованиях древних авторов свидетельствует только об осознании представителями античной интеллектуальной элиты роста общественного влияния этих офицеров. Однако это не означает, что их отношение к данному явлению было положительным. Весьма вероятно, что, по мнению старой римской аристократии, возможность перехода в привилегированное сословие должна была действовать только для наиболее достойных представителей этого ранга. При обращении к источникам, отражающим ценности и приоритеты самих центурионов, обнаруживается, что они демонстрировали свой социальный статус как военными достижениями, так и заслугами в общественной деятельности. Примечательно, что важными компонентами их статуса становятся образованность и успехи в сфере культуры. Прославляя собственную доблесть, проявленную как на полях сражений, так и в мирных трудах, центурионы следовали полисно-республиканскому идеалу римского гражданина, готового служить государству (*civitas*) и плугом, и мечом. Подобный публичный образ подчеркивает значимость центурионов не только в военных делах, но и в управлении государством, и отражает стремление этих офицеров обосновать свое привилегированное положение в обществе. Тем не менее привилегированный статус центурионов определялся не только военными достижениями и общественными заслугами, но и их срединными позициями в социальной иерархии. Будучи клиентами высокопоставленных патронов и одновременно сами покровительствуя населению гражданских общин империи, центурионы выступали посредниками между военными силами, муниципальными властями и самим императором. Такое посредничество предоставляло центурионам хорошие возможности для интеграции в управленческую элиту Римской империи.

ГЛАВА 3. БРАК И СЕМЬЯ В ЖИЗНИ РИМСКИХ ЦЕНТУРИОНОВ

Специфика служебной деятельности центурионов, предполагавшая совмещение военных и административных функций, влияние агонального духа на межличностные отношения офицеров, а также их общая принадлежность к мужскому миру с особой системой ценностей на первый взгляд весьма ограничивали возможности этих военнослужащих для ведения семейной жизни. Тем не менее в предыдущих разделах несколько раз упоминались жены и дети центурионов в контексте их социального статуса и отмечались хорошие перспективы для социальной мобильности у потомков этих офицеров. Данное обстоятельство крайне примечательно в связи с брачным законодательством Октавиана Августа. Если военные реформы принцепса способствовали улучшению материального положения и карьерных перспектив центурионов, то его урегулирование брачно-семейной жизни военнослужащих могло лишить этих офицеров права на законный брак и, соответственно, возможности иметь законнорожденных детей. Изучению вопроса о правовом статусе браков центурионов посвящен 1-й параграф данной главы. На основе эпиграфических данных и юридических источников предполагается рассмотреть социальные и демографические аспекты семей этих офицеров с целью выявления признаков их правового признания или его отсутствия. Во 2-м параграфе предпринимается попытка определить степень влияния специфики военной службы и возможных правовых ограничений на внутренние отношения в семьях центурионов. В результате планируется составить комплексную характеристику семьи центуриона, охватывающую как социальные свойства (правовое положение, имущественный статус), так и особенности внутренних взаимоотношений (ценности и эмоции) семьи офицера.

§3.1. *Ius conubii* римских центурионов

Заключение римского законного брака (*iustum matrimonium*) предполагало наличие правоспособности, согласия обеих сторон и их намерения создать семью¹.

¹ Treggiari S. Roman Marriage: Iusti Coniuges from the Time of Cicero to the Time of Ulpian. Oxford, 1991. P. 37–49.

Правоспособность означала, что у партнеров было право *conubium*, которое зависело от их правового статуса. Этим правом обладали свободнорожденные римские граждане, достигшие брачного возраста (женщины — 12 лет, мужчины — 14 лет). Другим категориям населения (латинянам или перегринам), за исключением рабов, право *conubium* могло быть пожаловано в особом порядке. Основным назначением брака было рождение законных детей (*iusti filii*), которые находились под властью отца (*patria potestas*) и могли наследовать его имущество. В отличие от детей, пережившая мужа женщина в браке *sine manu* имела ограниченные права на его имущество и считалась наследницей последней очереди. Вместо наследства она получала обратно свое приданое. Передача приданого в семью мужа при заключении союза было также признаком законного брака². Других церемоний, помимо передачи приданого, для вступления в брак не требовалось. В этом отношении римский брак допустимо считать институтом, существовавшим *de facto*, или как писал Д. Крук, «римский брак — это вопрос намерения: если вы живете как муж и жена, значит вы и есть муж и жена»³.

Несмотря на формальную простоту заключения браков далеко не каждый союз мужчины и женщины имел законный статус. Некоторые категории римских граждан в результате реформ Августа были лишены права *conubium* и поэтому не могли вступать в законный брак (*iustum matrimonium*)⁴. Наиболее многочисленной категорией населения, попавшей под действие так называемого «брачного запрета», были рядовые солдаты. Точно неизвестно, в рамках какого установления был введен данный запрет, однако его действие сохранялось вплоть до конца II в. н. э. (197 г.), когда его отменил Септимий Север. Среди возможных причин запрета солдатских браков Августом исследователи называют повышение мобильности войска и сокращение расходов на жалованье солдат⁵. С этой точки зрения, отсутствие

² Dig. 23. 3. 3: Наименование «приданое» не относится к тем бракам, которые не могут иметь место. Следовательно, не может быть приданого без брака и везде, где нет брака, нет и приданого.

³ Crook J. A. *Law and Life of Rome*. Ithaca; New York, 1967. P. 101.

⁴ Treggiari S. *Roman Marriage: Iusti Coniuges from the Time of Cicero to the Time of Ulpian...* P. 61–66.

⁵ Watson G. R. *The Roman Soldier*. New York; Ithaca, 1969. P. 134; Keppie L. *The Making of the Roman Army*. London, 1984. P. 148; Campbell J. B. *The Roman Army, 31 BC – AD 337: A Sourcebook*.

женщин и детей облегчало передвижение солдат на марше, а также исключало проблему их размещения и содержания. Также высказывалось предположение, что «брачный запрет» был связан с политикой Августа по улучшению демографической ситуации в Италии. Поскольку в период правления Августа большинство рекрутов происходило с Апеннинского полуострова, было необходимо запретить им заключать браки, чтобы, с одной стороны, предотвратить появление большого количества женщин репродуктивного возраста, покинутых мужьями⁶, а с другой, не допустить перемещения женского населения из Италии в провинции вслед за мужьями⁷. Хотя эта теория выглядит вполне обоснованной, такой мотив политики Августа вряд ли был актуален на протяжении всего действия «брачного запрета». С конца I в. н. э. количество рекрутов итальянского происхождения неуклонно сокращалось, и их брачная жизнь едва ли могла оказывать влияние на демографию Италии.

По-видимому, установление «брачного запрета» не может быть объяснено исключительно рациональными мотивами. В связи с этим в новой и наиболее полной работе о солдатских браках Сары Фанг предлагается обратить внимание на культурный контекст политики Августа⁸. Исследовательница отмечает, что в римской ментальности воинская дисциплина была несовместима с присутствием женщин в военном лагере. Главная воинская добродетель, *virtus*, противопоставлялась стереотипным женским порокам (нехватке самообладания, пристрастию к роскоши, робости и др.), а отношения с женщинами представлялись опасными и приводящими к распространению этих пороков среди воинов. В этом отношении запрет на брак был призван формально отделить солдат от женщин и сохранить тем самым маскулинность римского войска⁹. Вместе с этим «брачный запрет» подчеркивал символическое различие между военной и гражданской жизнью. Если правом и обязанностью

London; New York, 1994. P. 151–152. Подробный обзор историографии по теме см.: Phang S. E. *The Marriage of Roman Soldiers (13 BC – AD 235): Law and Family in the Imperial Army*. Leiden, 2001. P. 345–350.

⁶ Wells C. M. *Celibate Soldier: Augustus and the Army* // *American Journal of Ancient History*. 1998. Vol. 14. 2, P. 188.

⁷ Carrié J.-M. *Il soldato...* P. 109.

⁸ Phang S. E. *The Marriage of Roman Soldiers (13 BC – AD 235)*... P. 344–383.

⁹ *Ibid.* P. 382–383.

обычного гражданина по закону Папия и Поппея были семейная жизнь и воспитание детей, то для воина домашний очаг находился в его лагере¹⁰. Отрицая законность семейных связей римских солдат и исключая их таким образом из гражданской общины, «брачный запрет» тем самым позволял использовать армию для контроля и при необходимости подавления гражданского населения. Так, «брачный запрет» действительно повышал эффективность римской армии, легитимируя ее использование для устрашения не только противников империи, но и подданных римского императора¹¹.

О действии «брачного запрета» для солдат сохранились косвенные свидетельства в нарративных источниках. Например, в «Римской истории» Кассия Диона среди нововведений Клавдия упоминается пожалование военным служащим привилегий женатых людей, «поскольку они не могли иметь законных жен» (Dio Cass. LX. 24. 3). Так, согласно данному пассажи, солдаты не могли вступать в законный брак и получать таким образом привилегии женатых людей, поэтому, чтобы уравнивать их в правах с другими гражданами, эти привилегии были предоставлены им в особом порядке.

Более полное представление о влиянии «брачного запрета» на семейную жизнь солдат стало возможным получить после публикации папирусов из частной коллекции Cattaoui, на которых сохранились выдержки или краткие записи судебных заседаний префектов Египта. Так, префект Люп, рассматривая дело римской гражданки Хротиды по уточнению статуса и наследственных прав ее сына Феодора, рожденного в браке с солдатом Юлием Марциалом, утверждает: «не мог Марциал, состоя на военной службе, законного сына иметь» (οὐκ ἐδύνατο Μαρτιά[λιος] στρατεύόμενος νόμιμον υἱὸν ἔχειν; Chr. Mitt. 372. 4). Также при разбирательстве дела Луции Макрины, требовавшей вернуть ей переданные на хранение ценности из имущества покойного солдата, префект Люп выносит следующее решение: «Мы полагаем, что сданные на хранения ценности являются приданым. По этим причинам я не могу вынести решение. Не позволено солдату вступать в брак. Если ты

¹⁰ Ср. Tac. Hist. III. 84. 2: «Честь воина — в лагере: там его родина, там его пенаты».

¹¹ Phang S. E. The Marriage of Roman Soldiers (13 BC – AD 235)... P. 380–381.

требуешь обратно приданое, то я, выдавший постановление, буду казаться убежденным в том, что брак является законным» (νοοῦμεν ὅτι αἱ παρακαταθήκαι προῖκές εἰσιν. ἐκ τῶν τοιούτων αἰτιῶν κριτὴν οὐ δίδωμι. οὐ γὰρ ἔξεστιν στρατιώτην γαμεῖν. εἰ δὲ προῖκα ἀπαιτεῖς, κριτὴν διδοῦ[ς] δόξω πεπεῖσθαι νόμιμον εἶναι τὸν γάμον; Chr. Mitt. 372. 1).

Таким образом, отсутствие права *conubium* у солдат не означало действительного запрета на сожительство с женщинами или образование семьи, а подразумевало, что такой союз является неформальным и не влечет за собой правовых последствий законного брака¹². По этой причине дети, рожденные в таком браке, не попадали под отцовскую власть и не могли наследовать его имущества по закону¹³. Как видно из дела Луции Макрины, незаконность брака осознавалась некоторыми парами, поэтому передачу приданого солдатские «жены» могли оформить как депозит. Хотя римские женщины фактически имели право распоряжаться собственным имуществом и заключать сделки, римские юристы расценивали депозиты, переданные мужчинам, как приданое. С. Фанг объясняет такие действия римских юристов представлениями о гендерных ролях¹⁴. Для женщины самой почетной была роль матроны или матери семейства. Поэтому наиболее благовидным предложением для передачи женщиной большого имущества мужчине было заключение брака, а само имущество должно было являться приданым¹⁵. Если мотивы определения женских депозитов как приданого могли быть связаны с гендерными установками, то причины отказа возвращения этого приданого женщине в случае развода или смерти супруга до конца не ясны. Возможно, сделка по передаче приданого в качестве депозита считалась незаконной, поскольку противоречила «брачному запрету»¹⁶. Это предположение также подтверждается сведениями из

¹² Phang S. E. *The Marriage of Roman Soldiers (13 BC – AD 235)*... P. 200.

¹³ Ibid. P. 38–39.

¹⁴ Ibid. P. 34–38.

¹⁵ Ср.: «Когда происходит спор, откуда поступило что-либо к женщине, то при отсутствии указания на источник, из которого это поступило, более соответствует истине и пристойности считать, что это поступило к ней от мужа или от того, кто был во власти мужа» (Dig. 24. 1. 51).

¹⁶ Katzoff R. *Judicial Reasoning in P. Catt-Fraus Legi* // *Transactions and Proceedings of the American Philological Association*. 1970. Vol. 101. P. 241–252.

папирусов Cattaoui. Упомянутые в этих документах Юлий Акутиан и Корнелия состояли в официальном браке на момент смерти Акутиана. Первоначально их союз был незаконным из-за военной службы Акутиана, и приданое было передано как депозит, но после почетной отставки супруга пара получила право *conubium*. Тем не менее префект Юлиан отказал Корнелии в возвращении приданого, аргументировав это следующими словами: «Я отказываюсь признавать заем, происходящий из незаконного брака» (τὸ ἀναγνώσθ' ἐν δάνειον ἐκβάλλω ἐκ παρὰ νόμου γάμου γένόμενον; Chr. Mitt. 372. 6). Однако, согласно римскому праву, приданое, предназначенное для незаконного брака, подлежало изъятию в пользу государства (Dig. 23. 2. 61). Папирусные документы свидетельствуют, что приданое оставалось в собственности солдата. Соответственно, ответственность за незаконный союз несла только женщина.

Правовые последствия отсутствия *ius conubium* у солдат для их жен и детей служили одной из главных причин отказа от брачной жизни 85% рядовых воинов в I в. н. э. и 50% во II в. н. э.¹⁷. Увеличение числа солдатских браков во II в. н. э. связывается в историографии с изменениями в практике пополнения легионов, которые стали комплектоваться из жителей тех провинций, где они дислоцировались. В родном регионе солдатам было легче найти себе жену благодаря широкому кругу социальных связей¹⁸. Кроме того, во II в. н. э. изменения произошли и в семейно-брачной политике императоров. Так, солдаты получили право назначать себе наследниками иностранцев и латинских граждан (Inst. II. 110) при Траяне, а незаконнорожденные солдатские дети стали считаться наследниками по закону при Адриане (BGU 140)¹⁹. Такие послабления свидетельствуют о достаточно терпимом отношении римских правителей к фактическим бракам солдат²⁰.

¹⁷ Phang S. E. The Families of Roman Soldiers (First and Second Centuries A. D.): Culture, Law, and Practice // Journal of Family History. 2002. Vol. 27. No. 4. P. 352–373.

¹⁸ Ibid.

¹⁹ В качестве доказательства признания отцовства создавались специальные декларации. Например, сохранился папирус, в котором Эпимах, сын Лонгина, солдат II Фиванской когорты, подтвердил, что 26 декабря 131 г. у него родилась дочь Лонгиния (BGU 1690).

²⁰ Campbell J. B. The Marriage of Soldiers under the Empire // JRS. 1978. Vol. 68. P. 153–166.

Таким образом, на основе комплекса разнообразных источников можно не только сделать вывод об отсутствии *ius conubii* у рядовых солдат, но и определить правовые последствия такого установления для солдатских семей и проследить изменения в семейно-брачной политике императоров. Однако на данный момент отсутствуют прямые свидетельства о том, какие ранги военнослужащих попадали под действие «брачного запрета». Право *conubium* определено было у высших офицеров и командующих из всаднического и сенаторского сословий²¹. Из-за срединного положения центурионов в военной иерархии вопрос о распространенности брачного ограничения на этих офицеров остается дискуссионным²².

В современной историографии можно выделить три подхода к вопросу о правовом статусе семей центурионов. Большинство исследователей признает, что у центурионов было право *conubium*, и их браки были законными²³. В качестве аргументов сторонники этой точки зрения приводят высокий социальный статус самих центурионов и их детей, достигавших порой значимых всаднических и сенаторских позиций²⁴. Кроме того, приверженцы такой позиции обращают внимание на археологические свидетельства, включая отдельные и достаточно просторные жилые помещения для центурионов, в которых нередко находят женские и детские артефакты²⁵. Исследователи также обнаруживают более высокий процент семейных центурионов в сравнении с рядовыми солдатами²⁶ и указывают на совпадения имен отцов и детей в семейных эпитафиях центурионов, что должно свидетельствовать

²¹ Grubbs J. E. *Women and the law in the Roman Empire: a sourcebook on marriage, divorce and widowhood*. London, 2002. P. 157–158; Stoll O. *Legionäre, Frauen, Militärfamilien: Untersuchungen zur Bevölkerungsstruktur und Bevölkerungsentwicklung in den Grenzprovinzen des Imperium Romanum* // *Jahrbuch des Römisch-Germanischen Zentralmuseums*. 2006. Bd. 53. S. 264–268.

²² Manklow C. H. *Standing by the Standards...* P. 34.

²³ *Ibid.* P. 35.

²⁴ Dobson B. *The Centurionate and Social Mobility during the Principate* // *Recherches sur les structures sociales dans l'Antiquité classique*. Caen 25–26 avril 1969 / Ed. C. Nicolet. Paris, 1970. P. 110; Hoffmann B. *The Quarters of Legionary Centurions of the Principate...* P. 110; Cherry D. 1989: *Soldiers' marriages and Recruitment in upper Germany and Numidia* // *Ancient History Bulletin*. 1989. Vol. 3. P. 128.

²⁵ Hassall M. *Homes for Heroes: Married Quarters for Soldiers and Veterans* // *The Roman Army as a Community* / Ed. A. K. Goldsworthy, I. P. Haynes. Portsmouth, 1999. P. 35.

²⁶ Cherry D. *The Marriage of Roman Citizens and Non-Citizens: Law and Practice*: PhD Diss. / University of Ottawa. Ottawa, 1985. P. 55.

о законнорожденности этих детей²⁷. Хотя все представленные аргументы кажутся убедительными, ни один из них прямо не подтверждает наличия права *conubium* у центурионов²⁸.

Примечательно, что сторонники альтернативной точки зрения, согласно которой центурионы попадали под действие «брачного запрета», также указывают на социальный статус этих офицеров²⁹. Эти исследователи подчеркивают различие между краткосрочными всадническими должностями (*militiae equestres*) и долгосрочными позициями профессиональных воинов (*milites caligati*), к которым относились и центурионы³⁰. Если всадникам запрещалось вступать в законный брак только с жительницами той провинции, где они служили, то логичным выглядит предположение о том, что полному «брачному запрету» подвергались все остальные служащие, относящиеся к категории *milites caligati*. Так, всаднический ранг должен был являться пределом для общего запрета на брак³¹. Стройность данного объяснения нарушается существованием центурионов, происходивших из всаднического сословия, а также спорностью термина «*milites caligati*», который в разных контекстах используется для определения различных групп воинов³². В том числе этот термин применялся для обозначения нескольких должностей рядовых ауксилариев (*gregales*, *immunes* или *principales*) при необходимости отделить их от командовавших ими центурионов и декурионов. По-видимому, центурионы имели более высокий социальный статус, чем *milites caligati*, поэтому их привилегии и ограничения могли существенно отличаться.

Слабые стороны сторонников гипотезы о распространении «брачного запрета» на центурионов были учтены в компромиссной теории Сары Фанг. Исследовательница предполагает, что центурионы получали право *conubium* по достижении

²⁷ Hassall M. Homes for Heroes: Married Quarters for Soldiers and Veterans... P. 35.

²⁸ См. также: Ward G. A. Centurions: the Practice of Roman Officership... P. 177; Greene E. M. Women and Families in the Auxiliary Military Communities of the Roman West in the First and Second Centuries AD: PhD Diss. / University of North Carolina. Chapel Hill, 2011. P. 89–90.

²⁹ Watson G. R. The Roman Soldier... P. 134.

³⁰ Jung J. H. Das Eherecht des römischen Soldaten // ANRW. 1982. Bd. 2. 14. S. 340–341. Cp. Friedl R. Der Konkubinat im kaiserzeitlichen Rom: von Augustus bis Septimius Severus. Stuttgart, 1996. P. 255.

³¹ Phang S. E. The Marriage of Roman Soldiers (13 BC – AD 235)... P. 131–132.

³² Manklow C. H. Standing by the Standards... P. 60–67.

срока службы, необходимого для почетной отставки рядовых легионеров³³. В таком случае центурионы из эвокатов своего права на брак также не теряли. Спорным остается положение центурионов из всадников. Хотя представляется маловероятным, чтобы при назначении на должность они лишались права на законный брак на следующие 20 лет. Если теория С. Фанг верна, то внутри центурионата должна была существовать особая группа служащих (происходивших из рядовых легионеров), временно ограниченных в праве вступать в брак. На первый взгляд, наличие такой группы не противоречит в целом неоднородному составу центурионов, среди которых были военные разных возрастов, статусов и рангов. Однако по размеру жалованья и уровню привилегий выделяются только три ранга этих офицеров: примипилы, *primi ordines* и центурионы II–X когорт, а возможность перехода в I когарту не зависела от социального происхождения центуриона³⁴. Поэтому при условии, что сами военнослужащие рассматривали право *conubium* как привилегию, ограничение в этом праве, обусловленное только социальным происхождением, могло оказывать негативное влияние на формирование корпоративного единства центурионов.

Таким образом, неоднородность состава центурионов по социальному происхождению и их срединное положение как в военной иерархии, так и в римском обществе создают дополнительные сложности в решении проблемы о правовом статусе семей этих офицеров. В данном разделе на основе комплексного анализа эпиграфических материалов и юридических документов будут изучены социальные и демографические характеристики семей центурионов с целью выявить признаки их юридического признания или его отсутствия и определить тем самым правовой статус этих семей.

На первый взгляд, учитывая особую роль центурионов в формировании и поддержании воинской дисциплины, их многочисленные обязанности и

³³ Phang S. E. The Marriage of Roman Soldiers (13 BC – AD 235)... P. 132.

³⁴ Dobson B. The Significance of the Centurion and Primipilaris in the Roman Army and Administration // ANRW. 1974. Bd. II. 1. P. 407–409.

безусловную верность императору, право *coniubium* кажется противоречащим служебной этике этих офицеров. Также принимая во внимание политические мотивы установления «брачного запрета», согласно которым семейные связи рядовых солдат с гражданскими лицами отрицались для более эффективного использования армии при необходимости контроля или подавления населения³⁵, семейные отношения центурионов, командовавшими этими солдатами, представляются еще более недопустимыми.

Однако семейные связи с гражданскими лицами могли представлять опасность только при условии, что семья военного была глубоко интегрирована в местное общество в регионе, где проходила его служба. Семьям центурионов было сложнее интегрироваться в местные общества из-за частых перемещений этих офицеров с одного места службы на другое. Так, Вибия Паката, жена центуриона Флавия Верекунда, последовала за супругом из родной Паннонии в Северную Африку, а оттуда в Британию (RIB 3504)³⁶. Также из Паннонии вслед за мужем-центурионом переехала в Германию Юлия Эмерита (AE 1990, 761). Наиболее показательным является пример Клавдии Марции Капитолины (ILS 2658), чей супруг, центурион Марк Петроний Фортунат, за время своей карьеры послужил в 13 легионах в разных провинциях (Британии, Нижней Германии, Италии, Нижней Мезии, Паннонии, Каппадокии, Сирии, Аравии и Африке)³⁷. Как верно заметила Л. Алласон-Джонс, жены центурионов (вне зависимости от своего правового статуса) путешествовали значительно чаще, чем другие женщины Римской империи³⁸.

Примечательно, что обязанность жены последовать за мужем, «куда бы он ни отправился», могла быть прописана в брачном соглашении, о чем свидетельствует Папиниан в 4-й книге «Ответов». Интересно, что в качестве примера юрист приводит соглашение центуриона и его супруги (Dig. 23. 4. 26. 3). Само по себе свидетельство Папиниана, датируемое к тому же 198–211 гг., т.е. периодом уже после

³⁵ Phang S. E. *The Marriage of Roman Soldiers (13 BC – AD 235)*... P. 383.

³⁶ Foubert L. *Female Travellers in Roman Britain: Vibia Pacata and Julia Lucilla // Women and the Roman City in the West* / Ed. E.A. Hemelrijk, G. Woolf. Leiden, 2013. P. 396.

³⁷ Махлаюк А. В., Негин А. Е. *Повседневная жизнь римской армии в эпоху Империи*... С. 365.

³⁸ Allason-Jones L. *Women in Roman Britain*. 2nd ed. York, 2005. P. 49.

отмены «брачного запрета», ничего не говорит о правовом статусе жены центуриона, поскольку соглашение могло иметь место и в незаконном браке (*matrimonium iniustum*). Однако выбор центуриона и его супруги для иллюстрации данного положения указывает на то, что брачные соглашения на случай частых переездов мужа были особо актуальны именно для семей центурионов. Соответственно, высокую горизонтальную мобильность можно считать характерной чертой семей центурионов, о которой было известно и римским правоведам. Данная особенность действительно могла препятствовать глубокой интеграции семей центурионов в местные провинциальные сообщества, что в свою очередь способствовало укреплению их связей с военными структурами и предотвращало таким образом негативное влияние этих семей на воинскую дисциплину и боевую эффективность римской армии.

Итак, при рассмотрении практических аспектов семейной жизни центурионов обнаруживается, что наличие семьи у этих офицеров не противоречило политическим целям установления «брачного запрета». Для достижения этих целей в случае с центурионами кажется достаточным ограничить их в праве на брак с женщинами, жившими в той провинции, где проходила служба офицера, как это было реализовано для командиров всаднического ранга. Тем не менее для подтверждения этого тезиса стоит изучить другие особенности семей центурионов и их связи с причинами действия «брачного запрета».

Исследование специфики семей центурионов с целью определить их правовой статус в последующих разделах преимущественно основывается на данных 329 надгробных надписей, происходящих с территорий практически всех провинций Римской империи и датируемых в основном периодом от установления принципата до 235 г. н. э. В этих надписях центурионы представлены в разных ролях: либо как лица, в память о которых воздвигнуты монументы, либо как инициаторы их создания. Изучение данных источников было начато с проведения статистического анализа и установления процентного соотношения надписей, в которых упоминаются центурионы с женами и/или детьми, и эпитафий безбрачных офицеров. Для установления такого соотношения некоторые эпитафии из нашей подборки не могут

быть использованы. Это, прежде всего, относится к надписям, в которых центурионы выступают в роли заказчика и поминают лиц, не являвшихся их женами или детьми. Такие монументы, например, могли быть установлены в память о товарищах по службе. Отсутствие информации о семье самого центуриона на подобных памятниках кажется естественным и ничего не говорит о его семейном положении. Также не подходят для данного анализа эпитафии, поминающие центурионов, в которых отсутствуют термины родства и вследствие этого невозможно определить, кем приходился заказчик надписи офицеру. Например, центуриона вигилов Луция Ауфустия Руфина хоронят мужчины с идентичными личными и родовыми именами, но с разными *cognomina* — Фускул Старший и Серений Младший (CIL VI, 2993). Все трое очевидно происходят из одной семьи, но степень их родства остается неясной. С учетом данных ограничений статистический анализ охватывает 265 надписей.

Результаты анализа представлены в Таблице 1. В первую очередь, стоит отметить, что соотношение центурионов с женами и детьми и их безбрачных коллег получается примерно таким же, как и среди рядовых солдат³⁹. Так, в эпитафиях центурионов, датируемых I в. н. э., жены и дети упоминаются в 11% случаев. В надгробных надписях II в. н. э. этот показатель возрастает до 50%. В III в. н. э. количество эпитафий семейных центурионов достигает 75%. Данная статистика отражает поминальные практики преимущественно легионных центурионов, но сведения из немногочисленных эпитафий центурионов ауксилариев, преторианцев, городских когорт и вигилов в основном совпадают с этими показателями.

Таблица 1. Статистический анализ эпитафий центурионов

Век	Заказчик надписи				Всего
	Жены/дети	Кровные родственники	Вольноотпущенники	Вне семейного круга / отсутствует	
I	11%	19%	32%	38%	63
II	50%	7%	18%	25%	123

³⁹ Phang S. E. The Families of Roman Soldiers (First and Second Centuries A. D.)... P. 365.

III	75%	6%	10%	9%	79
-----	-----	----	-----	----	----

Помимо общей статистики представляется возможным проследить тенденции, характерные для разных групп центурионов. Комплексный анализ эпиграфического материала позволяет классифицировать эпитафии центурионов по представленному в них количеству информации о карьере офицера. По такому признаку эпитафии можно разделить на три группы: 1) указывающие на достижение примипилата; 2) подробно описывающие карьеру с тремя и более военными и/или гражданскими должностями, за исключением примипилата; 3) с кратким описанием карьеры, включающей одну или две должностные позиции. Стоит отметить, что число занимаемых постов в реальной карьере центурионов, известных по надписям 1 и 3 групп, могло быть намного больше, чем указано в их эпитафиях, но в силу ценностных установок и других причин эти офицеры о них умолчали.

Таблица 2. Классификация эпитафий центурионов по представленному в них количеству информации о карьере офицера

	1 группа: достижение примипилата			2 группа: подробное описание карьеры			3 группа: краткое описание карьеры		
	I в.	II в.	III в.	I в.	II в.	III в.	I в.	II в.	III в.
Кол-во семейных в %	57%			23%			63%		
Общее кол-во	19%	62%	19%	26%	60%	14%	17%	43%	40%
	47			43			133		

Примечательно, что для эпитафий 1 и 3 группы характерны частые упоминания жен и детей центурионов. Так, в надписях примипилов жены и дети встречаются в 57% случаев, а в эпитафиях без акцента на карьере это число достигает 63%. Соответственно, надписи с подробным перечислением должностей содержат информацию об этих членах семьи только в 23% случаев. Отсутствие сведений о членах семьи в эпитафиях необязательно означает, что их не было в реальной жизни

центуриона⁴⁰. Такое умолчание, как и неупоминание некоторых постов из карьеры, отмеченное выше, могло быть связано с ценностями и приоритетами офицеров. Некоторые из них, возможно, в большей степени стремились сохранить о себе память как о доблестных воинах, нежели как о примерных семьянинам. Данное стремление представляется весьма закономерным для офицера, посвятившего жизнь военной службе. Однако примечательно, что в начале III в. н. э. вместе с увеличением количества эпитафий семейных центурионов наблюдается значительное снижение числа надгробных надписей с детальным описанием карьеры. В связи с этим можно предположить, что в начале III в. н. э. в ценностных установках центурионов произошли изменения, и роль отца семейства стала более совместимой с положением военнослужащего и более значимой для определения социального статуса этих офицеров.

Причиной изменения ценностных установок центурионов, отразившихся в их поминальных практиках, могло быть предоставление им права на законный брак Септимием Севером в 197 г. н. э. В таком случае центурионы вместе с правом *conubium* получали возможность официально носить статус *pater familias* и иметь законных детей под своей властью. Тогда распространение семейных монументов центурионов могло быть связано как с увеличением реального количества офицеров с женами и детьми, так и с появившимся стремлением увековечить достижение нового статуса.

Кроме того, новый почетный статус, достижение которого римляне также обычно отмечали в мемориальном искусстве, в конце II в. н. э. появляется не только у центурионов, но и у их сыновей. Начиная с правления Коммода получает распространение практика дарования сыновьям центурионов всаднического статуса в знак признания служебных заслуг их отцов⁴¹. Причем известны дети, получившие этот титул в самом раннем возрасте. Так, Гай Юлий Непотиан, сын центуриона VIII

⁴⁰ Carroll M. *Spirits of the Dead: Roman Funerary Commemoration in Western Europe*. Oxford, 2006. P. 182.

⁴¹ Davenport C. *Soldiers and Equestrian Rank in the third century AD...* P. 104, 106, 116.

Августова легиона Юлия Валента, ушел из жизни в возрасте 2-х лет, успев при этом получить статус римского всадника (АЕ 1976, 494).

В римском мемориальном искусстве дети, которые, подобно Непотиану, значительно превосходили своих родителей в социальном статусе, часто изображались в традиции *puer senex* (зрелый ребенок), т.е. с атрибутами взрослой жизни, которую они могли бы вести в соответствии со своим новым положением, если бы смерть не настигла их так рано⁴². Эта традиция была особо распространена в поминальных практиках вольноотпущенников. Такими памятниками они выражали не только горе и чувство утраты, но и несбывшиеся надежды о будущем своей семьи, которой их дети со статусом свободнорожденных римских граждан должны были обеспечить высокое социальное и материальное положение⁴³. Как показывают отдельные монументы, изображение детей в традиции *puer senex* было свойственно и римским военнослужащим. Например, трехлетний Аврелий Клавдиан, также награжденный переводом во всадническое сословие за службу своего отца-протектора, представлен на памятнике скачущим на лошади с венком в руке (CIL VI, 1595). Хотя подобных изображений детей центурионов на данный момент неизвестно⁴⁴, само указание статуса всадника, несоответствующего возрасту ребенка в силу связанного с ним имущественного ценза, может свидетельствовать об имевшихся ожиданиях о будущем семьи, которой ребенок-всадник мог принести достойный уровень жизни и высокое место в социальной иерархии⁴⁵.

Итак, практика награждений привилегированным статусом сыновей центурионов также могла способствовать распространению семейных монументов этих офицеров в начале III в. н. э. Теперь, когда всаднический статус сына свидетельствовал о служебных успехах отца, семья центуриона становилась институтом,

⁴² Ibid. 114.

⁴³ Davenport C. Soldiers and Equestrian Rank in the third century AD... P. 114. См. также: Mander J. Portraits of Children on Roman Funerary Monuments. Cambridge, 2013. P. 60; Rawson, B. Children and Childhood in Roman Italy. Oxford, 2003. P. 183.

⁴⁴ См. CIL V, 914 с примером изображением ребенка центуриона. Трехлетний мальчик изображен с птицей — традиционным атрибутом детей в мемориальном искусстве (Mander J. Portraits of Children on Roman Funerary Monuments... P. 7, 26, 37).

⁴⁵ Davenport C. Soldiers and Equestrian Rank in the third century AD... P. 114.

позволявшим аккумулировать достижения предков и улучшать тем самым свое социальное положение в будущих поколениях. Тем не менее появление такой практики до отмены «брачного запрета» вызывает сомнения в том, что центурионы попадали под его действие.

Таким образом, статистические данные из эпитафий центурионов с относительно редкими упоминаниями жен и детей этих офицеров в I–II вв. н. э. и значительным увеличением таких упоминаний в начале III в. н. э. могут свидетельствовать только об изменении ценностных установок центурионов. Если в период ранней истории принципата для центурионов было характерно подчеркивать свои служебные достижения в эпитафиях, создавая образ доблестных воинов, то к правлению династии Северов этот образ гармонично дополнился ролью отца семейства. Причины таких изменений могли быть связаны с брачно-семейной политикой римских императоров, включая отмену действия «брачного запрета» и практику дарования всаднического статуса сыновьям центурионов. Однако, поскольку награждения детей этих офицеров начались до отмены «брачного запрета», вопрос о распространении данного ограничения на центурионов остается открытым. В таком случае причины изменений ценностных установок центурионов утрачивают связь с брачно-семейной политикой императоров и перестают быть столь ясными.

После установления процентного соотношения надписей семейных и безбрачных центурионов, необходимо перейти к детальному рассмотрению эпитафий с упоминаниями жен и/или детей этих офицеров. Эти эпитафии содержат сведения о 101 женщине, проживавшей в браке с центурионом. Во всех надписях эти женщины называются терминами *coniux* или *ихог*, которые в других контекстах, включая римское право, используются для обозначения законных жен⁴⁶. В отдельных случаях жены центурионов могли иметь даже прозвание матроны, т.е. почтенной матери семейства. Такой неофициальный титул носила Юлия Гермiona, супруга Юлия Севера, центуриона V Македонского легиона (CIL III, 222). Выбор этих

⁴⁶ Treggiari S. Roman Marriage: Iusti Coniuges from the Time of Cicero to the Time of Ulpian... P. 6.

терминов предполагает, что сами офицеры воспринимали живших с ними женщин как своих законных супругов.

Социальный статус большинства женщин был достаточно высоким. Около 78% жен центурионов были римскими гражданками и носили римские имена⁴⁷. Некоторые из них происходили из военного сообщества и состояли в родстве с сослуживцами центурионов. Так, дочь гастата Грания Нигелла стала женой примипила Гая Косия Флора (SEG 33, 1195; AE 1984, 893), а дочь примипила Анния была замужем за центурионом Аврелием Филиппом (CIL III, 10503). Интересный случай представлен в почетной надписи из Сирии, в которой центурион Юлий Кандидий перечисляет заслуги другого центуриона Гнея Юлия Руфа, приходившегося ему дядей и тестем (AE 1998, 1435). Браки с двоюродными сестрами, вероятно, были не редкостью на востоке империи⁴⁸.

Сведения о возрасте вступления в брак избранниц центурионов немногочисленны и достаточно противоречивы. Отдельные эпитафии свидетельствуют, что брак с центурионом был первым для женщины. Так, Валерии Гемине (CIL III, 14216,10) и Сертории Фесте (CIL XIII, 1893) исполнилось только 17 лет, когда их мужья-центурионы поставили им скорбные памятники. Кассия Квартина (CIL III, 12239) и Клодия Секунда (AE 1901, 140) умерли в 25 лет. Но супруг Клодии, центурион городской когорты, также указал, что эта женщина к моменту своей смерти прожила с ним в браке 7 лет без единой ссоры. Ранний возраст заключения брака также предполагается из надписей с упоминаниями о длительной продолжительности совместной жизни. Маловероятно, что Аврелия Юния, жена центуриона Элия Эквестора, прожив с ним в браке 60 лет, вышла замуж позднее 20 лет (AE 1990, 852). Хотя возраст 17–20 лет совпадает со средним брачным возрастом римских женщин, определяемым в историографии 16–20 годами⁴⁹, невозможно утверждать,

⁴⁷ Еще 10% женщин также имели римское гражданство, но их имена были греческого или иного происхождения. Только для 3% женщин указан статус вольноотпущенниц, и в 9% случаев этот статус предполагается в связи с особым именем женщины.

⁴⁸ См., например: Scheidel W. Brother-sister Marriage in Roman Egypt // *Journal of Biosocial Science*. 1997. Vol. 29. P. 361–371.

⁴⁹ Shaw B. D. The Age of Roman Girls at Marriage: Some Reconsiderations // *JRS*. 1987. Vol. 77. P. 30–46.

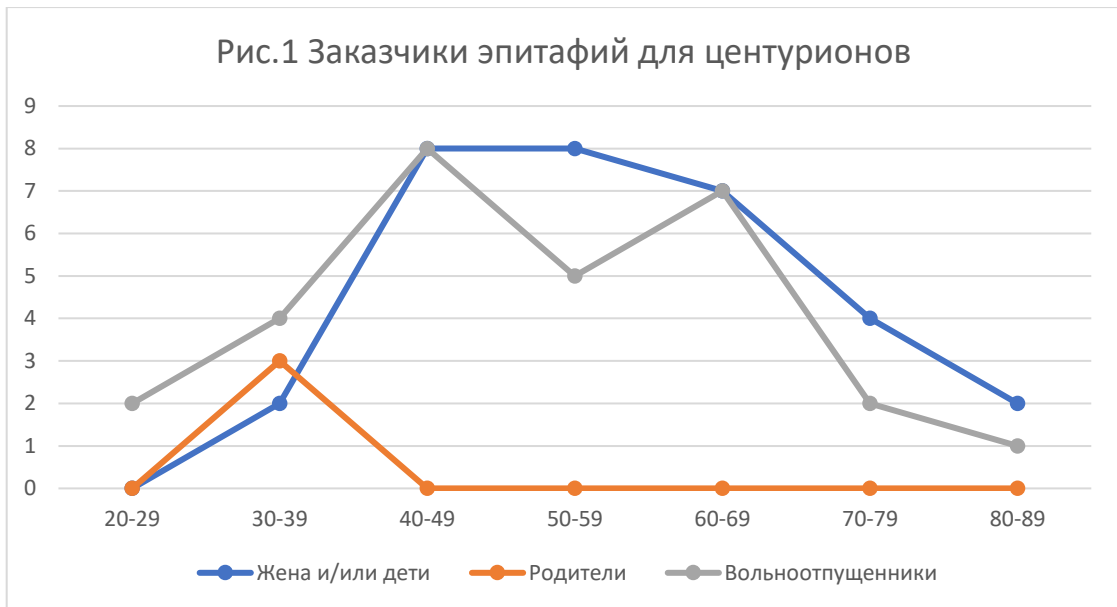
что все избранницы центурионов выходили замуж в этом возрасте. По крайней мере одно исключение известно из эпиграфики. В эпитафии Ветурии, супруги центуриона Тита Юлия Фортуната, сообщается, что она вступила с ним в брак в 27 лет (CIL III, 3572). Помимо данного исключения, стоит учитывать, что средняя продолжительность римского брака составляла 14 лет, но, как подчеркивает Б. Шоу, многие союзы распадались и раньше из-за смерти одного из супругов⁵⁰. Этот демографический аспект римского брака позволяет С. Фанг предположить, что среди солдатских невест могли быть и молодые вдовы их сослуживцев⁵¹. Такое предположение допустимо распространить и на невест центурионов. Но принимая во внимание возможность повторного брака для избранниц центурионов, стоит отметить, что их возраст даже в таком случае едва ли превышал 28–30 лет, поскольку этими годами ограничивается средняя продолжительность жизни жен центурионов по данным их эпитафий. Итак, по всей видимости невесты центурионов не были значительно старше женщин, выходивших замуж за гражданских мужчин.

Для установления брачного возраста самих центурионов возможно применить метод, предложенный в работах Р. Сэллера и Б. Шоу⁵². Он основан на подсчете людей, умерших в определенном возрасте. В каждой возрастной группе отдельно считаются люди, похороненные родителями и поминаемые супругами. Затем строится график соотношения возраста и числа умерших с двумя кривыми, обозначающих заказчиков надписей (родителей или супругов). Точка пересечения этих кривых указывает на средний возраст вступления в брак. Поскольку среди заказчиков эпитафий центурионов часто встречаются вольноотпущенники или наследники вне родственного круга, для более точного определения их брачного возраста представляется необходимым добавление третьей кривой. Построенный нами график представлен на рис. 1.

⁵⁰ Shaw B. D. 'With Whom I Lived': Measuring Roman Marriage // *Ancient Society*. 2002. Vol. 32. P. 240–241.

⁵¹ Phang S. E. *The Marriage of Roman Soldiers (13 BC – AD 235)*... P. 177.

⁵² Saller R. Men's age at marriage and its consequences in the Roman family // *Classical philology*. 1987. Vol. 82. P. 21–34; Shaw B. D. *The Age of Roman Girls at Marriage: Some Reconsiderations*...

Итак, точка пересечения кривых, обозначающих количество центурионов, поминаемых родителями и женами, указывает на возрастной промежуток 30–39 лет. Однако, начиная с этого возрастного диапазона и до 49 лет, наблюдается возрастание численности не только центурионов, похороненных супругами, но и тех, чью память почитали вольноотпущенники и другие наследники. Одновременное возрастание двух кривых и их второе пересечение в точке 60–69 лет фактически иллюстрирует общую статистику соотношения семейных и холостых центурионов, представленную в предыдущем разделе. По-видимому, брачные союзы действительно создавала только половина центурионов. Их средний возраст на момент вступления в брак по данному графику (с небольшим округлением) составляет 35–45 лет. Это значительно превышает брачный возраст гражданских мужчин, создававших семьи в 25–30 лет⁵³, но совпадает с показателями, подсчитанными С. Фанг для рядовых солдат, которые начинали обзаводиться семьями в 37 лет⁵⁴. Отметим, что самым почтенным был возраст примипила Элия Клавдиана, заключившего брак предположительно со своей вольноотпущенницей Элией Ирэнной в 64 года (CIL VI, 3551).

Поздние браки центурионов предполагают существенную разницу в возрасте между ними и их женами. Большая разница в возрасте между супругами в целом

⁵³ Saller R. Men's Age at Marriage and its Consequences in the Roman Family... P. 34.

⁵⁴ Phang S. E. The Marriage of Roman Soldiers (13 BC – AD 235)... P. 167.

характерна для «средиземноморского» типа брака и была распространена в семьях обычных римских граждан⁵⁵. Тем не менее этот демографический аспект семьи центуриона весьма примечателен, поскольку выбор в качестве супруги женщины детородного возраста с высоким социальным статусом может свидетельствовать о намерении жить именно в браке и воспитывать детей. Такое намерение, как было отмечено выше, отличает римский брак от других форм сожителства.

Что касается детей центурионов, то в эпитафиях они упоминаются достаточно редко. Всего известно 86 детей из 52 надгробных надписей. По этим данным, среднее число детей в семьях центурионов составляет 1,5 для I–II вв. н. э. и 1,8 для начала III в. н. э. Мальчики встречаются чаще, чем девочки, в соотношении 129:100, что значительно выше естественного уровня, при котором допускается рождение 105 мальчиков на каждые 100 девочек⁵⁶. Такие показатели, возможно, связаны с традициями поминовения. Мужчины чаще упоминаются на памятниках, посвященных их кровным семьям, в то время как женщины преимущественно встречаются в контекстах семей их мужей.

В самом деле, некоторые дочери центурионов известны из эпитафий, созданных их супругами. Прочитируем для примера паннонскую надпись II в. н. э.: «...Ульпии Антонилле, дочери Ульпия Кандидиана, центуриона, Тит Элий Верин, декурион колонии Аквинцензий, фламин, дуумвир, жрец города Рима, супруге благочестивейшей, которая прожила 24 года» (CIL III, 3368; № 2.23). Обычно при имени римской гражданки указываются только *praenomen* и *cognomen* ее отца⁵⁷. В таком случае родство с центурионом установить было бы сложно. Поэтому нехарактерное для эпитафической традиции указание должности отца в данной надписи действительно позволяет предположить, что дочери центурионов недостаточно представлены в эпитафиях в силу культурных норм, и реальное соотношение девочек и мальчиков в семьях центурионов было близким к естественному уровню.

⁵⁵ Saller R. Men's Age at Marriage and its Consequences in the Roman Family... P. 34.

⁵⁶ Phang S. E. The Marriage of Roman Soldiers (13 BC – AD 235)... P. 299.

⁵⁷ Caldelli M. L. Women in the Roman World // The Oxford Handbook of Roman Epigraphy / Ed. Ch. Bruun, J. Edmondson. Oxford, 2015. P. 583.

Также примечательно в данной надписи свидетельство о браке дочери центуриона с представителем муниципальной аристократии. Для заключения подобного брака требовалось хорошее приданое. Упоминание Титом Элием Веринем имени и должности своего тестя в эпитафии, также нетипичное в поминальных практиках, может служить признаком взаимоуважительных отношений тестя и зятя и отсутствия серьезных конфликтов между ними. Поэтому нет оснований предполагать наличие споров о приданом в семье этого центуриона. Назначение центурионом приданого дочери свидетельствует о том, что офицер признавал ее своим законным ребенком. Кроме того, само стремление Тита Элия Верина сохранить память о браке с дочерью центуриона указывает, что их союз был социально одобряемым, и статус Ульпии Антониллы соответствовал положению ее мужа.

Должность отца рядом со своим именем указывали и сами женщины при заказе надгробных надписей. Для примера обратимся к тексту эпитафии II–III вв. н. э. из Мезии: «Ульпий Гортензий прожил 20 лет, и Ульпий Балимбер прожил 18 лет. Коккея Гортензия, дочь Коккея Гортензия, центуриона XI Клавдиева легиона, жена Ульпия Балимберия, принцепса I Италийского легиона, сыновьям благочестивейшим сделала» (AE 1988, 1003; № 2.24). Упоминание должности отца Коккеи Гортензии может свидетельствовать о важности его звания для ее самоидентификации и демонстрации социального статуса. Маловероятно, что подобная гордость происхождением из семьи центуриона могла быть у незаконнорожденного ребенка.

Происхождением из семьи центуриона гордились и сыновья этих офицеров. Так, в почетной надписи италийского муниципального аристократа Гая Фабия подчеркивается, что не только его отец, но и его дед носили титул примипилара (CIL XIV, 349). Если дочерям отец-центурион мог обеспечить достойное приданое, как показывает случай с Ульпией Антониллой, то сыновья, по-видимому, получали возможности для быстрого развития карьеры. Гай Нервилий Юст, сын флотского центуриона, начал военную карьеру не во флоте, подобно отцу, а в более привилегированной преторианской гвардии (AE 1978, 257). Луций Сервий Сабин, сын примипила, пошел по стопам отца и стал центурионом VI Победоносного легиона (AE 1903, 77). Гай Валерий Плавтиан, также сын примипила, перешел в сословие

римских всадников и стал представителем муниципальной аристократии, исполняя должности понтифика и дуумвира (AE 1957, 294). Пример блестящей карьеры и личных достоинств сына примипиляра приводит Тацит при изложении биографии Гельвидия Приска: «Гельвидий Приск родился... от отца примипилярия. Как гражданин и сенатор, как муж, зять и друг, он был всегда неизменен: презирал богатство, неуклонно соблюдал справедливость и не ведал страха» (Tac. Hist. IV. 5). Однако карьерные перспективы сыновей центурионов не ограничивались только возможностью занять место в сенате. Сын и внук центурионов, Тит Флавий Веспасиан, стал императором Римской империи (Suet. Vesp. 1).

Высокий социальный статус детей центурионов и гордость некоторых из них своим семейным происхождением предполагает их рождение в законном браке. Однако, как уже отмечалось выше, нельзя с уверенностью утверждать, что все центурионы имели право вступать в законный брак и производить на свет законнорожденных детей на протяжении всего периода военной службы. Немногочисленность женатых центурионов и их поздние браки свидетельствуют, что определенные ограничения для создания семьи существовали. Тем не менее эти ограничения могли быть связаны не только с отсутствием права *conubium*, но и со спецификой служебной деятельности этих офицеров, предполагавшей частые переезды и исполнение многих обязанностей. В тех случаях, когда подобные препятствия удавалось преодолеть, семьи центурионов выглядят юридически признанными, отличаются высоким социальным положением и следуют традиционным римским ценностям благочестия (*pietas*) и единодушия (*concordia*), что можно проиллюстрировать следующей эпитафией: «Богам Манам. Гай Юлий Валент, сын Гая, центурион V Македонского легиона, родом из Амасии, прожил 50 лет, прослужил 30 лет. Валерия Фронтинна супругу и Юлия Адриана, Юлий Юлиан, Гай Юлий Валентин, дети, отцу благочестивейшему [памятник] поставили» (CIL III, 14214,10; № 2.25).

В завершение рассмотрения проблемы правового статуса семей центурионов необходимо обратиться к сведениям из военных дипломов. Такие дипломы представляют собой бронзовые таблички с копиями императорских постановлений о

пожаловании ветеранам вспомогательных войск, флота, преторианской гвардии и городских когорт привилегий за прохождение военной службы. В качестве привилегий ветераны получали римское гражданство для себя, своих детей и потомков⁵⁸, а также право *coniubium* для создания семьи с женщиной, не имевшей римского гражданства. Если на момент выхода в отставку у ветерана уже была семья, то она приобретала законный статус, а имена жены и детей указывались в дипломе.

Предоставление права *coniubium* в военных дипломах напрямую не связано с действием «брачного запрета»⁵⁹. Такое право было необходимо преимущественно ветеранам вспомогательных войск и флота, поскольку эти служащие происходили в основном из перегринов и предпочитали заключать брачные союзы с женщинами равного статуса. В семьях перегринов право *coniubium* не существовало, как и в браках между римским гражданином и перегринкой. Поэтому для юридического признания семей этих ветеранов право *coniubium* могло быть только пожаловано императором. Преторианцы и солдаты городских когорт, по-видимому, получали право оформления законного брака с перегринками не в силу необходимости, а в знак особого расположения императора.

Центурионы, служившие в упомянутых подразделениях, также могли получать дипломы с привилегиями. На данный момент известно пять военных дипломов флотских центурионов⁶⁰, датируемых примерно 71 г. н. э. Награжденные этими документами офицеры носили неримские имена и до ухода в почетную отставку имели статус перегринов. Только двое из них обзавелись семьями и указали в дипломах имена своих сыновей для наделения их гражданскими правами (ZPE 225, 251⁶¹, CIL XVI, 12). Имена фактических жен центурионов в этих дипломах могли отсутствовать, если женщины уже умерли к моменту отставки своих мужей.

⁵⁸ Phang S. E. *The Marriage of Roman Soldiers (13 BC – AD 235)*... P. 299.

⁵⁹ *Ibid.*... P. 59.

⁶⁰ ZPE 225, 251 (см. сноску № 61 в этом разделе), CIL XVI, 12; 14; AE 1997, 1273; AE 2002, 1771.

⁶¹ Eck W., Pangerl A. *Vier neue Diplome aus Konstitutionen von Vespasian, Traian, Hadrian und Septimius Severus* // ZPE. 2023. Bd. 225. S. 251–260.

Еще один диплом, датируемый 101 г. н. э., принадлежал центуриону вспомогательной когорты Мукакенту, сыну Эптакента, родом из Фракии (ZPE 187, 280⁶²). В этом документе сообщается имя его супруги Зиаскелы, также происходившей из Фракии. Вероятно, особое пожалование права *conubium* этой паре было необходимо в связи с их статусом перегринов, а не в силу действия «брачного запрета».

Примечательно, что некоторые центурионы продолжали получать военные дипломы после отмены «брачного запрета» (RMD I, 74) и даже после издания эдикта Каракаллы (*Constitutio Antoniniana*), предоставившего римское гражданство всему свободному населению империи. Так, флотский центурион Гай Лонгиний Орест был награжден этим документом в 225 г. н. э. и приобрел благодаря этому право на законный брак со своей фактической женой Юлией Юнией (RMM 56⁶³). Причем в этой семье право *conubium* до почетной отставки центуриона отсутствовало из-за статуса самого Лонгиния Ореста. Он был переселенцем из Исаврии и поэтому не имел римского гражданства.

Таким образом, все известные на данный момент семьи центурионов, не имевшие юридического признания до почетной отставки военнослужащего, были лишены его в связи с отсутствием римского гражданства у одного или обоих супругов, а не из-за распространения действия «брачного запрета» на этих офицеров.

Однако для понимания брачно-семейной политики императоров в отношении центурионов важны не только их именные дипломы. Военные дипломы других служащих могут быть также примечательны, поскольку демонстрируют изменения в словесных формулах с пожалованиями привилегий⁶⁴. Так, в документах, выпущенных до 140 г. н. э., было распространено следующее выражение: «им самим, их детям и потомкам гражданство и право [законного] брака с их женами, которых они

⁶² Eck W., Pangerl A. Neue Diplome Mit Den Namen von Konsuln Und Statthaltern // ZPE. 2013. Bd. 187. S. 273–294.

⁶³ Pferdehirt B. Römische Militärdiplome und Entlassungsurkunden in der Sammlung des Römisch-Germanischen Zentralmuseums. Mainz, 2004.

⁶⁴ Об изменениях в словесных формулах военных дипломов см.: Alföldy G. Zur Beurteilung der Militärdiplome der Auxiliarsoldate // Historia. 1968. Bd. 17. S. 215–227; Mann J. C. The Development of Auxiliary and Fleet Diplomas // Epigraphische Studien. Sammelband. 1972. Bd. 9. P. 233–241; Roxan M. M. An Emperor Rewards his Supporters: the Earliest Extant Diploma Issued by Vespasian // Journal of Roman Archaeology. 1986. Vol. 9. P. 247–256.

имели на момент предоставления им гражданства, а если кто-то был холостым — с теми, на которых они женятся впоследствии, каждый на одной» (ILS 9054). После 140 г. н.э. эта формула сокращается, и часть с дарованием гражданства детям и потомкам исчезает из большинства дипломов.

Тем не менее в некоторых документах появляются добавления, касающиеся детей центурионов и декурионов. Так, в дипломе декуриона Луцилиана утверждается: «Кроме того, он [император] предоставил детям декурионов и центурионов, которых перед наместником провинции они признали бы рожденными от себя, [право] быть римскими гражданами» (CIL XVI, 132)⁶⁵. Эта формула имеет принципиальное отличие в других дипломах: «Кроме того, он предоставил детям декурионов и центурионов, а также простых солдат, которые были рождены до их прибытия в лагерь, что они признали перед наместником, [право] быть римскими гражданами»⁶⁶.

Хотя обе формулы встречаются в дипломах второй половины II в. н. э., Ч. Манклоу предполагает, что первоначально привилегия распространялась только на детей, рожденных до поступления на военную службу, но действовала для всех категорий военнослужащих. Такая практика могла быть следствием общего непризнания браков военных. Впоследствии привилегия сохранилась только для центурионов и декурионов, но стала охватывать их детей, рожденных как до, так и во время прохождения военной службы. Таким образом, после 140 г. н. э. отношение представителей власти к детям центурионов вспомогательных войск, рожденным во время службы отцов, было более терпимым, чем к детям рядовых ауксилариев⁶⁷.

Тем не менее разнообразие словесных формул и их одновременное использование в дипломах одного хронологического периода (вторая половина II в. н. э.) скорее свидетельствуют о том, что такие пожалования возникали в результате разбора индивидуальных петиций военнослужащих. Общей практики дарования

⁶⁵ RMD 53 аналогичная формула; ср. с AE 2012, 1960: «Более того, они постановили, что дети декурионов и центурионов, которых они родили, находясь на этих должностях, являются римскими гражданами».

⁶⁶ Примеры дипломов: AE 2001, 2156; 1648.

⁶⁷ Manklow C. H. *Standing by the Standards...* P. 56.

римского гражданства детям центурионов вспомогательных войск после 140 г. н. э., по-видимому, не существовало. Более того, необходимость подобной практики вызывает сомнения в связи с увеличением в этот период числа римских граждан среди центурионов вспомогательных войск и общей редкостью браков центурионов всех подразделений. Вне зависимости от причин отсутствия римского гражданства у детей центурионов вспомогательных войск в этот период, среди которых равным образом могли быть и действие «брачного запрета», и статус перегриня у одного или обоих родителей, количество таких детей не было столь значительным, чтобы сформировалась единая политика в отношении их гражданских прав. Поэтому можно предположить, что правовой статус детей центурионов вспомогательных войск, рожденных в семьях без права *conubium*, зависел от действий самих офицеров, которые должны были подать петиции принцепсу, а также от конкретных обстоятельств и отношения к ним императора.

Упоминание о подобной петиции есть в переписке Плиния Младшего с императором Траяном. Плиний сообщает, что по просьбе Акция Аквилы, центуриона когорты, посылает императору прошение, в котором этот офицер «умоляет снизить к положению его дочери» (Plin. Epist. X. 106). В ответном письме Траян отмечает, что просьбы центуриона его тронули, и он даровал его дочери римское гражданство (Plin. Epist. X. 107). Глагол *imploro* («слезно молить») и конструкция *cuius precibus motus* («тронутый его просьбами») указывают на особые обстоятельства, в силу которых император пожаловал гражданские права девушке. По-видимому, рассмотрение подобных петиций не всегда приводило к положительному решению принцепса.

Итак, тексты военных дипломов свидетельствуют, что дети центурионов вспомогательных войск и флота могли не получить римское гражданство по праву рождения. Такое отсутствие гражданских прав могло быть связано как с действием «брачного запрета», так и со статусом перегриня одного или обоих родителей. Некоторые из этих детей становились гражданами впоследствии при награждении отца-центуриона военным дипломом за необходимую для почетной отставки выслугу лет. До 140 г. н. э. дарования гражданства детям центурионов, как и

отпрыскам рядовых солдат, были распространенной практикой. В последующий период пожалования этой привилегии стали ограниченными, и в случаях с центурионами, вероятно, требовали подачи петиций императору. Хотя невозможно утверждать, что решения по всем петициям были положительными, появление добавлений о предоставлении римского гражданства детям центурионов и декурионов в текстах военных дипломов свидетельствует о попытках формирования общей политики отношения к детям этих офицеров на основе постановлений по индивидуальным прошениям. Однако немногочисленность подобных прошений и, вероятно, разнообразие представленных в них обстоятельств препятствовали формированию единой политики по этому вопросу. Тем не менее известные вариации словесных формул с пожалованиями привилегий отпрыскам центурионов в целом указывают на терпимое отношение представителей власти к наличию детей у этих офицеров.

В завершение исследования социальных и демографических аспектов семей центурионов необходимо признать отсутствие однозначного решения проблемы их правового статуса. Тем не менее высокое социальное положение жен и детей этих офицеров при общей редкости заключения браков центурионами, по-видимому, подтверждает теорию С. Фанг. Тогда следует признать, что центурионы получали *ius conubii* только по достижению срока службы, необходимого для почетной отставки. В таком случае социальная неоднородность офицерского состава дополняется очередной характеристикой, связанной с правом и возможностью создать официально признанную семью.

§3.2. Внутренние отношения в семьях центурионов

Выше было установлено, что типичная семья центуриона состояла из супружеской пары со значительной разницей в возрасте и небольшого количества детей. Внутренние отношения между членами семьи могли отличаться как проявлением взаимопомощи и нежных чувств друг к другу, так и постоянными конфликтами и ссорами. Определить пропорции таких проявлений в семьях центурионов,

разумеется, невозможно. Тем не менее сведения из доступного комплекса источников позволяют определить ценности и идеалы этих семей, проследить отношение центурионов к их семейным ролям и обязанностям, установить проблемы и сложности, характерные именно для семейной жизни центурионов как особой профессиональной группы. Так, социально-правовые аспекты семей центурионов должны быть дополнены исследованием эмоциональной сферы их жизни с целью получить всестороннюю характеристику семейных отношений этих офицеров.

Для понимания внутренних отношений в семьях центурионов необходимо сначала рассмотреть возможные трудности, которые могли оказывать негативное влияние на семейную жизнь этих офицеров. Прежде всего, стоит отметить, что повседневность офицерских семей проходила в весьма специфических условиях армейского быта. Археологические исследования остатков римских военных лагерей показывают, что центурионы располагались в отдельных и просторных помещениях площадью примерно в 230–259 м², что в 10 раз превышало площадь солдатских контуберний⁶⁸. Тем не менее обычно эти помещения находились в тех же зданиях, что и комнаты рядовых солдат, и только в редких случаях отделялись от них небольшим проходом или переулком. Полностью обособленные дома с внутренним двориком предусматривались, по-видимому, только для центурионов первых когорт⁶⁹.

Несмотря на соседство с солдатскими контуберниями жилища центурионов II–X когорт в своем внутреннем устройстве отличались более высоким уровнем комфорта. Так, эти квартиры были снабжены отдельными уборными, в особых помещениях в них были обустроены резервуары для чистой воды, а также в них проникало больше света через стеклянные окна, расположенные вдоль всех внешних стен⁷⁰. Остатки убранства некоторых квартир демонстрируют богатство и высокое социальное положение своих владельцев. Например, в квартирах центурионов из

⁶⁸ Davison D. P. *The Barracks of the Roman Army from the 1st to 3rd Centuries A.D.: A Comparative Study of the barracks from Fortresses, Forts, and Fortlets with an Analysis of Building Types and Construction, Stabling, and Garrisons.* Oxford, 1989. P. 619.

⁶⁹ Hoffmann B. *The Quarters of Legionary Centurions of the Principate...* P. 107.

⁷⁰ Ibid. P. 128.

Карнунта, Регенсбурга и Бонна, датируемых III в. н. э., встречаются полы с подогревом (*hypocaustum*)⁷¹. В квартире центуриона, служившего в Бонне в конце II в. н. э., пол был украшен мозаикой, изображавшей голову Медузы, окруженную геометрическим узором⁷². В целом жилища центурионов по своим размерам, планировкам и общему обустройству сопоставимы с квартирами, расположенными на первых этажах инсул в Остии, Геркулануме и Помпеях, что предполагает достаточно высокий уровень жизни⁷³.

Таким образом, жилищные условия центурионов позволяли им размещать членов семьи и рабов в своих служебных квартирах внутри лагерных стен. Однако вопрос о реальном присутствии женщин и детей в жилых помещениях центурионов остается предметом дискуссий в историографии. Несмотря на попытки интерпретации ряда артефактов, найденных на территориях римских военных лагерей, как характерных преимущественно для женского гендера (гребни, броши, кольца, заколки, бусы), а также на наличие специфических находок, таких как обувь детского размера и погребения младенцев, сами по себе эти находки свидетельствуют только о периодическом пребывании женщин и детей внутри лагерных стен, но ничего не сообщают о происхождении, социальном статусе и деятельности этих людей⁷⁴.

Решению этих проблем может способствовать точная локализация женских и детских предметов с последующим «пространственным анализом», позволяющим связать конкретное место внутри военного лагеря с определенной деятельностью и соотнести эту деятельность с представлениями о гендерных ролях и социальном статусе⁷⁵. Тем не менее проведение подобного анализа возможно для артефактов,

⁷¹ Ibid. P. 121.

⁷² Ibid.

⁷³ Ibid. P. 140.

⁷⁴ См. обзор подобных находок и дискуссию по теме в: Allison P. M. *People and Spaces in Roman Military Bases*. Cambridge, 2013; eadem. *Mapping for gender. Interpreting artefact distribution inside 1st- and 2nd-century A.D. forts in Roman Germany* // *Archaeological Dialogues*. 2006. Vol. 13. P. 1–20; Casella E. C. 'Safe' Genders? // *Archaeological Dialogues*. 2006. Vol. 13. P. 25–27; James S. *Engendering Change in our Understanding of the Structure of Roman Military Communities* // *Archaeological Dialogues*. 2006. Vol. 13. P. 31–36; Tomaskova S. *Next Stop: Gender. Women at Roman Military Forts in Germany* // *Archaeological Dialogues*. 2006. Vol. 13. P. 20–25.

⁷⁵ Allison P. M. *Mapping for Gender. Interpreting Artefact Distribution inside 1st- and 2nd-century A.D. forts in Roman Germany...* P. 40.

происходящих из весьма ограниченного количества римских лагерей. Это связано с распространенной в римской армии практике демонтировать свои форты перед их оставлением. Лагерные постройки разбирались с целью повторного использования строительных материалов, а все ненужные предметы выбрасывались в мусорные ямы⁷⁶. Примером такого организованно покинутого форта является Оберстимм (совр. Бавария), на плане раскопок которого содержится большое количество ям. Из этих ям и происходят предметы (три броши, пряжка и костяная шпилька), предположительно принадлежавшие женщинам. Поскольку первоначальное расположение этих предметов невозможно установить, «пространственный анализ» таких находок оказывается безрезультативным⁷⁷.

Одним из наиболее успешных на данный момент примеров применения «пространственного анализа» с целью изучения социального статуса женщин в римских военных лагерях является исследование М. Флеминга фортов Хаусстедс и Виндоланда⁷⁸. Для нашего исследования ключевое значение имеют результаты анализа находок из форта Хаусстедс, поскольку в этом лагере многие женские артефакты происходят из одного жилого помещения, предназначенного для центурионов⁷⁹. К этим артефактам относятся остатки одежды и украшения, датируемые разными периодами существования форта. Только три женских предмета датируются 138–293 гг. н.э., еще 15 артефактов происходят из слоев IV–V вв. н. э. Имеющихся свидетельств о присутствии женщин в этом помещении явно недостаточно, чтобы предположить их постоянное проживание там. Кроме того, материалы, из которых сделаны артефакты, значительно различаются по своей стоимости. Так, вместе с серебряной серьгой были найдены украшения из более дешевых материалов (глина, стекло, медь), что может свидетельствовать о разном социально-экономическом статусе владельцев этих предметов. Соответственно, допуская эпизодическое

⁷⁶ Campbell D. B. Women in Roman Forts: Residents, Visitors or Barred from Entry? // *Ancient Warfare magazine*. 2010. Vol. IV. No. 6. P. 52.

⁷⁷ Ibid.

⁷⁸ Fleming M. K. Identity and Identification: Femininity on Hadrian's Wall: PhD Diss. Durham University. Durham, 2019.

⁷⁹ Ibid. P. 93.

присутствие женщин в жилом помещении для центурионов, нельзя утверждать, что все они были женами офицеров⁸⁰. В равной степени это могли быть рабыни, служанки или конкубины. Сравнивая эти результаты с данными, полученными в ходе изучения форта Саут-Шилдс, М. Флеминг отмечает, что женские артефакты из этого лагеря также свидетельствуют только о временном пребывании женщин разных социальных статусов в помещениях центурионов⁸¹.

Итак, результаты «пространственного анализа» двух римских фортов при общей немногочисленности женских предметов, происходящих с территорий военных лагерей, не позволяют заключить, что семья центуриона проживала вместе с ним в служебной квартире. Однако стоит отметить, что форты Хаусстедс и Саут-Шилдс предназначались для размещения в них вспомогательных войск. Некоторые исследователи настаивают на том, что центурионы вспомогательных подразделений были ниже и по военному рангу, и по социальному положению, чем центурионы из легионов, которых по размеру жалованья и социальному статусу обычно приравнивают к префектам вспомогательных когорт⁸².

Префектам ауксилариев, по-видимому, позволялось брать своих жен и детей на место службы. По крайней мере, результаты «пространственного анализа» женских и детских артефактов (преимущественно обуви) в форте Виндоланда свидетельствуют о регулярном присутствии женщин и детей в здании претория на рубеже I–II вв. н. э.⁸³, а сохранившиеся на деревянных табличках письма сообщают имя и статус одной из этих женщин, которой была Сульпиция Лепидина, жена Флавия Цериала, префекта IX когорты батавов (Tab. Vindol. II. 291; 292). Переписку Сульпиция Лепидина вела с другой женщиной, Клавдией Северой, также являвшейся женой префекта когорты, Элия Брокха, и проживавшей вместе с ним на территории военного лагеря Брига, расположенного недалеко от Виндоланды⁸⁴. Хотя

⁸⁰ Ibid. P. 96.

⁸¹ Ibid.

⁸² Hoffmann, B. The quarters of legionary centurions of the Principate... P. 108.

⁸³ Fleming M. K. Identity and Identification: Femininity on Hadrian's Wall... P. 147–150.

⁸⁴ Подробнее об этих семьях см.: Greene E. M. Women and Families in the Auxiliary Military Communities of the Roman West in the First and Second Centuries AD... P. 236–256.

свидетельства о членах семьи префектов ауксилариев, служивших в других фортах, происходят в основном из эпиграфических источников и обычно не содержат сведений о месте проживания жен и детей этих офицеров, предполагается, что практика, разрешенная в Виндоланде и Бриге, может быть допустимой и в других местах⁸⁵.

Однако возникает вопрос о возможности распространения данного предположения и на легионных центурионов, которые, как отмечалось выше, были близки по положению к префектам ауксилариев. Несмотря на сопоставимость рангов по размеру жалованья и месту в военной иерархии префекты вспомогательных когорт в отличие от большинства легионных центурионов происходили из всаднического сословия и имели временные назначения. Например, Флавий Цериал служил в Виндоланде только 4 года. Кроме того, префекты ауксилариев проживали в отдельных домах, построенных в средиземноморском стиле с внутренним двориком. Такие жилища, безусловно, больше подходили для размещения семьи, чем квартиры центурионов, расположенные по соседству с солдатскими контуберниями. Эти различия в социальном происхождении, статусе и уровне жизни между префектами ауксилариев и легионными центурионами представляются более значимыми, чем их сходства в размере жалованья и положении в военной иерархии, для решения вопроса о месте проживания семьи военнослужащего. В связи с этим можно заключить, что жены и дети легионных центурионов, как и семьи их коллег из вспомогательных когорт, не проживали в служебных квартирах внутри лагерных стен, а располагались, вероятно, в отдельных домах на территориях прилагерных поселений (*canabae*; *vicus*).

Таким образом, раздельное проживание членов семьи представляется отрицательным аспектом семейной жизни центурионов. Их жены и дети, располагаясь в прилагерных поселках, могли сталкиваться с особыми бытовыми трудностями. Им приходилось самостоятельно вести хозяйство, управлять рабами, решать конфликты с местными торговцами, ветеранами и другими обитателями поселения.

⁸⁵ Ibid. P. 238.

Такой образ жизни позволяет согласиться с предположением Л. Алласон-Джонс, что женами центурионов были «грозные женщины, которые не терпели глупостей и могли справиться с любой ситуацией»⁸⁶.

Выше было отмечено, что характерным аспектом служебной деятельности центурионов были частые переезды. Регулярные перемещения сами по себе могли доставлять неудобства членам семьи центурионов. Но Л. Алласон-Джонс предполагает, что ситуация была сложнее и что центурионы при переводе отправлялись в новое место налегке, оставляя своих жен организовывать транспортировку всего движимого имущества⁸⁷. Для иллюстрации этого предположения можно привести распоряжения военнослужащего Паниска своей жене Плутогении: «Получив это послание, приступай к сборам, чтобы если бы я отправил за тобой, ты приехала быстро. И когда ты поедешь, возьми десять кусков шерсти, шесть кувшинов оливок, четыре кувшина воды, мой щит, только новый, и мой шлем. И возьми мои копья. И возьми принадлежности для палатки... Когда поедешь, возьми всю вашу одежду. Когда поедешь, возьми свое золото, но не надевай его на судне» (P. Mich. III. 214). Итак, жена центуриона могла не только иметь обязанность следовать за мужем, «куда бы он ни отправился», но и нести ответственность за организацию таких переездов.

Приведенный отрывок, как и весь архив Паниска, относится к концу III в. н. э. Точное воинское звание этого военнослужащего установить по материалам его архива затруднительно. Несмотря на позднюю датировку и отсутствие сведений о принадлежности Паниска к рангу центурионов данный архив может быть использован для изучения проблем в семейных отношениях военнослужащих. Привлечение писем Паниска необходимо в связи с содержащимися в них уникальными свидетельствами по вопросу супружеских конфликтов. Хотя отношения Паниска и Плутогении являются частным случаем, их изучение с применением микроисторического анализа может способствовать установлению общих причин конфликтов в семьях военнослужащих.

⁸⁶ Allason-Jones L. Women in Roman Britain... P. 57.

⁸⁷ Ibid.

На существование конфликтной ситуации в отношениях Паниска и Плутогении указывает содержание последующих писем военнослужащего, из которых известно, что Плутогения не только не исполняла упомянутые выше распоряжения мужа, но и вовсе не отвечала на его послания. Прочитируем для примера отрывки из двух писем Паниска: «Уже второе письмо тебе пишу, чтобы ты приехала ко мне, но ты не приезжаешь...» (P. Mich. III. 216); «Видишь, я отправил тебе три письма, а ты не написала мне ни одного» (P. Mich. III. 217.1).

Для установления причин молчания Плутогении исследователи анализируют содержание посланий Паниска в контексте синхронных им политических и религиозных процессов⁸⁸. Обращая внимание на политический контекст эпохи, можно предположить, что Паниск был участником восстания Домиция Домициана против императора Диоклетиана. Об этом свидетельствует его сообщение Плутогении, касающееся положения дел у ее брата: «Гермей, твой брат, находится в дальних краях у префекта. Мы неоднократно посылали ему весть, чтобы он пришел к корректору Ахиллею, но он не пришел. Большинство из девятнадцати наших коллег уже пришли к нам» (P. Mich. III. 220. 1). Упомянутый в данном отрывке префект, по-видимому, и есть Домиций Домициан. Корректор Ахиллей был сподвижником Домициана и возглавлял восстание после его смерти⁸⁹. Если Паниск и Гермей были на стороне восставших, то Плутогения, вероятно, не желая подвергать себя опасностям, связанным с мятежом, поддерживала императора⁹⁰. В таком случае молчание женщины могло быть вызвано как политическими разногласиями с мужем, так и общими соображениями безопасности.

Изучая послания Паниска в религиозном контексте эпохи, исследователи отмечают смену политеистических религиозных элементов в приветственных формулах писем военнослужащего монотеистическими⁹¹. Это изменение обычно

⁸⁸ Nobbs A. Dysfunctional Communications in Late Antique Egypt // *Registers and Modes of Communication in the Ancient Near East Getting the Message Across* / Ed. K. H. Keimer, G. Davis. London: Routledge, 2018. P. 220–227.

⁸⁹ Nobbs A. A Revolt in the Time of Diocletian: The Evidence of the Paniskos Papyri // *AncSoc*. 1986. Vol. 16. №3. P. 132.

⁹⁰ Nobbs A. Dysfunctional Communications in Late Antique Egypt... P. 223.

⁹¹ Naldini M. *Il Cristianesimo in Egitto: Lettere Private nei Papiri dei secoli II–IV*. Fiesole, 1998. P. 111.

связывают с обращением Паниска в христианскую веру. Предполагается, что такая стремительная перемена в религиозных убеждениях военнослужащего была возможной в условиях позднеантичного Египта, где накануне Великого гонения на христиан (303–313 гг. н.э.) наблюдался пик распространения христианства⁹². В рамках данной гипотезы молчание Плутогении объясняется ее неприятием новых религиозных взглядов мужа.

Принимая во внимание политические и религиозные мотивы семейного конфликта Паниска и Плутогении, стоит отметить, что его причиной в равной степени могла послужить и размолвка между невесткой и свекровью. Свидетельство об участии матери Паниска в супружеском разладе содержится в одном из посланий военнослужащего, который, укоряя Плутогению в самовольном уходе из его дома, уточняет: «Но я знаю, что моя мать что-то сделала» (P. Mich. III. 217. 1). Возможно, молчание Плутогении было вызвано обидой на мужа из-за притеснений свекрови.

Таким образом, причины семейного конфликта Паниска и Плутогении могли быть связаны с политическими, религиозными и межпоколенческими разногласиями. Подобные поводы для конфликтов представляются возможными и в семьях центурионов, учитывая вовлеченность этих офицеров в общественную деятельность, подробно разобрannую выше, и наличие религиозного разнообразия в военном сообществе в целом. Что касается разногласий между невесткой и свекровью, то напряженные отношения между этими категориями свойственников можно считать одной из форм проявления вечного конфликта «отцов и детей». Поэтому проблемы в их отношениях не уникальны для семей центурионов, а скорее типичны для многих римских домов.

Проблемы и сложности, будь то типичные или уникальные, представляют собой лишь один аспект семейной жизни. Несмотря на раздельное проживание, частые переезды и другие трудности военной службы, семейное счастье было возможным и для центурионов. Прямым подтверждением этому служит яркий образ отношений центуриона и его супруги, созданный Марциалом в эпиграмме,

⁹² Nobbs A. Dysfunctional Communications in Late Antique Egypt... P. 224.

посвященной женитьбе его друга-примипила Авла Пудента на Клавдии Перегрине. Поэт приводит примеры идеальных и неразрывных природных союзов, чтобы подчеркнуть силу чувств и гармоничность этой пары:

Редкостный так киннамон сочетается с нардом душистым,
 Массик прекрасную смесь с медом Тезея дает⁹³;
 Лучше не могут сплестись с лозою нежною вязы,
 Лотос не ближе к воде льнет или мирт к берегам.
 (Martial. Epigr. IV. 13)⁹⁴

Соответственно, брачный союз примипила и Клавдии Перегрины представляется Марциалу таким же совершенным и естественным, как эти классические сочетания. Так, по крайней мере, в поэзии семейное счастье для центурионов имеет такое же значение, как и воинская слава.

Эпиграмма Марциала на данный момент остается единственным источником, в котором эмоциональная составляющая семейных отношений центурионов представлена в связи с радостным событием. Основную часть источников, позволяющих говорить об эмоциях центурионов и их жен, составляют надгробные надписи. Хотя жанр эпитафии предполагает прославление семейных ценностей, супружеской гармонии и верности, тексты некоторых надписей, выходящие за рамки стандартных формул, позволяют увидеть между строк и искреннюю любовь, и глубокую скорбь по утраченному семейному счастью⁹⁵. Так, Тит Юлий Фортунат, центурион II Вспомогательного легиона, в стихотворной эпитафии своей несравненной (*incomparabili*) супруге Ветурии не только выразил собственное горе, но и проявил сострадание к бедам жены и перечислил ее достоинства: «Здесь я похоронена, матрона, родовое имя Ветурия, супруга Фортуната, дочь отца Ветурия. Трижды по девять [лет] несчастная и жена в течение дважды по восемь лет. Уникуба, однобрачная, которая после шести рождений детей, из которых выжил только один, умерла...» (CIL III, 3572; № 2.26). В другой стихотворной эпитафии, созданной для центуриона Тита Аккления и его жены-вольноотпущенницы Аннии Хелены,

⁹³ Сочетание дорого италийского вина с лучшим медом из Аттики.

⁹⁴ Пер. Ф. А. Петровского.

⁹⁵ Treggiari S. Roman Marriage: Iusti Coniuges from the Time of Cicero to the Time of Ulpian... P. 229–261.

прославляются достоинства этой пары и особо подчеркивается, что супруги ушли из жизни одновременно: «...Добродетельные, высочайшей честности, великой верности, жившие в согласии, безвременно скончались, замученные жестокой болезнью...» (CIL II, 2215; № 2.27).

Во многих эпитафиях центурионы украшают имена своих жен яркими эпитетами. Так, центурион Мэций Домиций подчеркивает моральные качества своей супруги Флавии Валентины, отмечая, что памятник посвящается «самой дорогой и благочестивой, достойнейшей [женщине] за ее нравственную чистоту» (AE 1980, 774; № 2.28). Другой офицер, Терциний Севериан, прославляет почетный статус и выдающийся характер своей жены Терцинии Викторины, называя ее «редчайшей женщиной, облаченной в столу⁹⁶, [отличавшейся] несравненным духом» (CIL XIII, 1898; № 2.29). Некоторые центурионы выбирают более эмоциональные эпитеты, характеризуя своих жен как «самых любящих» (AE 1996, 1595) или «сладчайших» (CIL V, 2831).

Примечательно, что женщины, создавая эпитафии для мужей-центурионов, наделяют их чертами, свойственными примерным семьянинам, а отнюдь не воинам. Многие жены подчеркивают благочестие своих мужей через эпитеты *pientissimus* (AE 1903, 283; AE 1960, 28) или *piissimus* (AE 1932, 30), а супруга центуриона Гая Юлия Исидориана характеризует его как «священнейшего супруга» (*marito consacratissimo*; CIL VI, 3331). Упомянутые выше эмоциональные эпитеты *amantissimus* и *dulcissimus* также используются женщинами при описании мужей-центурионов. Так, например, называют своих мужей Юлия Артемизия (CIL VIII, 2878) и Юлия Сатурнина (CIL VIII, 2891) из Ламбезиса. Распространено в женских эпитафиях и емкое сочетание «наилучший муж» (*maritus optimus*). Такую характеристику в том числе получает итальянский примипил Квинт Ситтий Флакк от своей супруги Аниции Цецилии (EDCS-33200001)⁹⁷.

⁹⁶ *Stolatae* — «облаченной в столу». Стола — длинная одежда римской матроны, символ ее почетного статуса, добродетели и благородства. Об идеале римской женщины см. Cenerini F. *La Donna Romana: Modelli e Realtà*. Roma, 2002. P. 17–38.

⁹⁷ Epigraphik-Datenbank Clauss / Slaby (EDCS). URL: https://db.edcs.eu/epigr/epi_ergebnis.php (дата обращения: 19.11.2025).

Итак, сентиментальные эпитеты в эпитафиях центурионов показывают, что в супружеских отношениях эти офицеры придерживались традиционных римских ценностей (*pudicitia*, *fides*, *obsequium*, *affectio*) и стремились к тем же идеалам благочестия (*pietas*) и единодушия (*concordia*), которые почитались во всех римских семьях⁹⁸.

В эпиграфике также сохранились свидетельства, что центурионы не только провозглашали свои семейные идеалы в эпитафиях, но и действительно старались следовать им в жизни и проявлять заботу о членах своей семьи. В качестве примера можно привести посвятительные надписи центурионов Юпитеру Наилучшему Величайшему Гелиополитанскому за благополучие своих жен, детей и других родственников (AE 2010, 1721). Так, Гай Юлий Валериан, центурион III Августова легиона, исполнил обет этому божеству за благополучие своей супруги, Лицинии Аквилины, а также своего брата (тоже центуриона), невестки и племянницы (CIL VIII, 2627).

Ответственное отношение центурионов к их семейным обязанностям проявляется и в исполнении ими роли отца. В римской культуре роль отца предполагает не только обеспечение детей материальной поддержкой, но и попечение об их образовании и воспитании в соответствии с римскими ценностями⁹⁹. Так, отец должен был подбирать учителей для своих детей или в идеале, подобно Катону Старшему (Plut. Cato Mai. 20), лично становиться их наставником¹⁰⁰. Кроме того, именно от отца ожидалось воспитание в детях добродетельных качеств, таких как *virtus*, путем составления для них дидактических пособий или с помощью демонстрации личного примера благочестивого поведения¹⁰¹. Также личный пример отца имел большое значение для подготовки сыновей к общественной и профессиональной деятельности, так как в идеале молодые люди должны были обучаться гражданским и

⁹⁸ Treggiari S. Roman Marriage: Iusti Coniuges from the Time of Cicero to the Time of Ulpian... P. 229–261.

⁹⁹ Bernstein N.W. Each Man's Father Served as his Teacher: Constructing Relatedness in Pliny's Letters: In loving memory of Harry Bernstein (1913–2008) // Classical Antiquity. 2008. Vol. 27. No. 2. P. 206, 212.

¹⁰⁰ Ibid. P. 209.

¹⁰¹ Rawson B. Children and Childhood in Roman Italy... P. 158.

военным делам, наблюдая как их отцы исполняют обязанности сенаторов и воинов (Plin. Epist. VIII. 14)¹⁰².

Учитывая специфику военной службы, представляется маловероятным, чтобы центурионы лично обучали своих детей или создавали для них дидактические пособия. Тем не менее стремление этих офицеров дать своим детям образование известно из разных источников и в первую очередь из сатиры Горация:

Если я чист и невинен душой и друзьям драгоценен
(Можно же в правде себя похвалить), я отцу тем обязан.
Беден он был и владел не обширным, не прибыльным полем.
К Флавию в школу, однако, меня не хотел посылать он,
В школу, куда сыновья благородные центурионов,
К левой подвесив руке пеналы и счетные доски,
Шли обучаться проценты по Идам считать и просрочку;
Но решился он мальчика в Рим отвезти, чтобы там он
Тем же учился наукам, которым у римлян и всадник
И сенатор своих обучают детей.
(Hor. Sermon. I. 6. 68–77)¹⁰³

Выражая благодарность отцу за полученное образование и воспитание, Гораций упоминает провинциальную школу, которую посещали сыновья центурионов. В этой школе учился бы и сам поэт, если бы не стремление его отца дать мальчику столичное образование. Хотя описание школы и сыновей центурионов имеет сатирический характер и служит для демонстрации уникальности образовательного опыта самого Горация, не стоит вслед за поэтом недооценивать значимость «практического» образования. Навыки чтения, письма и счета в сочетании со служебными связями отцов-центурионов могли способствовать успешному развитию как военной, так и гражданской карьеры сыновей этих офицеров. Примеры быстрого продвижения по службе сыновей центурионов были приведены выше. Здесь же стоит отметить, что сыновья центурионов, как и Гораций, выражали благодарность отцам за полученное образование и воспитание. Но они делали это не стихами, а рукотворными памятниками. Так, Гай Валерий Плавтиан, римский всадник,

¹⁰² Bernstein N.W. Each Man's Father Served as his Teacher: Constructing Relatedness in Pliny's Letters... P. 208.

¹⁰³ Пер. М. Дмитриева.

понтифик и дуумвир, поставил своему отцу-примипилу почетную статую (AE 1957, 294). Благочестивое отношение детей к отцам-центурионам отражается и в эпитафиях. Процитируем для примера паннонскую надпись конца II в. н. э.: «Богам Манам. Тит Флавий Юлиан, в прошлом центурион I Вспомогательного легиона Благочестивого Верного, 68 лет. Тит Флавий Юлиан и Флавия Юлия, дети, отцу дражайшему, а также благочестивейшему и лучшему. Да будет тебе земля легка» (RIU II, 552; № 2.30).

Среди других источников, содержащих сведения об образованности детей центурионов, стоит отметить эпитафию, созданную в середине III в. н. э. центурионом Элием Мартинием для жены, сына и тещи (AE 1908, 257). В тексте эпитафии сын центуриона, Элий Марцеллин, проживший чуть более 10 лет, назван римским всадником и термином *scholasticus*, который можно перевести как «ученик». Поскольку в римской литературе данный термин обозначает в том числе и учеников, изучающих риторику (Plin. Epist. II. 3. 5), допустимо предположить, что занятия Элия Марцеллина не ограничивались лишь обучением письму и счету. Сохранение памяти об учебных занятиях мальчика свидетельствует о ценности образования в данной семье, но также может отражать несбывшиеся надежды родителей на благополучное будущее семьи, которая имела возможность повысить свой социальный статус и имущественное положение благодаря успехам сына¹⁰⁴.

Выражение не только горя и чувства утраты, но и гордости за достижения детей, а также сожаления о не сбывшихся мечтах в целом типичны для римских эпитафий¹⁰⁵. Более редким для римской культуры считается стремление сохранить память о совсем маленьких детях¹⁰⁶. Хотя в историографии, посвященной римскому детству, в целом признается, что римляне, как и современные родители, горевали из-за утраты новорожденных или маленьких детей, исследователями также отмечается, что формальный траур по этим возрастным группам был короче, чем по людям

¹⁰⁴ Davenport C. Soldiers and Equestrian Rank in the third century AD... P. 114.

¹⁰⁵ Mander J. Portraits of Children on Roman Funerary Monuments... P. 50; Rawson B. Children and Childhood in Roman Italy... P. 183.

¹⁰⁶ Rawson B. Children and Childhood in Roman Italy... P. 346.

более старшего возраста¹⁰⁷. Так, формального траура по младенцам до 1 года не существовало, а траур по детям до 3-х лет был сокращенным (термин *sublugetur*)¹⁰⁸. Полный траур было положено носить только по детям старше 10-ти лет (FIRA² II. 536). Кроме того, хотя захоронения детей проводились надлежащим образом, обязательного возведения памятника и эпитафии для них не требовалось. По этой причине детские эпитафии составляют незначительное число от общего количества надгробных надписей¹⁰⁹. В связи с этим примечательно, что часть этих редких надписей была создана центурионами. Например, Фелиций Симплекс, центурион VI Победоносного легиона, поставил памятник своей дочери Симплиции Флорентине, «душе невиннейшей, которая прожила 10 месяцев» (RIB 690; № 2.31). Другой центурион, Луций Аврелий Валериан, вместе со своей супругой Марией заказали семейный рельеф в память о своем «сладчайшем сыне», Аврелии Викторине, «который прожил 7 лет, 8 дней» (CIL III, 15210,1; № 3.5).

Памятник этой семьи также привлекает внимание благодаря содержанию эпитафии и рельефного изображения, которые увековечивают радости частной жизни. В тексте надписи в большей степени подчеркивается отцовство Аврелия Валериана, а не его должность центуриона, упомянутая лишь вскользь, без указания легиона службы. На его изображении нет ни единого воинского атрибута. Этот рельеф представляет отнюдь не воина, а отца, который вместе с женой ласково смотрит на сына. Сам мальчик изображен в соответствии со своим возрастом. В своих руках, предположительно, он держит яблоко или птицу. Оба этих предмета являются атрибутами детства в римском искусстве. Эти детали позволяют заключить, что памятник Аврелия Валериана не только выражает скорбь о ребенке, ушедшем раньше своих родителей, но и в целом прославляет супружескую гармонию,

¹⁰⁷ Ibid.

¹⁰⁸ FIRA² II. 536 = Frag. Vat. 321: *Lugendi autem sunt parentes anno, liberi maiores X annorum aequae anno. Quem annum decem mensuum esse Pomponius ait; nec leve argumentum est annum X mensuum esse, cum minores liberi tot mensibus elugeantur, quot annorum decesserint usque ad trimatum minor trimo non lugetur, sed sublugetur; minor anniculo neque lugetur neque sublugetur.*

¹⁰⁹ Rawson B. *Children and Childhood in Roman Italy*... P. 346.

любовь к детям и представляет семью как место отдохновения и убежище от жизненных проблем¹¹⁰.

Стремление сохранить память даже о маленьком ребенке необязательно означает, что в семьях центурионов родители любили детей крепче, чем в семьях других римских граждан. Скорее это свидетельствует о материальном благополучии семей центурионов, которые могли себе позволить возводить памятники даже для самых младших членов семьи. Тем не менее эти детские памятники можно считать еще одним проявлением ответственного отношения центурионов к семейным делам.

Центурионы также демонстрируют свою заботу о семье, исполняя сыновние обязанности. Этот аспект их семейной жизни, как и разобранные выше отношения с женами и детьми, может быть изучен преимущественно на основе сведений из надгробных надписей. По этой причине в большей степени возможно проследить исполнение центурионами обязанности по сохранению памяти об их родителях. С этой целью центурионы воздвигали как коллективные, так и индивидуальные памятники. Например, Гай Юлий Кресцент, центурион I Италийского легиона, поставил обелиск Гаю Юлию Целеру, ветерану V Македонского легиона, и Юлии Тюхе, своим «благочестивейшим родителям» (CIL III, 7428). Иногда такие монументы сохраняют память не только об отце и матери, но и о других кровных родственниках. Так, Марк Аврелий Клемент, центурион VI Железного легиона, установил памятник своим родителям и покойным братьям и сестрам (CIL III, 10507).

Эпитафии на индивидуальных памятниках для отцов и матерей имеют свои особенности. Так, сохраняя память об отцах, центурионы обычно указывают их статус, должности и достижения, прославляя тем самым их успехи в общественной деятельности. Приведем для примера содержание эпитафии I в. н. э. из Далмации: «Титу Эльвию Марину, из Скаптийской трибы, квартумвиру Альтина. Тит Эльвий Салинатор, сын Тита, центурион VII легиона, отцу» (CIL III, 2914; № 2.32). В этом кратком тексте восхваляется служение покойного родному городу, а также воспитание им достойного гражданина, что подтверждается указанием должности

¹¹⁰ Dixon S. The Roman Family. Baltimore; London, 1992. P. 29–30.

центуриона, занимаемой его сыном. Стоит отметить, что именно в этом, по мнению Солона, заключается истинное счастье человека (Hdt. I. 30).

Эпитафии матерям, разумеется, не содержат сведений об их общественной деятельности, но зато в них присутствуют выразительные эпитеты, прославляющие личные качества этих женщин. Так, центурион Публий Аллиен Виктор (CIL VI, 33002) подчеркивает нравственную чистоту, благочестивость и безупречность своей матери Марии Децимины, называя ее женщиной «святейшей» и «несравненной» (*sanctissimae et incomparabili*), а братья-центурионы Луций Диндий Респект и Публий Диндий Сперат (CIL III, 5223) прославляют доброту своей матери Гавии Вируны, отмечая, что она была «в высшей степени милостивой» (*indulgentissima*). В сравнении с этими сентиментальными надписями следующая эпитафия, происходящая из Самния, может показаться несколько сухой и эгоцентрической: «Тиция Филете. Квинт Луцилий Галл, сын Квинта, из трибы Сергия, примипил, префект лагеря, квартумвир-квинквеннал, патрон муниципия, матери самой лучшей» (CIL IX, 3671; № 2.33). Однако перечисление собственных достижений в эпитафии, посвященной матери, не следует воспринимать как самовосхваление центуриона. В римской культуре достижения детей считались показателем правильного воспитания, за которое, в том числе, несла ответственность мать¹¹¹. Для примера достаточно вспомнить почет, оказываемый Корнелии за воспитание братьев Гракхов, или Атии за воспитание Октавиана Августа (Tac. Dial. 28). Соответственно, профессиональные успехи Квинта Луцилия Галла служат лучшим свидетельством того, что Тиция Филета выбрала правильные методы воспитания, и увековечивают тем самым память о ней как о безупречной матери¹¹².

¹¹¹ Dixon S. *The Roman Mother*. London; New York, 1988. P. 172.

¹¹² Примечательно, что сами матери, создавая эпитафии и рельефы в память о своих сыновьях, также прославляют их профессиональные достижения. В качестве примера стоит привести памятник Септимии Луциллы, «благочестивейшей матери», в честь ее сыновей — Марка Коккея Супериана, центуриона X Сдвоенного легиона, и Валерия Луцилиана, солдата преторианской гвардии (CIL III, 4114; № 3.6). Эпитафия на памятнике отмечает их военные должности, а рельефное изображение увековечивает их образы в полном боевом облачении. Септимия Луцилла, изображенная в центре рельефа, слегка отступает назад, словно представляя сыновей смотрящей на памятник публике. Такая композиция в большей степени подчеркивает гордость матери успехами детей. Об амбициях римских матерей в отношении успехов сыновей см. Hallett J. *Fathers and Daughters in Roman Society: Women and the Elite Family*. Princeton, 1984. P. 243–245.

Итак, сохраняя память о родителях, центурионы создают их идеальные образы в соответствии с римскими традиционными представлениями об отцовстве и материнстве¹¹³, а также стремятся показать, что их отношения с родителями строились на основе благочестия (*pietas*).

Свидетельств о следовании этим идеалам в отношениях с родителями или другими кровными родственниками сохранилось гораздо меньше, чем примеров, связанных с женами и детьми. Однако есть основания предполагать, что военная служба не препятствовала поддержанию регулярных контактов с семьей, а значит установление памятников и посещение гробниц не было единственной сыновней обязанностью для центурионов. Общение с родителями и другими родственниками, по-видимому, происходило в форме переписки. Так, известно письмо центуриона Юлия Клемента к его брату Арриану, в котором офицер выражает беспокойство из-за отсутствия ответных посланий и просит брата прислать ему вести о его делах и благополучии (P. Mich. VIII, 484). Такое внимание к делам и благополучию брата можно считать примером воплощения идеала *pietas* в реальной жизни.

К воплощению идеала благочестия центурионы стремились и в отношениях с родителями своих жен. Так, центурион Тит Аврелий Эмерит проявил почтительность к тестю, Гаю Валерию Суру, и теще, Валерии Фронтине, наградив их при жизни почетными статуями. Этот офицер увековечил заслуги Валерия Сура перед дакийской колонией Сармизегетуза и прославил Валерию Фронтину как «достойнейшую женщину, облаченную в столу» (AE 1933, 247; IDR III. 2, 127).

Таким образом, несмотря на предполагаемую несовместимость семейной жизни и служебного положения центурионов, их отношения с женами и детьми, родителями, братьями и сестрами, а также с родственниками своих супругов, строились на основе традиционных римских ценностей *pietas* и *concordia* и в этом аспекте были похожи на внутренние отношения в типичной римской семье.

Среди других особенностей, характерных как для семейных связей центурионов, так и для семейных практик обычных римских граждан, стоит отметить

¹¹³ Dixon S. The Roman Mother... P. 4.

принятие в семью людей, не связанных кровным родством. Такое принятие могло происходить путем усыновления детей или установления патронатных связей с рабами и вольноотпущенниками. Эти практики позволяли бессемейным или бездетным гражданам сохранить семейное имя и продолжить род, передать имущество, получить необходимую заботу в старости, а также обеспечить себе достойные похороны¹¹⁴. Центурионы также обращались к подобным практикам, принимая в свои семьи воспитанников (*alumni*) или уделяя особое внимание рожденным в их домах рабам (*vernae*).

Термин *alumnus* встречается в надписях как семейных, так и предположительно безбрачных центурионов. Этим термином обозначаются дети и подростки преимущественно рабского происхождения, хотя из других надписей известно, что к категории *alumni* могли относиться и свободнорожденные граждане¹¹⁵. Несмотря на рабское происхождение, имена этих детей украшаются теми же эпитетами, что и имена родных детей центурионов. Например, центурион Аврелий Кресцент и его супруга Юлия Мантейана поставили памятник своему «дражайшему воспитаннику» Атению (AE 1987, 177c), а центурион Марк Ульпий Оптат заказал надпись для Марка Ульпия Суперата, «сладчайшего воспитанника и вольноотпущенника, который прожил 9 лет» (CIL VIII, 3002; № 2.34). Возраст Ульпия Суперата и его статус вольноотпущенника весьма примечательны. Хотя обычно рабов нельзя было освобождать до достижения ими 30-летнего возраста, воспитанники занимали особое положение из-за квази-родственных связей со своим господином и поэтому могли получить свободу раньше (Gai. Inst. I. 18–19; Dig. 40. 2. 11–13). Господин мог также проявить заботу о воспитанниках, определив им долю в своем наследстве и назначив для них опекуна в случае их юного возраста¹¹⁶. Вероятно, некоторые вольноотпущенники, упоминаемые в эпитафиях как наследники центурионов, происходили именно из бывших воспитанников (CIL III, 1653; 3550; 13360; AE 2010, 1283).

¹¹⁴ Dixon S. The Roman Family... 108–116.

¹¹⁵ См. подробнее: Rawson B. Children in the Roman Familia // The Family in Ancient Rome: New Perspectives. London and Sydney, 1986. P. 170–200.

¹¹⁶ Rawson B. Children and Childhood in Roman Italy... P. 253.

Помимо воспитанников, в семьях центурионов могли быть приемные дети и с более высоким социальным статусом. Речь идет о детях сослуживцев центурионов. Согласно подсчетам Р. Сэллера, четверть детей к 10 годам теряла отцов из-за их смерти, к 15 годам эта доля возрастает до трети¹¹⁷. В военном сообществе число детей, оставшихся без отцов, могло быть выше из-за более позднего возраста вступления в брак военнослужащими и опасностей их профессии¹¹⁸. По римскому праву детям, потерявшим отцов, назначался опекун, который брал на себя ответственность за их имущество. Военнослужащие были освобождены от опеки детей гражданских лиц, но были обязаны опекать детей своих сослуживцев (Dig. 27. 1. 8; 27. 1. 9). Из надписей известен пример центуриона, взявшего под опеку дочь солдата и оказавшего ей помощь в организации похорон отца (AE 2014, 1416).

Таким образом, несмотря на специфику военной службы и возможные правовые ограничения, регулировавшие семейные отношения центурионов, эти офицеры прославляли в эпитафиях традиционные римские семейные ценности благочестия, верности, согласия и любви (*affectio*). О следовании центурионами этим ценностям в реальной жизни сохранилось меньше свидетельств, но их обеты богам за благополучие семьи, стремление поддерживать регулярную связь с родственниками, забота о воспитании и образовании своих детей, а также принятие в семью чужих отпрысков показывают, что центурионы ценили узы семейной жизни и уделяли должное внимание ее заботам. В этом отношении они мало отличались от остальных римских граждан.

Подводя итог изучению семейного положения центурионов, стоит выделить несколько принципиальных моментов. Несмотря на сложности и ограничения, возникавшие вследствие специфики военной службы и действовавших правовых установлений, значительная часть центурионов вступала в брачные союзы и воспитывала детей. Почетная роль *pater familias* была важной составляющей социального

¹¹⁷ Saller R.P. *Patriarchy, Property and Death in the Roman Family*. Cambridge, 1994. P. 121.

¹¹⁸ Махлаюк А. В., Негин А. Е. Повседневная жизнь римской армии в эпоху Империи... С. 377.

статуса этой группы офицеров. Подобно тому, как некоторые их коллеги увековечивали свои воинские и трудовые подвиги в надписях на камне, так и семейные центурионы стремились прославить супружескую гармонию, любовь к детям и показать значение семьи как места отдохновения и убежища от жизненных невзгод. В этом почитании семейных ценностей, в особенности *pietas*, также проявляется приверженность полисно-республиканским идеалам римского гражданина, чьим моральным долгом было воспитание детей в соответствии с римскими традициями. Центурионы выполняли этот долг так же ревностно, как и свои военные и общественные обязанности, о чем свидетельствуют высокие должностные посты их сыновей и удачные браки дочерей. В целом, способность центурионов создавать крепкие семьи, пользующиеся общественным почетом, и обеспечивать своим детям благоприятные перспективы карьерного роста и социальной мобильности, подтверждает привилегированный статус этих офицеров в римском обществе.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Римские центурионы как специфическое военное сообщество возникают в результате профессионализации римского войска. В процессе становления регулярной армии постепенно повышается их жалование, улучшаются карьерные перспективы и вместе с этим возрастает значение этих офицеров на полях сражений. Высокий имущественный статус и хорошие возможности для развития карьеры способствуют расширению социального состава носителей должности. Теперь наравне с выходцами из рядовых солдат на этом посту служат представители всаднического сословия и городской знати. Тем не менее офицеры из благородных сословий не образуют обособленной группы внутри центурионата. Различия в происхождении стираются под воздействием единого воинского этоса и в процессе совместной деятельности на посту.

Деятельность центурионов также меняется в условиях существования постоянной армии. Их должностные функции по поддержанию воинской дисциплины приобретают дополнительные аспекты. Вместе с правом судить и наказывать солдат за дисциплинарные проступки эти офицеры начинают получать от преторов обязанности разбирать конфликты между военными и гражданскими лицами. Кроме того, подобные судебные обязанности могли быть делегированы центурионам и наместникам провинций. Регулярное взаимодействие офицеров с провинциальным населением приводило к тому, что наместники стали полагаться на них при решении местных проблем. Так центурионы становятся не только *iudices dati*, но и правителями целых областей в статусе *centuriones regionarii*. Исполнение центурионами судебно-административных поручений позволяло более оперативно решать проблемы провинциального населения, что могло способствовать формированию у них позитивного отношения к римскому правлению. Соответственно, можно заключить, что именно центурионы утверждали власть римского императора даже в наиболее удаленных регионах Римской империи.

Более того, профессиональные навыки, личностные качества и общественная репутация центурионов предопределили их назначения для представления императорской власти не только в отношениях с провинциальным населением и гражданскими общинами внутри империи, но и при необходимости обеспечить коммуникацию с иностранными государствами. Так, выполняя разнообразные дипломатические поручения, центурионы утверждали авторитет принцепса и за пределами Римской державы.

В связи с вопросом об авторитете римского правителя важно отметить роль центурионов в формировании и укреплении лояльности подчиненных им солдат императору. Этот аспект деятельности офицеров предполагал проведение религиозных обрядов и жертвоприношений для своего подразделения во время государственных или военных праздников. Культ императора, безусловно, занимал центральное место в этих религиозных практиках. Устраивая коллективные посвящения в честь императорского дома и совместные праздники по случаю радостных событий в семье правителя, центурионы подчеркивали связь между армией и императором, а также роль принцепса как главного покровителя всех солдат.

Таким образом, при выполнении судебных, административных, дипломатических и религиозных обязанностей центурионы, прежде всего, отстаивали интересы императора и государства, что позволяет рассматривать эти функции как разные аспекты одной деятельности и в целом охарактеризовать центурионов как агентов императорской власти. Кроме того, подобная характеристика могла получить юридическое закрепление при назначении бывших центурионов на должности прокураторов. В этой должности бывшие центурионы с титулом примипиларов продолжали применять свои экономические ресурсы и богатый военно-административный опыт для решения провинциальных проблем. Но полномочия прокураторов делегировались примипиларам уже лично императором, а не его наместниками или преторами, как это было в случаях с назначениями на позиции *iudices dati* или *centuriones regionarii*. Привлечение примипиларов к исполнению прокураторских должностей стало распространенной практикой в период политической стабильности в правление династии Антонинов.

Так, примипилат постепенно становился институтом, который способствовал процессу обновления элит и формированию особой фракции военнослужащих среди привилегированных сословий Римской империи. Получая привилегированный статус исключительно благодаря покровительству императора, эти военнослужащие отличались особой лояльностью правителю.

Усиление социального влияния центурионов и примипиларов вследствие их привлечения к процессу управления провинциями могло способствовать изменениям в общественном восприятии представителей этой должности. Выполняя целый ряд дополнительных невоенных функций, центурионы занимали настолько заметное положение в структуре римской администрации, что могли казаться провинциалам физическим воплощением римской власти. Подобное восприятие центурионов, вероятно, оказало влияние на их описания в античной литературе, где образы этих офицеров конструируются в соответствии с общей авторской оценкой правлению того или иного императора. Так, доблестные центурионы служат только «хорошим» принцепсам, а дурные офицеры окружают «плохих» правителей.

Публичный образ, создававшийся непосредственно центурионами, в определенной степени тоже отражал их отношение к императору. Так, при обращении к источникам, свидетельствующим о ценностях и приоритетах этих офицеров, можно обнаружить их гордость военными наградами, вручавшимися от имени правителя. Соответственно, сами центурионы не связывали возможность проявления воинской доблести с личными качествами или особенностями правления императоров, которым они служили. Их цель была подчеркнуть собственную значимость через демонстрацию признания их заслуг принцепсом. Так, символическая связь с императором представляется важным компонентом социального статуса этих офицеров. Среди других значимых для центурионов достижений стоит отметить исполнение судебно-административных и дипломатических поручений, избрание на городские магистратуры, совершение благодеяний (эвергетизм), получение образования и успехи в сфере культуры. В стремлениях центурионов увековечить в надписях на камне собственную доблесть, проявленную как на полях сражений, так и в мирных трудах, можно распознать следование полисно-республиканскому идеалу римского

гражданина, готового служить государству (*civitas*) и плугом, и мечом. Такой публичный образ демонстрирует значимость центурионов не только в военных делах, но и в общественной деятельности, и может отражать притязания этих офицеров на привилегированный статус.

Подобные притязания центурионов можно обосновать не только их военными достижениями и общественными заслугами. Привилегированный статус этих офицеров определяется их срединным положением в социальной иерархии и проявляется в их отношениях с патронами, клиентами и друзьями. Будучи клиентами представителей сенаторского сословия и членов императорской семьи и одновременно сами покровительствуя населению гражданских общин империи, центурионы выступали посредниками между армией, городскими властями и самим императором. Такое посредничество предоставляло центурионам хорошие возможности для интеграции в ряды привилегированных сословий римского общества. Об успехе подобной интеграции могут свидетельствовать достижения детей центурионов, которым удавалось не только сохранить статус отцов, но и улучшить положение собственных семей, достигая в некоторых случаях сенаторского звания.

Семейное положение самих центурионов также примечательно в контексте вопроса об их социальном статусе. Несмотря на влияние воинского этоса и действие «брачного запрета» многие центурионы создавали семьи и воспитывали детей. Их роль *pater familias* была почетной и прославлялась в эпиграфике наравне с военными и трудовыми подвигами. В этом уважении к семейным ценностям также проявляется приверженность центурионов полисно-республиканским идеалам римского гражданина, чьим моральным долгом было воспитание детей в соответствии с римскими традициями. Центурионы, по-видимому, относились к исполнению этого долга так же внимательно, как и к своим служебным обязанностям, что подтверждается высокими должностными позициями их сыновей и удачными браками дочерей. В целом, способность центурионов создавать крепкие семьи, пользующиеся общественным почетом, и обеспечивать своим детям благоприятные условия для развития карьеры и социального продвижения свидетельствует о привилегированном статусе этих офицеров в римском обществе.

Подводя итоги изучению невоенных функций и социального статуса центурионов, можно заключить, что новые должностные обязанности и властные полномочия превращали этих офицеров из «стержня легиона» в опору римского общества.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ И ЛИТЕРАТУРЫ

Источники

Сочинения античных авторов и юридические памятники

1. Appiani historia romana. Vol. II: Bella civilia / Ed. L. Mendelssohn, P. Viereck. — Lipsiae: In aedibus B. G. Teubneri, 1905. — XVI, 645 p.
2. Cicero's Letters to Atticus / Ed. D.R. Shackleton-Bailey. — Cambridge; New York: Cambridge University Press, 1965. — Vol. I–II.
3. Cicero: Epistulae ad Familiares / Ed. D.R. Shackleton-Bailey. — Cambridge: Cambridge University Press, 1977. — Vol. I–II.
4. Cicero. M. Tulli Ciceronis Orationes. Vol II. / Ed. A. C. Clark. — Oxford: e typographeo Clarendoniano, 1918.
5. Compendium of Roman History: Res gestae divi Augusti, Velleius Paterculus / Ed. T. E. Page. — Cambridge: Harvard University Press, 1961.
6. Cornelii Taciti, P. libri qui supersunt / Ed. E. Koestermann. Vol. I: Annales. — Lipsiae: In aedibus B. G. Teubneri, 1952. — XXVII, 435 p.
7. Cornelii Taciti, P. libri qui supersunt / Ed. E. Koestermann. Vol. II.1: Historiarum libri. — Lipsiae: In aedibus B. G. Teubneri, 1961. — XX, 274 p.
8. Corpus Iuris Civilis. Vol. 1. Institutiones, Digesta / Ed. Th. Mommsen, P. Krüeger. — Berolini, 1954. — 885 p.
9. De bello Africo commentarius / Ed. A. Rollio. — Lipsia: B.G. Teubner, 1889.
10. Dio's Roman History. With an English Translation. In Nine Volumes / Ed. E. Cary. — London, New York: W. Heinemann; Harvard University Press, 1914–...
11. Eusebius. The Ecclesiastical History. Vol. I–II / With an English translation by K. Lake. — London: W. Heinemann; New York: Putnam, 1926–1932.
12. Frontinus: The Stratagems and The Aqueducts of Rome, with an English Translation / Ed. C.E. Bennett. — London: Heinemann, 1925. — XL, 484 p.
13. Herodian. History of the Empire. In 2 vols. / Ed. C. R. Whittaker. — Cambridge: Harvard University Press; London: W. Heinemann, 1969.

14. Herodotus. *Herodoti Historiarum libri IX* / Ed. H.R. Dietsch. — Editio altera. — Curavit H. Kallenberg. — Vol. I. — Lipsiae: Teubner, 1885. — 413 p.
15. Horace. *The Works of Horace* / Ed. C. Smart. — Philadelphia: Joseph Whetham, 1836.
16. Iosephi Flavii opera / Ed. B. Niese. — Berolini: Apud Weidmannos, 1955. — Vol. I–IV.
17. Iosephi Flavii opera. Vol. VI: *De bello Iudaico libros VII* / Ed. J.v. Destinon, B. Niese. — Berolini: Apud Weidmannos, 1955. — LXXVI, 628 p.
18. Iulii Caesaris, C. *Commentarii de bello civili* / Ed. F. Kraner. — Berlin: Weidmann, 1856. — 295 p.
19. Iulii Caesaris, C. *Commentarii de bello Gallico* / Ed. F. Kraner. — Berlin: Weidmannsche buchh, 1867. — 422 p.
20. Juvenal. *Juvenal and Persius: With an English Translation* / Ed. G. G. Ramsay. — London, New York: William Heinemann; G. P. Putnam's Son, 1918.
21. *Livy in Fourteen Volumes* / With an English translation by B.O. Foster et al. — Cambridge: Harvard University Press; London: W. Heinemann, 1919–1995.
22. Lucan. *The Civil War (Pharsalia). Books I–X* / With an English translation by J.D. Duff. — Cambridge, Boston: Harvard University Press, 1962. — 637 p.
23. Lucius Annaeus Florus. *Epitome of Roman history* / Ed. E.S. Forster. — London: William Heinemann; New York: G.P. Putnam's Sons. 1929.
24. Plini Secundi. *Epistulae selectae: Selected letters of Pliny* / With Introduction and notes by J.H. Westcott. — Boston: Allyn and Bacon, 1899. — 285 p.
25. Pliny. *Natural History in Ten Volumes* / With an English translation H. Rackham. — Cambridge: Harvard University Press; London: W. Heinemann, 1940–1967.
26. Plutarch's *Moralia in nine volumes* / With an English translation by F.C. Babbitt. — L.; Cambridge, Mass.: W. Heinemann, 1931–1948.
27. Plutarchi vitae inter se comparatae. Volume I–V / Ed. I. Bekker. Vol. IV. — Lipsiae: Ex officina Bernhardi Tauchnitz, 1856.
28. Polybius. *Historiae* / Ed. L. A. Dindorf, Th. Büttner-Wobst. — Leipzig: B.G. Teubner, 1893–...

29. Sallusti Crispi, C. Catilina, Iugurtha, Orationes Et Epistulae Excerptae De Historiis / Ed. A. W. Ahlberg. — Leipzig: B.G. Teubner, 1919.
30. Seneca. Epistles. In III Vols. / Ed. R. M. Gummere. — Cambridge: Harvard University Press, 1917–1925.
31. Seneca. Moral Essays, Vol. I: De Providentia. De Constantia. De Ira. De Clementia / Ed. J. W. Basore. — Cambridge: Harvard University Press, 1928.
32. Suetoni Tranquilli, C. Opera / Ed. B.G. Teubneri. — Stutgardiae, 1964.
33. The Institutes of Gaius: Text with critical notes and translation. In 2 vols. / Ed. F. De Zulueta. — Oxford: Clarendon Press, 1946 (1953).
34. The Scriptores historiae Augustae. In 3 vols. / Ed. D. Magie. — Cambridge: Harvard University Press, 1967.
35. Valerii Martialis, M. Epigrammaton libri / Ed. W. Heraeus. — Leipzig: B. G. Teubner, 1925.
36. Valerius Maximus. Factorvm et Dictorvm Memorabilivm / Ed. K. F. Kempf. — Leipsig: Teubner, 1888.
37. Vegetius Renatus, F. Epitoma rei militaris / Ed. F. R. Müller. — Oxford, New York: Oxford University Press, Clarendon Press, 2004. — 180 p.

Переводы источников на русский язык

38. Авторы жизнеописаний Августов: приложение к Вестнику древней истории / [вст. ст. Е. А. Штаермана, А. И. Доватура; пер. А. И. Доватур и др.]. — М., 1957. — 233 с.
39. Аппиан Александрийский. Римская история / Пер.с греч. под ред. С.А. Жебелева и др. — М., «Ладомир», 2002.
40. Валерий Максим. Девять книг достопамятных деяний и высказываний / пер. с лат., коммент., вступ. ст. А. М. Сморгкова. М., 2020.
41. Гай. Институции / Лат. текст и рус. перевод Ф. Дыдынского. Варшава, 1892.
42. Геродиан. История императорской власти после Марка в восьми книгах / Пер. с греч. под ред. А. И. Доватура. СПб., 1995.

43. Гораций, Флакк Квинт. Полное собрание сочинений / Пер. под ред. и с прим. Ф. А. Петровского; Вступ. ст. В. Я. Каплинского. М., Л.: Academia, 1936.
44. Греческие полиоркеттики. Флавий Вегеций Ренат. СПб., 1996.
45. Дигесты Юстиниана. Т. I–VIII / Пер. с лат.; отв. ред. Л. Л. Кофанов. М., 2002–2006.
46. Иосиф Флавий. Иудейская война / Пер. с древнегреч. М. Финкельберг и А. Вдовиченко под ред. А. Ковельмана. М.; Иерусалим, 1993.
47. Иосиф Флавий. Иудейские древности: В 2-х томах / Пер. с греч. Г. Г. Генкеля. М., 1994.
48. Кассий Дион Коккейан. Римская история. Книги LI–LXXX / Перев. с древнегреч. под ред. А. В. Махлаюка; предисл. и коммент. А. В. Махлаюка. СПб., 2014.
49. Кассий Дион Коккейан. Римская история. Книги LXIV–LXXX / пер. с древнегреч. под ред. А. В. Махлаюка; комментарии и статья А. В. Махлаюка. 2-е изд. СПб., 2015.
50. Ливий Тит. История Рима от основания Города: В 3-х томах / Отв. ред. Е. С. Голубцова. М., 1989–1993.
51. Лукан, М. Анней. Фарсалия или поэма о Гражданской войне / Пер. с лат. Л. Е. Остроумова; введ., статья и коммент. Ф. А. Петровского. М., 1993.
52. Луций Анней Флор — историк древнего Рима / Немировский А. И., Дашкова М. Ф. — Воронеж: Изд-во Воронеж. ун-та, 1977. — 167 с.
53. Малые римские историки. Веллей Патрекул. Римская история. Анней Флор. Две книги Римских войн. Луций Ампелий. Памятная книжица / Пер. с лат. / Изд. подгот. А. И. Немировский. — М., 1995.
54. Марциал, Марк Валерий. Эпиграммы / Пер. Ф. А. Петровского, вступ. ст. В. С. Дурова. СПб., 1994.
55. Новый Завет на греческом языке с подстрочным переводом на русский язык / под ред. А. А. Алексеева. СПб, 2001.
56. Плиний Младший. Письма Плиния Младшего; Панегирик Траяну / Изд. подгот. М. Е. Сергеенко, А. И. Доватур. 2-е изд. М., 1984.

57. Плиний Старший. Естественная история. Книга VII / Пер. с латинского и ком. А.Н. Маркина // Вестник Удмуртского университета. Серия «История и филология». — 2012. — №3. — С. 155–166.
58. Плиний Старший. Естественная история. Том III. Книги V–VI / Изд. подг. А.В. Подосинов, Г.Л. Криволапов, М.В. Шумилин. — М.: Ун-т Дмитрия Пожарского, 2023. — 636, [4] с.
59. Плутарх. Моралии / Пер. с древнегреч. // ВДИ. 1976. № 3–4; 1977. № 1–4; 1978. № 1–4; 1979. № 1–4; 1980. № 1–4; 1981. № 1.
60. Плутарх. Сравнительные жизнеописания: В 2-х томах. Изд. 2-е, исправленное и дополненное / Изд. подгот. С. С. Аверинцев, М. Л. Гаспаров, С. П. Маркиш; отв. ред. С. С. Аверинцев. М., 1994.
61. Полибий. Всеобщая история / Пер. с древнегреч. Ф. Г. Мищенко; вступит ст. А. Я. Тыжова. Т. I–III. СПб., 1994–1995.
62. Саллюстий Крисп, Г. Сочинения / Пер., ст. и коммент. В. О. Горенштейна. М., 1981.
63. Светоний Транквилл, Г. Жизнь двенадцати цезарей / Изд. подгот. М. Л. Гаспаров, Е. М. Штаерман. М., 1993.
64. Сенека, Л. Анней. Нравственные письма к Луцилию / Изд. подгот. С. А. Ошеров. М., 1977.
65. Сенека, Л. Анней. Философские трактаты / Пер. с лат., вступит. ст. и комм. Т. Ю. Бородай. СПб., 2001.
66. Тацит, Корнелий. Сочинения в 2-х томах. Т. I. Анналы. Малые произведения / Изд. подгот. А. С. Бобович, Я. М. Боровский, М. Е. Сергеев. Т. II. История / Изд. подгот. Г. С. Кнабе, М. Е. Грабарь-Пассек, И. М. Тронский, А. С. Бобович. М., 1993.
67. Цезарь, Г. Юлий. Записки / Пер. с лат. М. М. Покровского. М.; Л., 1948 (М., 1993).
68. Циркин, Ю. Б. Античные и раннесредневековые источники по истории Испании. СПб.: Изд-во Санкт-Петербургского университета, 2006.

69. Цицерон, М. Туллий. Полное собрание речей в русском переводе (отчасти В. А. Алексеева, отчасти Ф. Ф. Зелинского) / Ред., введение и примечания Ф. Зелинского. В 2-х томах. Т. I (81–63 гг. до н. э.). СПб., 1901.
70. Цицерон, М. Туллий. О старости. О дружбе. Об обязанностях / Изд. подгот. В. О. Горенштейн, М. Е. Грабарь-Пассек, С. Л. Утченко. М., 1974.
71. Цицерон, М. Туллий. Речи: В 2-х томах / Изд. подгот. В. О. Горенштейн и М. Е. Грабарь-Пассек. М., 1993.
72. Цицерон, М. Туллий. Избранные сочинения / Пер. с лат. / Вступит. ст. Г. С. Кнабе. Харьков; М., 2000.
73. Ювенал. Сатиры / Пер. с лат. Д. С. Недовича и Ф. А. Петровского; вступит. ст. и коммент. В. С. Дурова. СПб., 1994.

Надписи и папирусы

74. Barkóczy L., Mócsy A. Die römischen Inschriften Ungarns. Lieferung 1–2. Budapest, 1972–1976.
75. Berliher griechische Urkunden. Aegyptische Urkunden aus den königlichen Museen zu Berlin. Bd. 1–9. Berlin, 1892–1937.
76. Cagnat R. Inscriptiones Graecae ad res Romanas pertinentes. Paris, 1927.
77. Cavenaile R. Corpus Papyrorum Latinarum. Wiesbaden, 1958.
78. Collingwood R. G., White R. Roman Inscriptions of Britain. Vol. I: Inscriptions on Stone. Oxford, 1965.
79. Corpus Inscriptionum Latinarum / Hrsg. A. Degrassi. Berlin, 1863– ...; N. S.: 1981– ...
80. Fink R. O. Roman Military Records on Papyrus. Ann Arbor (Mich.), 1971.
81. Hörig M., Schwertheim E. Corpus Cultus Iovis Dolicheni (CCID), Leiden, 1987.
82. Inscriptiones Daciae Romanae. Vol. I. București, 1975.
83. Inscriptions Grecques et Latines de la Syrie. Paris, 1929–...
84. Inscriptiones Latinae quae in Iugoslavia ... repertae et editae sunt, Ljubljana 1963–1986.

85. *Inscriptiones Latinae Selectae* / Hrsg. H. Dessau. Vol. I–III. Berolini, 1892–1916 (2 ed. – 1954–1955).
86. *L'Année Epigraphique*. Paris, 1881– ...
87. *Les Inscriptions Grecques et Latines du Colosse de Memnon* / Ed. A. Bernand, E. Bernand. — Le Caire, 1960. — 267 p.
88. P. Cattaoui I, ed. B. P. Grenfell, A. S. Hunt, P. M. Meyer // *Archiv für Papyrusforschung und verwandte Gebiete*. 1903–1906. Bd. III. P. 55–67.
89. *Papyri in the University of Michigan Collection* / Ed. C. C. Edgar, A. E. R. Boak, J. G. Winter et al. Ann Arbor, 1931–...
90. Pferdehirt B. *Römische Militärdiplome und Entlassungsurkunden in der Sammlung des Römisch-Germanischen Zentralmuseums*. Mainz 2004.
91. Preisigke F. et al. *Sammelbuch griechischer Urkunden aus Ägypten*. Strassburg; Berlin; Leipzig 1913– ...
92. Roxan M. *Roman Military Diplomas 1985–1993*. London, 1994.
93. *Supplementum Epigraphicum Graecum*, 1923–...
94. *Select papyri: In 5 volumes* / With an English translation by A. S. Hunt and C. C. Edgar. Vol. 1–5. Cambridge (Mass.); London, 1970–1977.
95. Speidel, M. P. *Die Denkmäler der Kaiserreiter. Equites singulares Augusti*. Köln, 1994.
96. *Tabulae Vindolandenses: The Vindolanda Writing-tablets* / Ed. A. K. Bowman and J. D. Thomas. London, 1983–...
97. *The Oxyrhynchus Papyri* / Ed. B. P. Grenfell, A. S. Hunt et al. London, 1898– ...
98. Welles B., Fink R. O., Gilliam J. F. *Excavations at Dura-Europos Conducted by Yale University and the French Academy of Inscriptions and Letter, Final Report. Vol. V, Part 1: The Parchments and Papyri*. New Haven, 1959.
99. Wessely K. *Studien zur Palaeographie und Papyruskunde*. Bd. I–XXIII. Leipzig, 1901–1924.

100. Иванова, Е. С. Карьера римского центуриона: от военного командования к управлению Империей / Е. С. Иванова // Античный мир и археология. — 2025. — Т. 22. Вып. 22. — С. 101–115.
101. Иванова, Е. С. Преторианская гвардия при дворе римского императора: обряд *salutatio*, императорский *convivium* и развлечения принцепса / Е. С. Иванова // *Via in Tempore*. История. Политология. — 2024. — Т. 51, № 1. — С. 34–43.
102. Иванова, Е. С. Римские центурионы как агенты императорской власти: делегированные полномочия и судебные функции / Е. С. Иванова // Ученые записки Казанского университета. Серия: Гуманитарные науки. — 2023. — Т. 165. № 4–5. — С. 79–91.
103. Иванова, Е. С. Центурионы в государственном управлении Римской империи: обзор историографии и постановка проблемы / Е. С. Иванова // Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского. — 2022. — № 6. — С. 8–16.
104. Кнабе, Г. С. Корнелий Тацит. Время. Жизнь. Книги / Г. С. Кнабе. — М.: Наука, 1981. — 208 с.
105. Колосовская, Ю. К. О романизации Дакии / Ю. К. Колосовская // ВДИ. — 1957. — №1. — С. 91.
106. Кудрявцев, О. В. Колхида, Иберия и Албания в I–II вв. н.э. // Всемирная история: В 13 томах. — М.: Государственное издательство политической литературы, 1956 г. — Т. 2. — 1956. — С. 687–691.
107. Ле Бозк, Я. Римская армия эпохи Ранней Империи / Ян Ле Бозк; [Пер. с фр. М. Н. Челинцевой]. — М.: РОССПЭН, 2001. — 398 с.
108. Ляст, Р. Е. Эпиграфические данные о коллегии Августалов в Остии в I–II в. н. э. / Р. Е. Ляст // Античный мир и археология. — 1974. — Вып. 2. — С. 46–60.
109. Блок, М. Апология истории, или Ремесло историка / Пер. с франц. Е.М. Лысенко. — М.: Наука, 1973. — 232 с.
110. Махлаюк, А. В. *Castrensis iurisdictio* и правовой статус воинов в римском гражданском процессе / А. В. Махлаюк // Вестник Литературного института им. А.М. Горького. — 2014. — № 3. — С. 104–113.

111. Махлаюк, А. В. Грани римского чуда. Власть и право Римской империи в исследованиях А.Л. Смышляева / А. В. Махлаюк // Право и политика в античном мире: Сборник научных трудов памяти Александра Леонидовича Смышляева / под ред. А. В. Махлаюка, И. Е. Сурикова. — М.: Институт всеобщей истории РАН, 2021. — С. 9–62.

112. Махлаюк, А. В. Идеи и подходы исторической антропологии в изучении римской армии / А. В. Махлаюк // Древнее Средиземноморье: религия, общество, культура. Сб. ст. под ред. О.П. Смирновой, А.Л. Смышляева. Пер. статей с франц. О.П. Смирновой. — М.: ИВИ РАН, 2005. — С. 83–113.

113. Махлаюк, А. В. Историк «века железа и ржавчины». Кассий Дион и его «Римская история» / А. В. Махлаюк // Дион Кассий. Римская история. Книги LXIV–LXXX / пер. и комм. А.В. Махлаюка. СПб.: Филологический факультет; Нестор-История, 2011. — С. 372–437.

114. Махлаюк, А. В. Солдаты Римской империи. Традиции военной службы и воинская ментальность / А. В. Махлаюк. — Санкт-Петербург: Филологический факультет Санкт-Петербургского государственного университета; Издательство «Акра», 2006. — 440 с.

115. Махлаюк, А. В. Стихотворная надпись центуриона М. Порция Ясуктана и римская *virtus* как категория воинской этики / А. В. Махлаюк // Из истории античного общества: межвузовский сборник научных трудов. — Н. Новгород: Национальный исследовательский Нижегородский государственный университет им. Н.И. Лобачевского, 2009. — С. 213–238.

116. Махлаюк, А. В., Негин А. Е. Повседневная жизнь римской армии в эпоху Империи / А. В. Махлаюк, А. Е. Негин. — СПб.: Евразия, 2021. — 510 с.

117. Парфенов, В. Н. Гобустанская надпись и восточная политика Флавиев / В. Н. Парфенов // Право и политика в античном мире: Сборник научных трудов памяти Александра Леонидовича Смышляева / под ред. А. В. Махлаюка, И. Е. Сурикова. — М.: Институт всеобщей истории РАН, 2021. — С. 282–344.

118. Парфенов, В. Н. К оценке военных реформ Августа / В. Н. Парфенов // Античный мир и археология. — 1990. — Т. 7, вып. 7. — С. 65–76.

119. Сергеевко, М. Е. Жизнь древнего Рима / М. Е. Сергеевко. — СПб.: Издательско-торговый дом «Летний Сад»; Журнал «Нева», 2000. — 368 с.
120. Сергеевко, М. Е. Простые люди древней Италии / М. Е. Сергеевко. — М.: Наука, 1964. — 161 с.
121. Смышляев, А. Л. *Civilis dominatio*: Римский наместник в провинциальном городе / А. Л. Смышляев // ВДИ. — 1997. — №3. — С. 24–35.
122. Смышляев, А. Л. Вступление наместника в провинциальный город (церемония *adventus* по Ульпиану) / А. Л. Смышляев // ВДИ. — 1991. — №4. — С. 106–117.
123. Смышляев, А. Л. Латинская надпись из Азербайджана: проблемы и история интерпретации / А. Л. Смышляев // ВДИ. — 2018. — № 3. — С. 581–610.
124. Смышляев, А. Л. Няня-кормилица в суде римского наместника / А. Л. Смышляев // ВДИ. — 2001. — №3. — С. 36–58.
125. Смышляев, А. Л. Об эволюции канцелярского персонала Римской империи в III в. н.э. / А. Л. Смышляев // ВДИ. — 1979. — № 3 (149). — С. 60–81.
126. Смышляев, А. Л. «Правление по-граждански» в представлении греческих писателей и в практике римской власти / А. Л. Смышляев // Исторический вестник (Рим: *dominatio civilis*. Под общ. ред. А. Л. Смышляева). — 2017. — Вып. 19. — С. 10–49.
127. Смышляев, А. Л. Римский наместник в провинциальном городе: *otium post negotium* / А. Л. Смышляев // ВДИ. — 1999. — №4. — С. 59–70.
128. Смышляев, А. Л. *Civilis dominatio*: Римский наместник в провинциальном городе / А. Л. Смышляев // ВДИ. — 1997. — № 3. — С. 24–35.
129. Утченко, С. Л. Древний Рим. События. Люди. Идеи / С. Л. Утченко. — Москва: Наука, 1969. — 324 с.
130. Шайд, Дж. Религия римлян / Дж. Шайд. — М.: Новое издательство, 2006. — 280 с.
131. Adams, J. N. The Poets of Bu Njem: Language, Culture and the Centurionate / J. N. Adams // JRS. — 1999. — № 89. — P. 109–134.

132. Alföldy, G. Das Heer in der Sozialstruktur des römischen Kaiserreiches / G. Alföldy // Idem. Römische Heeresgeschichte: Beiträge 1962–1985. Amsterdam, 1987. — S. 26–42.
133. Alföldy, G. The Social History of Rome / Alföldy G. (trans. by D. Braund, F. Pollock). — London: Croom Helm, 1985. — 251 p.
134. Alföldy, G. Zur Beurteilung der Militärdiplome der Auxiliarsoldate / G. Alföldy // *Historia*. — 1968. — №17. — S. 215–227.
135. Allason-Jones, L. Women in Roman Britain / Allason-Jones L. — London: British Museum Publications, 1989. — 208 p.
136. Alle Pendici dei Colli Albani: Dinamiche Insediative e Cultura Materiale ai Confini con Roma / Ed. A. L. Fischetti, P. Attema. — Barkhuis, 2019.
137. Allison, P. M. Mapping for Gender. Interpreting Artefact Distribution inside 1st- and 2nd-century A.D. forts in Roman Germany / P. M. Allison // *Archaeological Dialogues*. — 2006. — Vol. 13. — P. 1–20.
138. Allison, P. M. People and Spaces in Roman Military Bases / P. M. Allison. — Cambridge: Cambridge University Press, 2013. — 479 p.
139. Alston, R. Roman Military Pay from Caesar to Diocletian / R. Alston // *JRS*. — 1994. — Vol. 84. — P. 113–123.
140. Alston, R. Soldier and Society in Roman Egypt: A Social History / R. Alston. — London: Routledge, 1995. — 263 p.
141. Ankersdorfer, H. Studien zur Religion des römischen Heeres von Augustus bis Diokletian: Dissertation / H. Ankersdorfer. — Konstanz, 1973. — 226 p.
142. Ash, R. Ordering Anarchy. Armies and Leaders in Tacitus' Histories / R. Ash. — Duckworth, London: University of Michigan Press, 1999. — 246 p.
143. Astin, A. E. Regimen Morum / A. E. Astin // *JRS*. — 1988. — Vol. 78. — P. 14–34.
144. Armstrong, J., Fronda, M. P. Romans at War: Soldiers, Citizens, and Society in the Roman Republic / J. Armstrong, M. P. Fronda. — Milton Park: Taylor & Francis, 2020. — 375 p.

145. Bablitz, L. *Actors and Audience in the Roman Courtroom* / L. Bablitz. — London; New York: Routledge, 2007. — 290 p.
146. Baehr, W. *De Centurionibus Legionariis Quaestiones Epigraphicae* / W. Baehr. — Berolini, 1900. — 58 S.
147. Bagnall, R. S. *Reading Papyri, Writing Ancient History* / R. S. Bagnall. — London: Routledge, 1995. — 128 p.
148. Balland, A. *Sur la Nudité des Nymphes* / A. Balland // *Publications de l'École Française de Rome*. — 1976. — T. 27. — P. 1–11.
149. Beck, R. *The Mysteries of Mithras* / R. Beck // *Voluntary Associations in the Graeco-Roman World* / Ed. J.S. Kloppenborg, S. G. Wilson. — London; New York: Routledge, 1996. — P. 176–183.
150. Bennett, J. *Two New Centurions of the Legio III Scythica* / J. Bennett // *Latomus*. — 2007. — № 66(2). — P. 404–413.
151. Bérenger, A. *Le Métier de Gouverneur dans l'Empire Romain: de César à Dioclétien* / A. Bérenger. — Paris: Éditions de Boccard, 2014. — 535 p.
152. Bernstein, N.W. *Each Man's Father Served as his Teacher: Constructing Relatedness in Pliny's Letters: In loving memory of Harry Bernstein (1913–2008)* / N. W. Bernstein // *Classical Antiquity*. — 2008. — Vol. 27. — No. 2. — P. 203–230.
153. Birley, A. R. *Vindolanda; new writing-tablets 1986–9* / A. R. Birley // *Roman Frontier Studies 1989: Proceedings of the XVth International Congress of Roman Frontier Studies*, 1991. — P. 16–20.
154. Birley, E. *A Centurial Inscription from Carlisle* / E. Birley // *Roman Britain and the Roman Army: collected papers*. — Kendal: Titus Wilson and Son, Ltd., 1953. — P. 179–180.
155. Birley, E. *A Roman Altar from Old Kilpatrick and Interim Commanders of Auxiliary Units* / E. Birley // *Latomus*. — 1983. — № 42. — P. 73–83.
156. Birley, E. *Promotions and Transfers in the Roman Army II: The Centurionate* / E. Birley // *The Roman Army papers 1929–1986*. — Amsterdam: J. C. Gieben, 1988. — P. 206–220.

157. Birley, E. *The Origins of Legionary Centurions* / E. Birley // *The Roman Army papers 1929–1986*. — Amsterdam: J. C. Gieben, publisher, 1988. — P. 189–205.
158. Bowman, A. K. *The Town Councils of Roman Egypt* / A. K. Bowman. — Toronto: A. M. Hakkert LTD, 1971. — 192 p.
159. Braund, D. *Notes from the Black Sea and Caucasus: Arrian, Phlegon and Flavian Inscriptions* / D. Braund // *Ancient Civilisations from Scythia to Siberia*. — 2003. — Vol. 9. — № 3–4. — P. 175–191.
160. Breeze, D. J. *Introduction* / D. J. Breeze // *The Frontiers of Imperial Rome*. — Barnsley: Pen & Sword Books Ltd, 2011. — 242 p.
161. Brown, R. "Virtus consili expers": An Interpretation of the Centurions' Contest in Caesar, *De bello Gallico* 5, 44 / R. Brown // *Hermes*. — 2004. — Vol. 132. — Hft. 3. — P. 292–308.
162. Brunt, P. A. *Procuratorial Jurisdiction* / P. A. Brunt // *Idem. Roman Imperial Themes*. — Oxford, 1990. — P. 163–87.
163. Burton, G. P. *Provincial Procurators and the Public provinces* / G. P. Burton // *Chiron*. — 1993. — Bd. 23. — P. 13–28.
164. Burton, G. P. *Proconsuls, Assizes and the Administration of Justice under the Empire* / G. P. Burton // *JRS*. — 1975. — Vol. 65. — P. 92–106.
165. Burton, P. J. *Amicitia in Plautus: a Study of Roman Friendship Processes* / P. J. Burton // *American Journal of Philology*. — 2004. — Vol. 125. — P. 209–243.
166. Busch, St. *Versus Balnearum. Die antike Dichtung über Bäder und Baden im Römischen Reiche* / St. Busch. — Stuttgart, Leipzig: Teubner, 1999. — 616 p.
167. Cafaro, A. *Governare l'Impero: la "Praefectura Fabrum" fra Legami Personali e Azione Politica (II sec. aC–III sec. dC)* / A. Cafaro. — Stuttgart: Franz Steiner Verlag, 2021. — 613 p.
168. Caldelli, M. L. *Women in the Roman World* / M. L. Caldelli // *The Oxford Handbook of Roman Epigraphy* / Ed. Ch. Bruun, J. Edmondson. — Oxford: Oxford University Press, 2015. — P. 582–604.

169. Campbell, D. B. Women in Roman Forts: Residents, Visitors or Barred from Entry? / D. B. Campbell // *Ancient Warfare magazine*. — 2010. — Vol. IV. — No. 6. — P. 48–53.
170. Campbell, J. B. The Emperor and the Roman Army, 31 BC–AD–235 / J. B. Campbell. — Oxford: Clarendon Press, 1984. — 457 p.
171. Campbell, J. B. The Marriage of Soldiers under the Empire / J. B. Campbell // *JRS*. — 1978. — Vol. 68. — P. 153–166.
172. Campbell, J. B. The Roman Army, 31 BC – AD 337: A Sourcebook / J. B. Campbell. — London; New York: Routledge, 1994. — 272 p.
173. Carrié, J.-M. Il Soldato / J.-M. Carrié // *L'uomo Romano* / A cura di A. Giardina. — Bari, 1989. — P. 105–106.
174. Carroll, M. Spirits of the Dead: Roman Funerary Commemoration in Western Europe / M. Carrol. — Oxford: Oxford University Press, 2006. — 352 p.
175. Casella, E. C. 'Safe' Genders? / E. C. Casella // *Archaeological Dialogues*. — 2006. — Vol. 13. — P. 25–27.
176. Cenerini, F. La Donna Romana: Modelli e Realtà / F. Cenerini. — Roma: Il mulino, 2002. — 182 p.
177. Cerva, M. La Praefectura Fabrum. Un'introduzione / M. Cerva // *Les élites municipales de l'Italie péninsulaire de la mort de César à la mort de Domitien. Classes sociales dirigeantes et pouvoir central* / ed. M Cébeillac-Gervasoni. — Naples: Publications du Centre Jean Bérard, Publications de l'École française de Rome, 2000. — P. 177–196.
178. Cherry, D. Soldiers' Marriages and Recruitment in upper Germany and Numidia / D. Cherry // *Ancient History Bulletin*. — 1989. — Vol. 3. — P. 128–130.
179. Cherry, D. The Marriage of Roman Citizens and Non-Citizens: Law and Practice: Dissertation / D. Cherry; University of Ottawa. — Ottawa, 1985.
180. Cipriani, G. Dai Centurioni alla Retorica: Analisi Logico-Formale di una Digressione (Caesar, B. G., 5, 44) / G. Cipriani // *La cultura in Cesare, Atti del Convegno Internazionale di Studi (Macerata – Matelica, 30 aprile–4 maggio 1990)*. Vol. II / A cura D. Poli. — Roma, 1993. — P. 535–552.

181. Claudon, J.- F. Les Ambassades des Cités Grecques d'Asie Mineure Auprès des Autorités Romaines. De la Libération des Grecs à la fin du Haut- Empire (196 av. J.- C. – 235 apr. J.- C.). 2 vols: Diss. / J.- F. Claudon; École Pratique des Hautes Études Paris. — Paris, 2015.
182. Coopey, E. *Fratres Romani in Dalmatia: the Social Dynamics of Legio VII and the Construction of Community and Cdentity through Roman Funerary Monuments* : Master Thesis / E. Coopey; Macquarie University. — Sydney, 2021. — 127 p.
183. Crizbasan, C. *Moving Communities and Changing Ceramics: The Impact of Batavian Auxiliaries across the Roman Empire*: PhD Diss. / University of Exeter. — Exeter, Devon, 2023.
184. Crook, J. A. *Law and Life of Rome* / J. A. Crook. — New York: Cornell University Press, 1967. — 349 p.
185. Cupcea, G. *Centurions: Military or Social Elite?* / G. Cupcea // *Social Interactions and Status Markers in the Roman World* / Ed. George Cupcea and Rada Varga. — Bicester: Archaeopress, 2018. — P. 151–164.
186. Cupcea, G. *On Police and Administrative Duties of the Roman Military: Regionarii* / G. Cupcea // *Acta Musei Napocensis*. — 2016. — Vol. 53.1. — P. 151–176.
187. Davenport, C. *A History of the Roman Equestrian Order* / C. Davenport. — Cambridge: Cambridge University Press, 2019. — 738 p.
188. Davenport, C. *Soldiers and Equestrian Rank in the third century AD* / C. Davenport // *Papers of the British School at Rome*. — 2012. — Vol. 80. — P. 89–123.
189. Davies, R. W. *Service in the Roman Army* / Ed. D. Breeze and V. A. Maxfield. — Edinburgh: Edinburgh University Press, 1989. — 336 p.
190. Davison, D. P. *The Barracks of the Roman Army from the 1st to 3rd Centuries A.D.: A Comparative Study of the barracks from Fortresses, Forts, and Fortlets with an Analysis of Building Types and Construction, Stabling, and Garrisons* / D. P. Davison. — Oxford: B. A. R., 1989. — 914 p.
191. Demougin, S. *Prosopographie des Chevaliers Romains Julio–Claudiens (43 av. J.–C.–70 ap. J.–C)* / S. Demougin. — Rome: Ecole française de Rome, 1992. — 715 p.

192. Dixon, S. *The Roman Family* / S. Dixon. — Baltimore: Johns Hopkins University Press, 1992. — 279 p.
193. Dixon, S. *The Roman Mother* / S. Dixon. — New York: University of Oklahoma Press, 1988. — 286 p.
194. Dobson, B. *Die Primipilares. Entwicklung und Bedeutung, Laufbahnen und Persönlichkeiten eines römischen Offiziersranges* / B. Dobson. — Köln: Rheinland-Verlag; Bonn: Habelt, 1978. — 386 S.
195. Dobson, B. *The Primipilares of the Roman Army: PhD Diss.* / Durham University. — Durham, 1955. — 338 p.
196. Dobson, B. *The Centurionate and Social Mobility during the Principate* / B. Dobson // *Recherches sur les structures sociales dans l'Antiquité classique*. — Paris: Éditions du Centre national de la recherche scientifique, 1970. — P. 99–116.
197. Dobson, B. *Legionary Centurion or Equestrian Officer? A Comparison of Pay and Prospects* / B. Dobson // *Ancient Society*. — 1972. — Vol. 3. — P. 193–207.
198. Dobson, B. *The Significance of the Centurion and 'Primipilaris' in the Roman Army and Administration* / B. Dobson // *ANRW*. — 1974. — Bd. 2.1. — P. 392–434.
199. Domaszewski, A. *Die Rangordnung des römischen Heeres*. — Bonn: A. Marcus und E. Weber, 1908. — 275 S.
200. Driel-Murray C., van. *The Men of Dura-Europos: A Demographic Profile of the Cohors XX Palmyrenorum* / C., van. Driel-Murray // *Relativism and the Frontiers of Empire: Critical Perspectives on Roman Soldiers, Communities and Military Landscapes* / Ed. A. Walas, A. Birley. — Bicester: Archaeopress Publishing Ltd, 2025. — P. 170–179.
201. Durry, M. *Juvénal et les Prétoriens* / M. Durry // *Revue des études latines*. — 1935. — Vol. 13. — P. 95–106.
202. Eck, W. *Diplomacy as Part of the Administrative Process in the Roman Empire* / W. Eck // *Diplomats and Diplomacy in the Roman World* / Ed. C. Eilers. — Leiden: Brill, 2009. — P. 193–207.

203. Eck, W. Herrschaftssicherung und Expansion: Das römische Heer unter Augustus / W. Eck // *Studi su Augusto. In occasione del XX centenario della morte / A cura di G. Negri e A. Valo.* — Torino, 2016. — S. 77–93.
204. Eck, W. Honorary Statues as a Means of Public Communication in Iudaea / Syria Palaestina / W. Eck // *Scripta Classica Israelica.* — 2015. — Vol. 34. — P. 19–26.
205. Eck, W. Monumente der Virtus. Kaiser und Heer im Spiegel epigraphischer Denkmäler / W. Eck // *Kaiser, Heer und Gesellschaft in der römischen Kaiserzeit / Hrsg. von G. Alföldy, B. Dobson, W. Eck.* — Stuttgart: Steiner, 2000. — S. 483–496.
206. Eck W., Pangerl A. Neue Diplome Mit Den Namen von Konsuln Und Statthaltern / W. Eck, A. Pangerl // *ZPE.* — 2013. — Bd. 187. — S. 273–294.
207. Eck W., Pangerl A. Vier neue Diplome aus Konstitutionen von Vespasian, Traian, Hadrian und Septimius Severus / W. Eck, A. Pangerl // *ZPE.* — 2023. — Bd. 225. — S. 251–260.
208. Eilers, C. Introduction / C. Eilers // *Idem. Diplomats and diplomacy in the Roman world.* Vol. 304. — Leiden: Brill, 2009. — P. 1–15.
209. Elliott, S. Pertinax: The Son of a Slave Who Became Roman Emperor / S. Elliott. — Barnsley: Greenhill books, 2020. — 224 p.
210. Faoro, D. Praefectus, Procurator, Praeses: Genesi delle Cariche Presidiali Equestri nell'Alto Impero Romani: PhD Diss. / D. Faoro; Le Monnier Università. — Milan, 2011. — 438 p.
211. Fishwick, D. Dated Inscriptions and the Feriale Duranum / D. Fishwick // *Syria.* — 1988. — Bd. 65. — P. 349–361.
212. Fishwick, D. The Imperial Cult in the Latin West: Studies in the Ruler Cult of the Western Provinces of the Roman Empire. Vol. 3. Provincial Cult. Part 2. The Provincial Priesthood / D. Fishwick. — Leiden: Brill, 2002. — 342 p.
213. Fleming, M. K. Identity and Identification: Femininity on Hadrian's Wall: PhD Diss. / M. K. Fleming; Durham University. — Durham, 2019. — 331 p.
214. Foubert, L. Female Travellers in Roman Britain: Vibia Pacata and Julia Lucilla // *Women and the Roman City in the West / Ed. E.A. Hemelrijk, G. Woolf.* — Leiden; Boston: Brill, 2013. — P. 391–403.

215. Frézouls, E. Le Commandement et ses Problems / E. Frézouls // La Hiérarchie (Rangordnung) de l'Armée romaine sous le Haut-Empire. Actes du Congrès de Lyon (15–18 septembre 1994) / Ed. Y. Le Bohec. P., 1995. — P. 157–166.
216. Friedl, R. Der Konkubinat im kaiserzeitlichen Rom: von Augustus bis Septimius Severus / R. Friedl. — Stuttgart: F. Steiner, 1996. — 417 p.
217. Freyburger, G. La Supplication d'action de Graces sous le Haut-Empire / G. Freyburger // ANRW. — 1978. — Bd. II 16.2. — P. 1418–1439.
218. Fuhrmann, C. J. Policing the Roman Empire: Soldiers, Administration, and Public Order. / C. J. Fuhrmann. — New York: Oxford University Press, 2012. — 354 p.
219. Garnsey P., Saller, R. The Roman Empire: Economy, Society and Culture. 2nd ed. / P. Garnsey, R. Saller. — Oakland, California: University of California Press, 2015. — 328 p.
220. Gilliver, K. The Augustan Reform and the Structure of the Imperial Army / K. Gilliver // A Companion to the Roman Army / Ed. P. Erdkamp. — Oxford: Blackwell Publishing, 2007. — P. 183–200.
221. Ginsburg, M. Roman Military Clubs and Their Social Functions / M. Ginsburg // Transactions and Proceedings of the American Philological Association. — 1940. — Vol. 71. — P. 149–156.
222. Goldsworthy, A. The Complete Roman Army / A. Goldsworthy. — London: Thames & Hudson, 2003. — 224 p.
223. Greene, E. M. Women and Families in the Auxiliary Military Communities of the Roman West in the First and Second Centuries AD: PhD Diss. / E. M. Greene; University of North Carolina. — Chapel Hill, 2011. — 378 p.
224. Greene, E.M., Harvey, C.A. Military Communities from East to West: Understanding local contexts and Responses at Dura-Europos and Vindolanda / E.M. Greene, C.A. Harvey // Dura-Europos: Past, Present, and Future / Ed. L.R. Brody, A.H. Chen. — Turnhout: Brepols, 2025. — P. 198–200.
225. Greene, E. M. Roman Military Communities and the Families of Auxiliary Soldiers / E. M. Greene // New Approaches to Greek and Roman Warfare / Ed. L. L. Brice. — Hoboken: John Wiley & Sons, Inc., 2020. — P. 149–160.

226. Grubbs, J. E. *Women and the Law in the Roman Empire: a Sourcebook on Marriage, Divorce and Widowhood* / J. E. Grubbs. — London: Routledge, 2002. — 288 p.
227. Hallett, J. *Fathers and Daughters in Roman Society: Women and the Elite Family* / J. Hallett. — Princeton: Princeton University Press, 1984. — 422 p.
228. Hallmannsecker, M. *Diplomacy and External Relations* / M. Hallmannsecker // Idem. *The Oxford Handbook of Greek Cities in the Roman Empire*. — Oxford: Oxford University Press. 2024. — P. 278–292.
229. Hauken, T., Malay, H. *A New Edict of Hadrian from the Province of Asia setting Regulations for Requisitioned Transport* / T. Hauken, H. Malay // *Selbstdarstellung und Kommunikation: Die Veröffentlichung staatlicher Urkunden auf Stein und Bronze in der Römischen Welt* / Ed. R. Haensch. — Munich: C.H. Beck, 2009. — P. 327–348.
230. Haynes, I. *Introduction: the Roman Army as a Community* / I. Haynes // *The Roman Army as a Community* / Ed. A. Goldsworthy and I. Haynes. — Portsmouth: *Journal of Roman Archaeology*, 1999. — P. 7–14.
231. Hassall, M. *Homes for Heroes: Married Quarters for Soldiers and Veterans* / M. Hassal // *The Roman Army as a Community* / Ed. A. Goldsworthy and I. Haynes. — Portsmouth: *Journal of Roman Archaeology*, 1999. — P. 35–40.
232. Helgeland, J. *Roman Army Religion* / J. Helgeland // *ANRW*. — 1978. — Bd. II. 16. 2. — P. 1470–1505.
233. Herz, P. *Sacrifice and Sacrificial Ceremonies of the Roman Army* / P. Herz // *Sacrifice in Religious Experience* / Ed. A. I. Baumgarten. — Leiden, 2002. — P. 81–100.
234. Hodgson, N. *The Accommodation of Soldiers' Wives in Roman Fort Barracks — on Hadrian's Wall and Beyond* / N. Hodgson // *Life in the Limes: Studies of the people and objects of the Roman frontiers* / Ed. R. Collins, F. McIntosh. — Oxbow Books, 2014. — P. 18–28.
235. Hoffmann, B. *The Quarters of Legionary Centurions of the Principate* / B. Hoffmann // *Britannia*. — 1995. — Vol. 26. — P. 107–152.

236. Højte, J. M. Roman Imperial Statue Bases from Augustus to Commodus / J. M. Højte. — Aarhus: Aarhus University Press, 2005. — 658 p.
237. Jacques, F. Les Curateurs des Cités dans L'occident Romain de Trajan à Galien. Études Prosopographiques / F. Jacques. — Paris: Nouvelles Editions latines, 1983. — 436 p.
238. Jahn, J. Zur Entwicklung romischer Soldzahlungen von Augustus bis auf Diokletian / J. Jahn // Studien zu den Fundmünzen der Antike 2. — Berlin: Berlin Mann, 1984. — P. 53–74.
239. James, S. Engendering Change in our Understanding of the Structure of Roman Military Communities / S. James // Archaeological Dialogues. — 2006. — Vol. 13. — P. 31–36.
240. James, S. The Community of the Soldiers: a Major Identity and Centre of Power in the Roman Empire / S. James // TRAC 98: Proceedings of the Eighth Annual Theoretical Roman Archaeology Conference / Ed. P. Baker, C. Forcey, S. Jundi, and R. Witcher. — Oxford, 1999. — P. 14–25.
241. Jung, J. H. Das Ehrerecht des römischen Soldaten / J. H. Jung // ANRW. — 1982. — Bd. II.14. — S. 302–346.
242. Kantor, G. Procuratorial Jurisdiction in the Lex Portorii Asiae / G. Kantor // ZPE. — 2011. — Bd. 179. — P. 155–158.
243. Katzoff, R. Judicial Reasoning in P. Catt-Fraus Legi / R. Katzoff // Transactions and Proceedings of the American Philological Association. — 1970. — Vol. 101. — P. 241–252.
244. Kennedy, D. C. Velius Rufus / D. C. Kennedy // Britannia. — 1983. — Vol. 14. — P. 183–196.
245. Keppie, L. The Making of the Roman Army / L. Keppie. — London: B.T. Batsford, 1984. — 271 p.
246. Kolendo, J. Le Rôle du Primus Pilus dans la vie Relegieuse de la Légion. En Rapport avec Quelques Inscriptions de Novae / J. Kolendo // Archeologia. — 1980 (1982). — T. XXXI. — P. 49–60.

247. Kölnik, T. Q. Atilius Primus Interpres, Centurio und Negotiator / T. Q. Kölnik // *Acta Archaeologica*. — 1978. — T. 30. — №1–2. — P. 61–76.
248. Konstan, D. *Friendship in the Classical World* / D. Konstan. — Cambridge: Cambridge University Press, 1997. — 206 p.
249. Kumpitsch, W. The Late Antique Roman Officer as a Religious Functionary in the Christian Roman Army / W. Kumpitsch // *Storia Militare Antica*. — 2022. — Vol. 3. — P. 449–470.
250. Kyrychenko, A. *The Roman Army and the Expansion of the Gospel: The Role of the Centurion in Luke-Acts* / A. Kyrychenko. — Berlin: Walter de Gruyter, 2014. — 228 p.
251. Le Bohec, Y. *La IIIe légion Auguste* / Y. Le Bohec. — Paris: Editions du Centre national de la recherche scientifique, 1989. — 632 p.
252. Le Bohec, Y. *L'armée Romaine sous le Haut-Empire* / Y. Le Bohec. — Paris: Picard, 1989. — 287 p.
253. Le Bohec, Y. *Un Centurion Tueur et Voyeur* / Y. Le Bohec // *Dans le secret des archives. Justice, ville et culture au Moyen Âge, Sources et commentaires offerts à Nicole Gonthier* // édit. M. Billoré et J. Picot. — Rennes, 2014. — P. 305–316.
254. Lassère, J.-M. *Biographie d'un Centurion (C.I.L., VIII, 217–218)* / J.-M. Lassère // *Antiquités africaines*. — 1991. — T. 27. — P. 53–68.
255. Lendon, J. E. *Soldiers and Ghosts: a History of Battle in Classical Antiquity* / J. E. Lendon. — New Haven; London: Yale University Press, 2005. — 480 p.
256. Lendon, J. E. *Empire of Honour. The Art of Government in the Roman World* / J. E. Lendon. — Oxford: Clarendon Press, 1997. — 320 p.
257. Linden-High, A. C. *Enslaved and Freed Persons in Roman Military Communities under the Principate (27 BCE–284 CE): PhD Diss.* / Duke University. Durham, 2020; — 421 p.
258. Lozano Gómez, F. *El Culto a los Emperadores en el Ejército Romano: el Caso del Feriale Duranum* / F. Lozano Gómez // *Arys*. — 2014. — Vol. 12. — P. 213–237.

259. Lopez, C.R. Los Centuriones en la Epigrafía Romana de Hispania: las Relaciones Sociales / C.R. Lopez // *Gladius*. — 2018. — Vol. XXXVIII. — P. 47–65.
260. Loschiavo, L. The Civilian Legacy of the Roman Army: Military Models in the Post Roman World / L. Loschiavo. — Leiden: Brill, 2024. — 520 p.
261. MacMullen, R. Roman Imperial Building in the Provinces / R. MacMullen // *Harvard Studies in Classical Philology*. — 1959. — Vol. 64. — P. 207–235.
262. MacMullen, R. Enemies of the Roman Order / R. MacMullen. — London: Routledge, 1966. — 384 p.
263. MacMullen, R. Roman Social Relations, 50 B.C. to A.D. 284 / R. MacMullen. — New Haven: Yale University Press, 1974. — 212 p.
264. MacMullen, R. Soldier and Civilian in the Later Roman Empire / R. MacMullen. — Cambridge (Mass.): Harvard University Press, 1963. — 217 p.
265. MacMullen, R. The Legion as a Society / R. MacMullen // *Historia: Zeitschrift für Alte Geschichte*. — 1984. — Bd. 33. — Hft. 4. — P. 440–456.
266. Mairs, R. Interpretes, Negotiatores and the Roman Army: Mobile Professionals and Their Languages / R. Mairs // *Migration, Mobility and Language Contact in and around the Ancient Mediterranean* / Ed. J. Clackson, etc. — Cambridge: Cambridge University Press, 2020. — P. 203–229.
267. Mander, J. Portraits of Children on Roman Funerary Monuments / J. Mander. — Cambridge: Cambridge University Press, 2013. — 397 p.
268. Manklow, C. H. Standing by the Standards: Military Rank and Social Status in the Roman West from Augustus to Diocletian: PhD Diss. / University of Cambridge. — Cambridge, 2020. — 221 p.
269. Mann, J. C. The Development of Auxiliary and Fleet Diplomas / J.C. Mann // *Epigraphische Studien. Sammelband*. — 1972. — Bd. 9. — P. 233–241.
270. Martínez, R. E. Signa Militaria y Esprit de Corps: La Función del Elemento Simbólico-Religioso en la Construcción de la Identidad del Soldado Romano Republicano / R. E. Martínez // *Bandue. Revista de la Sociedad Española de Ciencias de las Religiones*. — 2022. — Vol. 14. — P. 117–136.

271. Maunder, P. Families of the Frontier: The Role of Women and Children in Roman Military Communities on Hadrian's Wall: Master Thesis / The University of Queensland. Brisbane, 2025.
272. Maxfield, V. A. The Military Decorations of the Roman Army / V. A. Maxfield. — London: Batsford, 1981. — 304 p.
273. McCormack, E. P. The Regionalization of Equestrians and Centurions in the Roman Imperial Army: Master Thesis / E. P. McCormack; University of New Brunswick. — New Brunswick, 1997. — 133 p.
274. Millar, F. Government and Diplomacy in the Roman Empire during the first three centuries / F. Millar // *The International History Review*. — 1988. — Vol. 10. — No. 3. — P. 345–377.
275. Naldini, M. Il Cristianesimo in Egitto: Lettere Private nei Papiri dei secoli II–IV / M. Naldini. — Fiesole: Nardini, 1998. — 464 p.
276. Nelis-Clément J. Les Beneficarii: Militaires et Administrateurs au Service de l'Empire (Ier s.a. C. – VIe s.p. C.) / J. Nelis-Clément. — Paris: Ausonius Éditions, 2000. — 557 p.
277. Nobbs, A. A Revolt in the Time of Diocletian: The Evidence of the Paniskos Papyri / A. Nobbs // *Ancient Society*. — 1986. — Vol. 16. — No. 3. — P. 132–136.
278. Nobbs, A. Dysfunctional Communications in Late Antique Egypt / A. Nobbs // *Registers and Modes of Communication in the Ancient Near East Getting the Message Across* / Ed. K. H. Keimer, G. Davis. — London: Routledge, 2018. — P. 220–227.
279. Pagan, V. E. Conspiracy Narratives in Roman History / V. E. Pagan. — Austin: University of Texas Press, 2004. — 197 p.
280. Palao Vicente, J. J. Virtus Centurionis. La Figura del Centurión en César / J. J. Palao Vicente // *Gerión*. — 2009. — T. 27. — N. 1. — P. 191–206.
281. Peachin, M. Five Vindolanda Tablets, Soldiers, and the Law / M. Peachin // *TYCHE*. — 1999. — Bd. 14. — P. 223–235.
282. Peachin, M. Petition to a Centurion from the NYU Papyrus Collection and the Question of Informal Adjudication Performed by Soldiers / M. Peachin // *Miscellanea*

in memory of P. J. Sijpesteijn / Ed. A. J. B. Sirks and K. A. Worp. — Ohio: The American Society of Papyrologists, 2007. — P. 79–97.

283. Pegler, A. Social Organisations within the Roman Army / A. Pegler // TRAC 99: Proceedings of the Ninth Annual Theoretical Roman Archaeology Conference, Durham 1999 / Ed. G. Fincham, G. Harrison, R. Rodgers Holland, and L. Revell. — Oxford: Oxbow Books, 2000. — P. 37–43.

284. Pekàry, T. Das Opfer vor dem Kaiserbild / T. Pekàry // Bonner Jahrbücher für Altertumswissenschaft. — 1986. — Bd. 186. — S. 91–103.

285. Perea Yébenes, S. Collegia Militaria: Asociaciones Militares en el Imperio Romano / S. Perea Yébenes. — Madrid: Signifer Libros, 1999. — 600 p.

286. Peretz, D. The Roman Interpreter and his Diplomatic and Military Roles / D. Peretz // Historia. — 2006. — Bd. 55. — Hft. 4. — P. 451–470.

287. Phang, S. E. The Families of Roman Soldiers (First and Second Centuries A. D.): Culture, Law, and Practice / S. E. Phang // Journal of Family History. — 2002. — Vol. 27. — No. 4. — P. 352–373.

288. Phang, S. E. The Marriage of Roman Soldiers (13 BC – AD 235): Law and Family in the Imperial Army / S. E. Phang. — Leiden: Brill, 2001. — 470 p.

289. Phang, S. E. Roman Military Service: Ideologies of Discipline in the late Republic and early Principate / S. E. Phang. — Cambridge: Cambridge University Press, 2008. — 336 p.

290. Pflaum, H.G. Les Procurateurs Equestres sous le Haut-Empire Romain / H. G. Pflaum. — Paris: A. Maisonneuve, 1950. — 357 p.

291. Piso, I., Cupcea, G. Ein Centurio Regionarius aus der Legio X Fretensis in Dakien / I. Piso, G. Cupcea // Tyche. Beiträge zur Alten Geschichte, Papyrologie und Epigraphik. — 2014. — Bd. 29. — S. 115–124.

292. Rawson, B. Children and Childhood in Roman Italy / B. Rawson. — Oxford: Oxford University Press, 2003. — 419 p.

293. Rawson, B. Children in the Roman Familia / B. Rawson // Idem. The Family in Ancient Rome: New Perspectives. — London and Sydney: Croom Helm, 1986. — P. 170–200.

294. Rawson B., Dasen V., Späth T. Degrees of Freedom: Vernae and Junian Latins in the Roman Familia / B. Rawson, etc. // *Children, Memory, and Family Identity in Roman Culture* // Ed. V. Dasen and T. Späth. — Oxford: Oxford University Press, 2010. — P. 195–221.
295. Rebuffat, R. Le Centurion M. Porcius Iasuchan (Notes et documents XI) / R. Rebuffat // *Libya Antiqua*. — 1995. — T. 1. — P. 79–123.
296. Rebuffat, R. Le Poeme de Q. Avidius Quintianus a la deesse Salus / R. Rebuffat // *Karthago*. — 1987. — Vol. 21. — P. 93–105.
297. Reynolds, J. Aphrodisias and Rome: Documents from the Excavation of the Theatre at Aphrodisias Conducted by Professor Kenan T. Erım, together with some Related Texts / J. Reynolds. — London: Society for the Promotion of Roman Studies, 1989. — 214 p.
298. Richier, O. Centurialia Varia I. À propos du Centurio Veteranorum / O. Richier // *Latomus*. — 2002. — T. 61, Fasc. 1. — P. 92–101.
299. Richier, O. Centuriones ad Rhenum: les Centurions Legionnaires des Armées Romaines du Rhin / O. Richier. — Paris: De Boccard, 2004. — 773 p.
300. Ricci, C. Security in Roman Times Rome, Italy and the Emperors / C. Ricci. — London, New York: Routledge, 2018. — 300 p.
301. Rives, J. Religion in the Roman Provinces / J. Rives // *The Oxford Handbook of Roman Epigraphy* / Ed. Ch. Bruun, J. Edmondson. — Oxford: Oxford University Press, 2015. — P. 420–444.
302. Roselaar, S. T. Local Administration / S. Roselaar // *The Oxford Handbook of Roman Law and Society* / Ed. P. J du Plessis, C. Ando, K. Tuori. — Oxford: Oxford University Press, 2016. — P. 124–136.
303. Rosenmeyer, P. A. The Language of Ruins: Greek and Latin Inscriptions on the Memnon Colossus / P. A. Rosenmeyer. — Oxford: Oxford University Press, 2018. — 260 p.
304. Roxan, M.M. An Emperor Rewards his Supporters: the Earliest Extant Diploma issued by Vespasian / M.M. Roxan // *Journal of Roman Archaeology*. — 1986. — Vol. 9. — P. 247–256.

305. Saller, R. Men's Age at Marriage and its Consequences in the Roman Family / R. Saller // *Classical Philology*. — 1987. — Vol. 82. — P. 21–34.
306. Saller, R.P. Patriarchy, Property and Death in the Roman Family / R.P. Saller. — Cambridge: Cambridge University Press, 1994. — 249 p.
307. Saller, R.P. Personal Patronage under the Early Empire / R.P. Saller. — Cambridge: Cambridge University Press, 2002. — 222 p.
308. Sijpesteijn, P. J. Settlement of a Debt and Extracts from Census Registers / P. J. Sijpesteijn // *ZPE*. — 1993. — Bd. 98 — P. 283–291.
309. Scheidel, W. Brother-sister Marriage in Roman Egypt / W. Scheidel // *Journal of Biosocial Science*. — 1997. — №29. — P. 361–371.
310. Shaw, B. D. The Age of Roman Girls at Marriage: Some Reconsiderations / B. D. Shaw // *JRS*. — 1987. — Vol. 77. — P. 30–46.
311. Shaw, B. D. 'With Whom I Lived': Measuring Roman Marriage. *Ancient Society*. — 2002. — Vol. 32. — P. 195–242.
312. Speidel, M. A. Augustus' militärische Neuordnung und ihr Beitrag zum Erfolg des Imperium Romanum / Speidel M. A. // *Idem. Heer und Herrschaft im Römischen Reich der Hohen Kaiserzeit*. — Stuttgart: Steiner, 2009. — S. 19–51.
313. Speidel, M. A. Being a Soldier in the Roman Imperial Army — Expectations and Responses / M. A. Speidel // *Le métier de soldat dans le monde romain: Actes du cinquième Congrès de Lyon (23–25 septembre 2010)* / Ed. C. Wolff. — Lyon, 2012. — P. 175–191.
314. Speidel, M. A. Maximinus and the Thracians. Herodian on the coup of 235, and ethnic networks in the Roman army of the Third Century CE / M.A. Speidel // *Mobility in Research on the Black Sea Region* / Ed. V. by Cojocaru, A. Rubel. — Cluj-Napoca: Mega, 2016. — P. 339–365.
315. Speidel, M. The Framework of an Imperial Legion // M. Speidel // *The Fifth Annual Caerleon Lecture in Honorem Aquilae Legionis II Augustae*. — Cardiff: National Museums and Galleries of Wales, 2002. — P. 125–143.
316. Speidel, M. A. Roman army Pay Scales / M. A. Speidel // *JRS*. — 1992. — Vol. 82. — P. 87–105.

317. Speidel, M. A. Roman Soldiers' Letters. The Importance of Writing Letters in the Roman Army / M. A. Speidel // *La correspondance privée dans la Méditerranée antique : sociétés en miroir* / Ed. M. Dana. — Bordeaux: Ausonius, 2023. — P. 261–271.
318. Speidel, M. A. Soldiers and Documents: Insights from Nubia. The Significance of Written Documents in Roman Soldiers' Everyday Lives / M. A. Speidel // *Literacy in Ancient Everyday Life* / Ed. A. Kolb. — Berlin: de Gruyter, 2018. — P. 179–200.
319. Speidel, M. P. Regionarii in Lower Moesia / M. P. Speidel // *ZPE*. — 1984. — Bd. 57. — P. 185–188.
320. Speidel, M. P., Dimitrova-Milčeva, A. The Cult of the Genii in the Roman Army and a New Military Deity / M.P. Speidel, A. Dimitrova-Milčeva // *ANRW*. — 1978. — Bd. II. 16. 2. — S. 1541–1555.
321. Stäcker, J. Princeps und Miles. Studien zum Bindungsund Nachverhältnis von Kaiser und Soldat im 1. und 2. Jahrhundert n. Chr. Hildesheim / J. Stäcker. — Zürich: Olms, 2003. — 485 p.
322. Stoll, O. Legionäre, Frauen, Militärfamilien: Untersuchungen zur Bevölkerungsstruktur und Bevölkerungsentwicklung in den Grenzprovinzen des Imperium Romanum / O. Stoll // *Jahrbuch des Römisch-Germanischen Zentralmuseums*. — 2006. — Bd. 53. — S. 217–334
323. Stoll, O. "Offizier und Gentleman". Der römische Offizier als Kultfunktionär / O. Stoll // *Klio*. — 1998. — Bd. 80. — Hft. 1. — S. 134–162.
324. Stoll, O. The Religions of the Armies / O. Stoll // *A Companion to the Roman Army* / Ed. P. Erdkamp. — Oxford: Blackwell, 2007. — P. 451–476.
325. Summerly, J. R. Studies in the Legionary Centurionate: PhD Diss. / Durham University. — Durham, 1992. — 259 p.
326. Syme, R. Tacitus. Vol. 1–2 / R. Syme. — Oxford: Oxford University Press, 1958. — 856 p.
327. Syme, R. The Roman Revolution / R. Syme. — Oxford: Clarendon Press, 1939. — 568 p.
328. Tacoma, L. E. Lost Along the Way: A Centurion Domo Britannia in Bostra / L. E. Tacoma // *Britannia*. — 2016. — Vol. 47. — P. 1–12.

329. Thomas, C. Claudius and the Roman Army Reforms / C. Thomas // *Historia. Zeitschrift für Alte Geschichte*. — 2004. — Bd. 53. — Hft. 4. — S. 424–452.
330. Tomaskova, S. Next Stop: Gender. Women at Roman Military Forts in Germany / S. Tomaskova // *Archaeological Dialogues*. — 2006. — Vol. 13. — P. 20–25.
331. Treggiari, S. Roman Marriage: Iusti Coniuges from the Time of Cicero to the Time of Ulpian / S. Treggiari. — Oxford: Clarendon Press, 1991. — 578 p.
332. Verboven, K. Friendship among the Romans / K. Verboven // *The Oxford Handbook of Social Relations in the Roman world* / Ed. Peachin. — Oxford: Oxford University Press, 2011. — P. 404–421.
333. Ward, G. A. Centurions: the Practice of Roman Officership: PhD Diss. / University of North Carolina. — Chapel Hill, 2012. — 308 p.
334. Watson, G. R. The Roman Soldier / G.R. Watson. — New York; Ithaca: Cornell UP, 1969. — 256 p.
335. Watson G. R., Campbell B. Ducenarii // *Oxford Research Encyclopedia of Classics*. 2015. — URL: <https://doi.org/10.1093/acrefore/9780199381135.013.2311>.
336. Wegeleben, Th. Die Rangordnung der romischen Centurionen / Th. Wegelben. — Berlin: W. Weber, 1913. — 60 S.
337. Wells, C. M. Celibate Soldier: Augustus and the Army / C. M. Wells // *American Journal of Ancient History*. — 1998. — Vol. 14. 2. — P. 180–190.
338. Wei R., Kelly B. The Roman Aristocracy at Court / R. Wei, B. Kelly // *The Roman Emperor and his Court c. 30 BC–c. AD 300: Vol. 1, Historical Essays* / Ed. B. Kelly, A. Hug. — Cambridge: Cambridge University Press, 2022. — P. 85–114.
339. Weydert, M. N. E. Inscriptions des Thermes de Lambèse / M. N. E. Weydert // *Bulletin Archéologique Du Comité Des Travaux Historiques et Scientifiques*, 1912. — P. 345–355.
340. Welch, K. Caesar and his Officers in the Gallic War Commentaries / K. Welch // *Julius Caesar as artful reporter. The War Commentaries as a Political Instruments* / Ed. K. Welch, A. Powell. — London: The Classical Press of Wales, 1998. — P. 85–110.

341. Wheeler, E. L. *The Army and the Limes in the East* / E. L. Wheeler // *A Companion to the Roman Army* / Ed. P. Erdkamp. — Malden; Oxford: Blackwell, 2007. — P. 234–266.

342. Wheeler, E. L. *Legio XV Apollinaris: from Carnuntum to Satala—and beyond* / E. L. Wheeler // *Les légions de Rome sous le Haut-Empire* / Ed. Y. Le Bohec. — Lyon: De Boccard, 2000. — T. 1. — P. 259–308.

343. Wheeler, E. L. *Pullarii, Marsi, Haruspices, and Sacerdotes in the Roman Imperial Army* / E. L. Wheeler // *A Roman Miscellany: Essays in Honour of Anthony Birley on his Seventieth Birthday*. — Gdańsk: Foundation for the Development of Gdańsk University, 2008. — P. 185–201.

344. Whitehorne, J. *Petitions to a Centurion: A Question of Locality?* / J. Whitehorne // *Bulletin of the American Society of Papyrologists*. — 2004. — Vol. 41. — P. 155–169.

345. Whitehorne, J. *Strategus, Centurion or Neither: BGU I 321 and 322 and their Duplicates* / J. Whitehorne // *Bulletin of the American Society of Papyrologists*. — 2003. — Vol. 40. — P. 201–211.

346. Wissowa, G. *Religion und Kultus der Römer* / G. Wissowa. — München: Beck, 1912. — P. 423–426.

347. Witschel, C. *The Public Presence of Women in the Cities of Roman North Africa. Two Case Studies: Thamugadi and Cuicul* / C. Witschel // *Women and the Roman City in the Latin West* / Ed. E. Hemelrijk, G. Woolf. — Leiden: Brill, 2013. — P. 85–108.

348. Wood, E. *Roman Military Finds from Non-Military Contexts in South-East England and the Role of the Roman Army in Romano-British Society: PhD Diss.* / King's College London. — London, 2023. — 401 p.

349. Wypustek, A. *Nudas Videre Nymphas in an Inscription from Aque Flavianae: Abduction of Hylas?* / A. Wypustek // *Elites in the Ancient World (Szczecińskie Studia nad Starożytnością II)* / Ed. P. Briks. — Szczecin: Wydawnictwo Naukowe, 2015. — P. 167–172.

350. Zerbini, A. Greetings from the Camp. Memories and Preoccupations in the Papyrus Correspondence of Roman Soldiers with their Families / A. Zerbini // *Guerra e memoria nel mondo antico* / Ed. E. Franchi, G. Proietti. — Trento, 2015. — P. 287–342.

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

Периодические, коллективные труды и справочные издания

ВДИ — Вестник древней истории

ANRW — Aufstieg und Niedergang der römischen Welt / H. Temporini and W. Haase. Berlin; New York, 1972–...

JRS — Journal of Roman Studies

TRAC — Proceedings of the Theoretical Roman Archaeology Conference

ZPE — Zeitschrift für Papyrologie und Epigraphik

Надписи и папирусы

AE — L'Année Epigraphique. Paris, 1881– ...

BGU — Berliher griechische Urkunden. Aegyptische Urkunden aus den königlichen Museen zu Berlin. Bd. 1–9. Berlin, 1892–1937.

CCID — Hörig, M., Schwertheim, E. Corpus Cultus Iovis Dolicheni (CCID), Leiden, 1987.

CIL — Corpus Inscriptionum Latinarum / Hrsg. A. Degrassi. Berlin, 1863– ...; N. S.: 1981– ...

CPL — Cavenaile R. Corpus Papyrorum Latinarum. Wiesbaden, 1958.

IDR — Inscriptiones Daciae Romanae. Vol. I. București, 1975.

IGLS — Inscriptions Grecques et Latines de la Syrie. Paris, 1929–...

IGRR — Cagnat R. Inscriptiones Graecae ad res Romanas Pertinentes. Paris, 1927.

ILJug — Inscriptiones Latinae quae in Iugoslavia ... repertae et editae sunt, Ljubljana 1963–1986.

ILS — Inscriptiones Latinae Selectae / Hrsg. H. Dessau. Vol. I–III. Berolini, 1892–1916 (2 ed. – 1954–1955).

Fink — Fink R. O. Roman Military Records on Papyrus. Ann Arbor (Mich.), 1971.

P. Cattaoui — P. Cattaoui I, ed. B. P. Grenfell, A. S. Hunt, P. M. Meyer // Archiv für Papyrusforschung und verwandte Gebiete. 1903–1906. Bd. III. P. 55–67.

P. Dura — Welles B., Fink R. O., Gilliam J. F. Excavations at Dura-Europos Conducted by Yale University and the French Academy of Inscriptions and Letter, Final Report. Vol. V, Part 1: The Parchments and Papyri. New Haven, 1959.

P. Mich. — Papyri in the University of Michigan Collection / Eds. C. C. Edgar, A. E. R. Boak, J. G. Winter et al. Ann Arbor, 1931—...

P. Oxy. — The Oxyrhynchus Papyri / Eds. B. P. Grenfell, A. S. Hunt et al. London, 1898— ...

RIB — Collingwood R. G., White R. Roman Inscriptions of Britain. Vol. I: Inscriptions on Stone. Oxford, 1965.

RIU — Barkóczi L., Mócsy A. Die römischen Inschriften Ungarns. Lieferung 1–2. Budapest, 1972–1976.

RMD — Roxan M. Roman Military Diplomas 1985–1993. London, 1994.

RMM — Pferdehirt B. Römische Militärdiplome und Entlassungsurkunden in der Sammlung des Römisch-Germanischen Zentralmuseums. Mainz 2004.

SB — Preisigke F. et al. Sammelbuch griechischer Urkunden aus Ägypten. Strassburg; Berlin; Leipzig 1913— ...

SEG — Supplementum Epigraphicum Graecum, 1923—...

Stud. Pal. — Wessely K. Studien zur Palaeographie und Papyruskunde. Bd. I–XXIII. Leipzig, 1901–1924.

Tab. Vindol. — Tabulae Vindolandenses: The Vindolanda Writing-tablets / eds. A. K. Bowman and J. D. Thomas. London, 1983—...

Сочинения античных авторов, юридические памятники, сборники текстов

App. — Appianus (Аппиан Александрийский)

B. C. — Bella civilia («Гражданские войны»)

Apul. Met. — Apuleius. Metamorphosae (Апулей «Метаморфозы»)

Caes. B. civ. — Caesar, C. Iulius. Commentarii de bello civili (Гай Юлий Цезарь «Записки о гражданской войне»)

Caes. B. Gall. — Caesar, C. Iulius. Commentarii de bello Gallico (Гай Юлий Цезарь «Записки о Галльской войне»)

- Cic. — Cicero, M. Tullius (Марк Туллий Цицерон)
- Amic. — Laelius de Amicitia («Лелий, или О дружбе»)
- Att. — Epistulae ad Atticum («Письма к Аттику»)
- Phil. — Philippicae («Филиппики»)
- CTh — Codex Theodosianus (Кодекс Феодосия)
- Dig. — Digestae Iustiniani (Дигесты Юстиниана)
- Dio Cass. — Cassius Dio Cocceianus. Historia Romana (Кассий Дион Коккейан «Римская история»)
- Dio Chrys. Or. — Dio Chrysostomus. Orationes (Дион Хрисостом «Речи»)
- Dion. Hal. Ant. Rom. — Dionysius Halicarnessensis. Antiquitates Romanorum (Дионисий Галикарнасский «Римские древности»)
- Euseb. HE — Eusebius Caesariensis. Historia Ecclesiastica (Евсевий Кесарийский «Церковная история»)
- FIRA — Fontes iuris Romani antejustiniani / Ed. S. Riccobono etc. Editio altera. Vol. I–III. Firenze, 1940–1942
- Front. Strat. — Frontinus. Strategemata (Фронтин, Секст Юлий «Стратегемы [Военные хитрости]»)
- Gai. Inst. — Gaius. Institutiones (Гай «Институции»)
- Herodian. — Herodianus. Ab excessu divi Marci (Геродиан «История императорской власти после Марка в восьми книгах»)
- Hirt. B. Afr. — Hirtius. Bellum Africanum (Гирций «Африканская война»)
- Horat. — Horatius Flaccus, Q. (Квинт Гораций Флак)
- Carm. — Carmina («Оды»)
- Inst. — Institutiones Iustiniani (Институции Юстиниана)
- Ios. B. Iud. — Iosephus Flavius. Bellum Iudaicum (Иосиф Флавий «Иудейская война»)
- Ios. Ant. Iud. — Iosephus Flavius. Antiquitates Iudaeorum (Иосиф Флавий «Иудейские древности»)
- Iuv. Sat. — Iuvenalis, D. Iunius. Saturae (Децим Юний Ювенал «Сатиры»)

Liv. — Livius, Titus. *Ab Urbe condita* (Тит Ливий «История Рима от основания Города»)

Lucan. *Phars.* — Lacanus, M. Anneus. *Pharsalia, sive De bello civile* (М. Анней Лукан «Фарсалия, или О гражданской войне»)

Martial. *Epigr.* — Martialis, M. Valerius. *Epigrammata* (Марк Валерий Марциал «Эпиграммы»)

NT — *Novum Testamentum* (Новый завет):

Matth. — *Matthaeum* («Евангелие от Матфея»)

Marc. — *Marcum* («Евангелие от Марка»)

Ioan. — *Ioannes* («Евангелие от Иоанна»)

Luca — («Евангелие от Луки»)

Philo. *In Flacc.* — Philo Alexandrinus. *In Flaccum* (Филон Александрийски «Против Флакка»)

Plin. — *Plinius, Gaius Secundus Minor* (Гай Плиний Секунд Младший)

Epist. — *Epistulae* («Письма»)

Pan. — *Panegyricus Traiani* («Панегирик Траяну»)

Plin. *HN* — *Plinius, Gaius Secundus Maior. Historia Naturalis* (Гай Плиний Секунд Старший «Естественная история»)

Plut. — *Plutarchus* (Плутарх Херонейский)

Vitae («Параллельные жизнеописания»):

Caes. — Юлий Цезарь

Cato Mai. — Катон Старший

Galba — Сульпиций Гальба

Otho — Сальвий Отон

Pomp. — Гней Помпей

Sull. — Корнелий Сулла

Polyb. — *Polybius. Historia* (Полибий «Всеобщая история»)

Sall. *B. Iug.* — *Sallustius Crispus, C. Bellum Iugurthinum* (Г. Саллюстий Крисп «Югуртинская война»)

Sen. Epist. — Seneca Minor, L. Anneus. Epistulae (Л. Анней Сенека Младший «Письма к Луциллию»)

SHA — Scriptores Historiae Augustae («Писатели истории Августов»)

Did. — Didius Iulianus (Жизнеописание Дидия Юлиана)

Heliog. — Heliogabal (Жизнеописание Гелигабала)

Maxim. — Maximinus (Жизнеописание Максимины)

Pesc. Nig. (Жизнеописание Песценния Нигра)

Sil. Ital. Pun. — Silius Italicus, Tiberius Catius Asconius. Punica (Силий Италик, Тиберий Катий Асконий «Пуника»)

Suet. — Suetonius Tranquillus, C. Caesares (Гай Светоний Транквилл «Жизнь двенадцати цезарей»):

Aug. — Augustus (Жизнеописание Августа)

Calig. — Caligula (Жизнеописание Гая Калигулы)

Claud. — Claudius (Жизнеописание Клавдия)

Div. Iul. — Divus Iulius (Жизнеописание Божественного Юлия Цезаря)

Vesp. — Vespasianus (Жизнеописание Веспасиана)

Suet. De Gram. — De grammaticis et rhetoribus («О грамматиках и риторках»)

Tac. — Tacitus, P. Cornelius (Публий Корнелий Тацит):

Agr. — Agricola («Жизнеописание Юлия Агриколы»)

Ann. — Annales («Анналы»)

Dial. — Dialogus de oratoribus («Диалог об ораторах»)

Hist. — Historiae («История»)

Val. Max. — Valerius Maximus. Factorum et dictorum memorabilium libri novem (Валерий Максим «Девять книг достопамятных деяний и изречений»)

Veget. — Vegetius Renatus, Flavius. Epitoma rei militaris (Флавий Вегетий Ренат «Краткое изложение военного дела»)

ПРИЛОЖЕНИЯ

Приложение 1. Папирусные документы

1.1 P. Oxy. XIX. 2234. Оксиринх, Египет. 31 г. н. э.

1 Κυ[ίντ]φι Καίωι Πάσσερι ἑκατοντάρχῃ
 2 παρὰ Ἑρ[μ]ωνος τοῦ Δημητρίου. ὑπάρχει μοι πε-
 3 ρὶ κόμην Τῆιν τῆς Θμοισεφῶι τοπαρχίας τοῦ
 4 Ὀξυρυγχείτου παππικὸς πατρικὸς κλῆρος Δρύ-
 5 ου λεγόμενος, ἐν [ῶ]ι δημόσιον χῶμα καὶ λάκ-
 6 κος κατὰ μέσον τῶν ἡμετέρων καὶ ναύβια
 7 καὶ ἕτερα ὑπέρ τε πάντων τελῶν τὰ καθή-
 8 κοντα δημόσια, καταβιαζόμενος δὲ καὶ συν-
 9 αρποζόμενος ὑπὸ ἀλιέων Παύσιος καὶ {Π}
 10 Παψιοῦτος καὶ τοῦ ἀδελφοῦ καὶ Καλεοῦς καὶ
 11 Μέλανος καὶ Ἀττίνου καὶ Πασόιτος καὶ τῶν
 12 σὺν αὐ[τ]οῖς οὐκ ὄντων ὀλίγων. ἐπαγαγόν-
 13 τες καὶ Τίτιον στρατιώτην μετὰ πολλῶν
 14 λίγων καὶ ξυστρῶν ἐπελθόντες ἐπὶ τὸν
 15 ἡμέτ[ε]ρον λάκκον μετὰ κολλορόβων ἡλί-
 16 ευσαν καὶ ἀνέσπασαν ἰχθ[ῦ]ν ἄξιον ἐπὶ τὸ
 17 αὐτὸ [ἄ]ργυρίου (τάλαντον) α, κ[α]ὶ λογοποιουμένου
 18 μου [αὐτοῖς] ἔγγισαν με ὡς μέλλοντές με
 19 ἐκπο[. . .]ν. ἐπ[ε]ὶ δὲ κατὰ πολλὰ βιάζοντά
 20 με, τὴν ἐπὶ σε καταφυ[γ]ὴν ποιούμενος
 21 ἀξιῶ, ἐὰν φαίνεται, ἀχθῆναι τοὺς ἐγκαλου-
 22 μένου[ς] ἐπὶ σε, ὅπως ἀπ[ο]δῶσί μοι τὴν
 23 τιμὴν τοῦ ἰχθύος, ὡς προ[εῖρ]ηται, εἰς δὲ τὸ μέλ-
 24 λον ἀποσχῶνται τῶν ἡμετέρων, ἴν' ὧ
 25 εὐεργετημένος. διευτύχ(ει).
 26 (ἔτους) ιζ Τιβερίου Καίσαρος Σεβαστοῦ Παχῶν ιζ.

«Квинту Гаю Пассеру, центуриону, от Гермения, сына Деметрия. Принадлежит мне [расположенный] около селения Теис, топархии Тмоисефо, Оксиринхского нома, [унаследованный] от деда и отца участок земли, называемый Дрио («Лесной»), на котором общественная плотина и пруд посреди наших владений, и кубические меры (навбии), и другие [сооружения]. За все это положенные общественные налоги [я плачу]. Но [я терплю] притеснения и грабежи со стороны рыбаков Паисия и Папсиутя, брата его, и Калейя, и Мелания, и Аттиния, и Пасойтия, и от их сообщников, которых немало. Приведя с собой и Тития, солдата, со множеством сетей и скребков, обступая наш пруд с удочками, они ловили рыбу и вытаскивали рыбы на сумму в один талант серебра. И когда я стал говорить им [об этом], они набросились на меня, собираясь меня... Так как они всячески притесняют меня, обращаясь к тебе за спасением, прошу, если это кажется ясным, привести обвиняемых к тебе, чтобы они компенсировали мне стоимость рыбы, о которой говорилось выше, и чтобы [в следующий раз] они остерегались прикасаться к нашему, и чтобы я был вознагражден. Будь счастлив. В 17 год Тиберия Цезаря Августа, месяца Пахона 17».

1.2 BGU I, 4. Арсиноит, Египет. 177 г. н. э.

1 Σεουήρφ Ἰούστῳ (ἐκατοντάρ)χ(η)

2 παρὰ Αὐρηλίου Ἀβούτος

3 οὐετρανοῦ. ἡνίκα ἐστρα-

4 τεύομην, κύριε, ἐν Πηλου-

5 σίῳ, παρεθέμην Πετεσοῦ-

6 χῳ τινὶ συνστρατ[ιώτ]η

7 μου καὶ φίλῳ σκεύη ἐν

8 συντιμήσει δραχμῶν

9 ὀκτακοσίων. μετατεθέν-

10 τος μου εἰς ἄλα Βουκοντί-

11 ων καὶ ὡς ἐλο[γ]οποιού-

12 μην πρὸς αὐτὸν περὶ τού-

13 των μετὰ <τὴν> ἀμφοτέρων

14 ἀπόλυσιν, λόγον μου

15 οὐ πεποίηται. διὸ ἀξιῶ

16 ἔχοντός μ[ου] μεσείτην

17 Συρίωνα Ἰσ[ι]δώρου ἀπὸ

18 κ[. . .]. ο[. . .]ωμολο

19 γ[- ca.13 -]

«Северу Юсту, центуриону, от Аврелия Абута, ветерана. Когда я состоял на военной службе, господин, в Пелузии, я отдал на хранение некоему Петесуху, своему сослуживцу и другу, вещи (снаряжение?), оцененные в 800 драхм. После меня перевели в алу Буконтиев. И когда я завел с ним об этом речь после увольнения нас обоих, мои слова не были им приняты [во внимание]. Поэтому прошу, через посредника моего, Сириона, сын Исидора, из...»

1.3 P. Mich. X. 582. Арсиноит, Египет. 50 г. н. э.

- 1 παρὰ Νεμεσίωνος τ[ο]ῦ Ζω[ίλου]
- 2 [[τῶν ἀπὸ]] \πράκτορος [ἀρ]γυρικῶν/ ἀπὸ Φιλαδελφείας τ(ῆς) Ἡρακ[λείδου]
- 3 μερίδος τοῦ Ἀρσεινοεΐτου ν[ο]μοῦ.
- 4 [[πράκτορος ἀργυρικῶν]] \Ωρίων Πετοσίρεως ἀκθὶς σὺν ἐμοί/
- 5 \[υ. .]/ τῷ δεκάτῳ ἔτι Τιβερίου Κλαυδίου
- 6 Καίσαρος Σεβαστοῦ Γερμανικοῦ Αὐτοκράτορος
- 7 εἰς τὴν εἰσπραξίν τῶν δημοσίων,
- 8 καὶ πρακτωρεύσας ἀριθμή-
- 9 σις τέσσαρες κατεφρόνη-
- 10 σεν, οὐκέτι τῆς [[τάξεως]] \ἰσπράξεως/ ἀντεχ(όμενος),
- 11 μήτε ὦν ἀπολύσιμος
- 12 \γεωργός/ μήτε ἐν λευκώματ(ι).
- 13 διὸ ἀξιῶ σε τὸν πάντων
- 14 σωτῆρα ὅπως γράψῃς
- 15 Καττίῳ τῷ ἐπὶ τῶν τό-
- 16 πων ἑκατοντάρχῃ
- 17 ἐπανανκάσαι τὸν
- 18 Ὁρίωνα ἀντέχεσθε
- 19 τῆς πρακτορίας τῶν
- 20 δημοσίων πρὸς τὸ μη-
- 21 δὲν ἔλατον τοῖς δημοσίοις
- 22 ἐπακλουθῆσαι,
- 23 ἵν' ὦμεν εὐεργετημένοι.

«От Немезия, сына Зойла, сборщика налога, уплачиваемого серебром, из деревни Филадельфия Гераклеийского округа Арсинойского нома. Сборщик налога, уплачиваемого серебром, Горион, сын Петосира, назначенный вместе со мной в 10 год Тиберия Клавдия Цезаря Августа

Германика Императора для сбора общественных налогов и прослуживший четыре сезона, пренебрег [своими обязанностями] и больше не собирает налоги, не являясь при этом ни «освобожденным» крестьянином, ни состоявшем в списке. Поэтому я прошу тебя, покровителя всех, чтобы ты написал Клотию, центуриону-регионарию, принудить Гориона исполнять обязанности сборщика, чтобы не было недостатка в государственных налогах, и мы могли получить пользу».

1.4 P. Mich. III. 175. Арсиноит, Египет. 193 г. н. э.

1 Ἀμμωνίῳ Πατέρνω (ἐκατοντάρ)χ(η)
 2 παρὰ Μέλανος Ὠρίωνος ἀπὸ κώμης Σο-
 3 κνοπαίου [Ν]ήσου ἱερέως τοῦ ὄντος ἐν τῇ
 4 κώμῃ θε[ο]ῦ. ὑπάρχει ἐμοί τε καὶ τοῖς ἀ-
 5 νεψιοῖς μ[ο]ῦ Φανήσι καὶ Ἀρπαγάθῃ κοι-
 6 νῶς ἐξ ἴσου παππικὸν κατὰ μητέρα ἐν τῇ
 7 αὐτῇ κώμῃ ψειλὸς τόπος περιτετιχισμέ-
 8 γος ἔνθα [ἀ]ποτιθόμεθ[α] κατ' ἔτος ὃν ἔχο-
 9 μεν χόρτου. τοῦ οὖν ἐνὸς Ἀρπαγάθου ὑ-
 10 πογύως τελευτήσαντος καὶ τοῦ μέρους
 11 αὐτοῦ καταντήσαντος εἰς ἀμφοτέρους
 12 ἐξ ἴσου, ἐχθές, ἥτις ἦν κβ, ἐμοῦ ἀποτιθο-
 13 μένου ἐν τῷ τόπῳ τὸν ἡμέτερον χόρ-
 14 τον ὃ Φανῆσις βιαίως καὶ αὐθάδως
 15 ἐπελθὼν ἐκσπετέρισεν μου τὸν χόρτον οὐ-
 16 κ ἔασας με ἐν τῷ ἡμετέρῳ μέρει ἀποτί-
 17 θεσθαι ἐπιχειρῶν ἐκ τούτου ἀποθεῖν
 18 με καὶ αὐτὸν μόνον ἀντιποιεῖσθαι τοῦ μοι
 19 προσήκοντος οὐ μόνον ἀλλὰ καὶ τὴν ἀνω-
 20 τάτην μοι ὕβριν παρεῖχεν. ὅθεν ἀξιῶ κελεῦ-
 21 σε μεταπεμφθῆναι αὐτὸν ἵνα δυνηθῶ τῆς
 22 ἀπὸ [σ]οῦ ἐπικίας τυχεῖν. διευτύχει.
 23 (ἔτους) α Ποῦβλί[ο]υ Ἑλβίου Περτίνακος Σεβαστο(ῦ)
 24 Φαρμούθι κγ.

«Аммонию Патерну, центуриону, от Мелана, сына Гориона, из деревни Сокнопайу Несос, жреца бога в этом селении. Принадлежит мне и моим двоюродным братьям, Фанесию и Гарпагату, сообща и в равных долях, доставшийся от деда по матери в той же деревне пустующий

участок, обнесенный стеной, куда мы каждый год складываем имеющееся у нас сено. Недавно один из нас, Гарпагат, скончался и его доля перешла к нам обоим в равных частях. Вчера, то есть 22-го числа, когда я складывал на участке наше сено, Фанесий, напав насильственно и самоуправно, разбросал мое сено, не позволив мне складывать его на нашей доле, пытаясь тем самым вытеснить меня и единолично завладеть принадлежащим мне. Он не только это сделал, но и всячески меня оскорбил. Поэтому я прошу приказать вызвать его, чтобы я мог у тебя найти справедливость. Будь счастлив. В 1 год Публия Гельвия Пертинакса Августа, месяца Фармути 23».

1.5 P. BGU I. 98. Арсиноит, Египет. 211 г. н. э.

1 Κρ[η]νολοῦϊω Κνιγτιλιανῶ (ἐκατοντά)ρχ(ῳ)
 2 παρὰ Νομ[έ]ως Ἐριέως ἀπὸ κώμης Σοκνο-
 3 παίου Νήσου Ἡ[ρα]κλείδου μερίδος. ὁ γενόμε-
 4 νός μου καὶ [μετ]ηλλαχὼς ἀνὴρ Ἀτῆς Σα-
 5 ταβοῦτος ἀπὸ [τῆς α]ὐτῆς κώμης ἐτελεύτησεν
 6 ἐπὶ κληρονόμοις τοῖς γεγονόσι ἐξ ἐμοῦ καὶ αὐ-
 7 τοῦ τέκνοις Ἀπύγχει καὶ Τάησι καὶ Τασηύτι
 8 ἀφήλιξι, ἐπίτροπος δὲ αὐτῶν ὁ κατὰ πατέρα
 9 αὐτῶν θεῖος Ἀβούς, τὰ δὲ καταλειφθέν-
 10 τα ἐπράθη, ὧν ἡ συναγομένη τιμὴ
 11 ἐν ἀργυρίῳ ἔ[με]ινεν παρὰ τῷ αὐτῷ ἐπι-
 12 τρόπῳ ἔξω [πυρ]οῦ ἀρταβῶν ἀφεθειςῶν
 13 εἰς τὰς ἀναγκαίας τροφὰς τοῖς [ἀ]φήλιξι, ἀπο-
 14 κειμένων ἐν [κ]έλλῃ οὔσῃ ἐν τε τοῦ ἀνδρός
 15 μου καὶ τοῦ ἐπιτρόπου οἰκία ἐπὶ σφραγί-
 16 δων ἐμοῦ τε καὶ τοῦ ἐπιτρόπου. ἐπεὶ οὖν
 17 προῆλθον αὐτῷ ὅ[π]ως μ[ετ]ὰ τὰς χωρού-
 18 σας αὐτοῖς εἰς τροφ[ὰ]ς τὰς λοιπὰς πραθῆναι ἢ
 19 ἐγδανισθῆναι ἐπὶ θ[ε]ρίᾳ πρὸς τὸ μὴ διαφθα-
 20 ρῆναι τὸν πυρὸν ἀποκείμενον, ὁ δὲ ἀφορμαῖς
 21 χρώμενοις ὁδὲ ὁπότερον αὐτῶν ἐποίησεν
 22 οὐ μόνον, ἀλλὰ καὶ οὐκ ἔμεινεν τῇ γενομένῃ
 23 μεσιτίᾳ. περὶ τούτου ἀναγκαίως ἐπιδίδωμι καὶ ἀ-
 24 ξιῶ ἐὰν σοὶ δόξῃ, κελεῦσαι αὐτὸν ἀχθῆναι ἐπὶ
 25 σὲ λόγον ἀποδώσοντα περὶ τούτου.
 26 Τανομιεύς φς (ἐτῶν) γ. οὐλ(ῇ) μήλω δεξ(ιῷ)

27 (ἔτους) ιθ Λουκίου Σεπτ(ιμίου) Σευήρου Περτίνακος καὶ Μάρκου Αὐρηλίου
 28 Ἀντωνίνου) καὶ Πουβλίου Σεπτ(ιμίου) Γέτα Βρετανικῶν Μεγίστων Εὐσεβ[ῶν]
 29 Σεβαστῶν Τῦβι κη.

«Кренулевию Квинтилиану, центуриону, от Номии, дочери Гериея, из деревни Сокнопайу Несос, Гераклидовой стороны. Бывший мне мужем покойный Атеис, сын Сатабуса, [родом] из той же деревни, умер, наследниками [оставив] рожденных от меня и от него малолетних детей — Апунхия, Тэсу, Тасевта. Опекун их — дядя по отцу — Абус. Завещанное имущество было продано, а собранная с этого выручка в серебре осталась у опекуна, кроме артаба пшеницы, оставленного для необходимого пропитания малолетних и хранящегося в подвале дома моего мужа и опекуна под печатями моими и опекуна. Но когда пришли к нему, чтобы оставшееся от кормления продать или ссудить под проценты на лето, чтобы не испортилась запасенная пшеница, он, прибегая к отговоркам, не только не выполнял ни того, ни другого, но и не признал возложенного на него опекунства. Об этом по необходимости я подаю [петицию] и прошу, если ты сочтешь нужным, приказать привести его к тебе, чтобы дать ответ. <...> В 19 год Луция Септимия Севера Пертинакса и Марка Аврелия Антонина и Публия Септимия Геты, Британских Величайших, Благочестивых Августов, месяца Тиби 28».

1.6 SB III. 6952. Египет. 195 г. н. э.

1 Σερουιλλίῳ Πούδεντι (έκοντάρ)χ(φ)
 2 παρὰ Ὠρίωνος Μύστου· νυκτὸς παρελ-
 3 θούσης έφοδος γε[νομ]ενος τῆς
 4 αὐλῆς μου χυρίδια δύο έβάσταξαν.
 5 έμοῦ περιόδούντος σὺν τῷ δη-
 6 μοσίῳ [τ]ῆν [ἀ]ναζήτησ[ι]ν ποιῶν,
 7 έγενάμην παρὰ Μεν[. . .]τιν[. υ]ῖον
 8 Ἀμμωνοῦτος [. . ε(?)]χ[ει(?)]ν [. .]ων[. . α].
 9 καὶ οὐκ έάσατό με εἰσ[ε]λθεῖν σὺν τῷ
 10 δημοσίῳ· ὅθεν άξιῶ ἀ[χ]θῆναι αὐ-
 11 τὸν ἐπὶ σέ λόγον δώσοντα τῶν τολ-
 12 μηθ[έν]των ὑπ' αὐτοῦ, ἵνα δυνηθῶ
 13 τὰ ἴδια ἀπολαβεῖν καὶ έκδικίας τυχεῖν.
 14 διευτύχει.
 15 (ἔτους) γ Λουκίου Σεπτιμίου Σεουήρου Περτίνα(κος)
 16 Σεβαστοῦ, Φαρμοῦθι.

«Сервилию Пуденту, центуриону, от Гориона, сына Миста. Минувшей ночью, совершив нападение на мой двор, они [неизвестные] унесли двух поросят. Обходя [деревню] вместе с блюстителем порядка для проведения расследования, я столкнулся с тем, что Мен, сын Аммония, не позволяет мне с блюстителем порядка войти к нему. Поэтому я прошу привести его к тебе для допроса, чтобы я мог своё имущество получить назад и добиться справедливости. Будь счастлив. В 3 год Луция Септимия Севера Пертинакса Августа, месяца Фармути».

1.7 BGU II. 454. Арсиноит, Египет. 193 г. н. э.

- 1 [Ἀ]μμωνίῳ Πατέρνῳ (ἐκατοντάρχῃ)
- 2 [πα]ρὰ Ἀκίάρεω[ς] Ἑσούρεως
- 3 καὶ Ὀννώφρ[εω]ς Πανεφρέμ-
- 4 μεως, κατα[γίνο]μένων ἐν
- 5 ἐποικίῳ Μα[ρέμπε]ως περὶ Ἡρα-
- 6 κλειάν τῆς [Θεμίστ]ου μερίδος.
- 7 νυκτὶ [τ]ῇ φ[ερούση εἰ]ς τὴν κα
- 8 τοῦ ὄντος μ[ηνὸς Πα]ῦνι ἐπῆλ-
- 9 θάν τινες, οὓς [ἀγνοο]ῦμεν, οἷς
- 10 γεωργοῦ[μ]εν [ιδ]ιωτικῶν ἐδα-
- 11 φῶν περὶ κώμην Βουβάστον
- 12 καὶ ἐβάσταξαν ἡμῶν θήκας
- 13 λαχανοσπέρμ[ο]ν εἰς ἕτερον
- 14 ψυγμὸν οὐκ [ἔλα]ττον θηκῶν
- 15 δέκα δύο . διὸ ἐπιιδῶμι καὶ
- 16 ἀξιῶ τὴν δέ[ουσιν] ἐξέτασιν
- 17 γενέσθαι δι' ὧν(?) δέον ἐστὶν
- 18 καὶ συνχωρ[η]θῆναι ἡμᾶς
- 19 βαστάζειν τὰ [κλ]επέντα ἡμῶν
- 20 καὶ ὧμεν ὑπ[ό σ]ου βεβοη-
- 21 θεμένοι. διευτύχει.
- 22 Ἀκίῳρις ὡς (ἐτῶν) λ οὐλ(ῇ) μετώπ(φ) ἐξ ἀριστ(ερῶν).
- 23 Ὀννώφρις ὡς (ἐτῶν) κε [οὐ]λ(ῇ) δακτύλ(φ) μέσφ
- 24 χειρὸς ἀριστερᾶς.
- 25(ἔτους) α Αὐτοκράτορος Καίσαρος
- 26 Γαῖ(*)ου Πέσκε[νν]ίου Νείγερος

27 Ἰούστου Σεβ[αστ]οῦ Παῦνι κύ.

«Аммонию Патерну, центуриону, от Акиария, сына Эсуврия, и Оннофрия, сына Панефрем-
мия, проживающих в селении Маремпис, рядом с Гераклионом, на Фемистовой стороне. Ночью,
предшествовавшей 21-му числу текущего месяца Паини, пришли некие люди, которых мы не
знаем, на обрабатываемые нами частные земли близ деревни Бубаст и унесли наши сосуды с се-
менами овощей на другое гумно, не менее двенадцати сосудов. Поэтому мы подаём (это проше-
ние) и просим, чтобы ответственные за это провели необходимое расследование, и чтобы нам
было разрешено забрать то, что у нас украдено, и чтобы вы могли нам помочь. Будь счастлив.
Акиарий, около 30 лет, с рубцом на лбу слева. Оннофрий, около 25 лет, с рубцом на среднем
пальце левой руки. В 1 год императора Цезаря Гая Песценния Нигера Юста Августа, Паини 23».

1.8 SB VI. 9290. Египет. 125–175 гг. н. э.

1 π(αὐ) Δομιτίου Ἰουλιανοῦ (ἐκατοντάρ)χ(ου).

2 ἔδει σε καὶ τὰ πρῶτα γράμματα

3 λαβόντα μὴ ἀγνωμονῆσαι,

4 ἀλλὰ ἐλθεῖν πρὸς ἐμὲ καὶ δ[ι-]

5 δάξαι, πρὸς τίνα οἱ καρποί,

6 περὶ ὧν ἦν ἡ ἀμφιζήτη-

7 σις, ἀνέκουσι· καὶ νῦν δὲ

8 τὰ γράμματα ταῦτα λαβὼν

9 ἐλθὲ πρὸς ἐμέ. λείαν γάρ σε

10 οἱ προνοοῦντες Ἡρώου

11 τοῦ ἐξηγητοῦ αἰτιῶνται.

«От Домиция Юлиана, центуриона. Тебе было приказано при получении первого письма
не поступать несправедливо, но прийти ко мне и объяснить, кому принадлежит урожай, о котором
возник спор. Теперь, получив это письмо, приди ко мне. Советники эксегета Герона обвинили
тебя в ограблении».

1.9 BGU I. 36. Арсиноит, Египет. 98–117 гг. н. э.

1 Μεσσίφ Αὔδακι ἐκατοντ[άρ]χ[η]

2 παρὰ Στοτοήτιος τοῦ Ἀπύ[γ]χεως

3 ἱερέως ἀπὸ κόμης Σοκνοπαίου

4 Νήσου. Στοτοῆτις ὁ καὶ Φανῆσις Στο-

5 τοῆτις καὶ οἱ ἀδελφοὶ Ἀρπαγάθης

6 καὶ ὦρος ὀφείλοντές μοι κατ' οὐδὲν
 7 ἐπιστρέφονται ἀποδῶναί μοι διαπλα-
 8 νῶντες καὶ ὑπερτιθέμενοι, ἀλλ' ἔτι
 9 καὶ ἐπήλθοσάν μοι καὶ ὕβριν οὐ τὴν
 10 τυχοῦσαν συνετελέσαντο καὶ πληγὰς
 11 ἐπή[νε]γκαν καταρήξ[α]ντες καὶ
 12 ὃν εἶχον κιτῶνα, ἐπαγγελλόμενοι
 13 [κ]αὶ τοῦ ζῆν με[τ]α[σ]τῆσαι· [ὅ]θ[εν ο]ὐ δυ-
 14 νάμενος καθησυχάζειν ἀ[ξ]ιω ἀχθῆ-
 15 ναι αὐτοὺς ἐπὶ σὲ πρὸς τὴν δέουσαν
 16 ἐπέξοδον.

«Меттию Авдаку, центуриону, от Стотоэтия, сына Апунхия, жреца из деревни Сокнопайу Несос. Стотоэтий, он же Фанесий, сын Стотоэтия, и братья, Гарпагат и Гор, будучи моими должниками, нисколько не заботятся о том, чтобы вернуть мне [долг], вводят в заблуждение и откладывают. Более того, они пришли ко мне и нанесли мне необычайное оскорбление, избили меня, разорвав хитон, который был на мне, и угрожали даже лишить меня жизни. Поэтому, не в силах оставаться спокойным, прошу доставить их к тебе для должного наказания».

1.10 SB I. 5954. Арсиноит, Египет. 15 г. н. э.

1 ἀντίγραφον ἐπιστολῆς. Λοκρητίῳ ἑκατοντάρχῃ.
 2 οὗ ἔποιησάμην συνκρίματος ἐπ' ὀνόματος Σατα-
 3 βουῦτος τοῦ Ἐριέως εἰσδεδομένῳ ἐν διαλογί[σ-]
 4 μῳ α (ἔτους) Τιβερίου Καίσαρος Σεβαστοῦ περὶ τοῦ
 5 προσειληφθαι τῇ ἑαυτοῦ οἰκίᾳ ψιλούς τόπους
 6 ἀδεσπότους τὸ ἀντ[ί]γραφόν σοι ὑποτέταχα,
 7 ἵν' εἰδ[ὼ]ς κατακλυθῇς τοῖς δι' αὐτοῦ σημαί-
 8 νομένοις. αἰτησαμέν\ω/ Σαταβουῖτι χρόνον
 9 εἰς τὴν ἐπὶ τόπων ἀπόδιξιν ὑπερεθέμην
 10 εἰς διάκρισιν Λοκρητίου ἑκατοντάρχου
 11 καὶ τοῦ [σ]τρατηγοῦ καὶ βασιλικοῦ γραμμα-
 12 τέως, ὅπως ἐ[πὶ τοῦ] διαλογισμοῦ τ[ῆ]ν διά-
 13 κρ[ισιν] δηλώσωσι, τῷ δὲ Σαταβ[ο]ῦ[τι] πα[ρ]ήγγε[ι]λα παρε[ῖ]ναι τότε καὶ τὰς οἰκο-
 14 ν[ομίας, εἴ τι]νες ἔχει, ἐπεσκεμμένας τ[ῷ]
 15 ἐκ[ατοντάρχῃ ἐπιφέρειν -ca.?]

«Копия письма. Лукрецию, центуриону. По поводу судебного решения, которое я вынес по делу Сатабута, сына Эриея, представленного на судебном разбирательстве в 1 году Тиберия Цезаря Августа, относительно того, что он присоединил к своему дому пустующие участки, ничейные, копию его я приложил для тебя, чтобы ты, зная об этом, следовал тому, что в нем указано. Так как Сатабут попросил время для доказательства на месте, я перенес рассмотрение на решение Лукреция, центуриона, и стратега, и царского писца, чтобы они на судебном разбирательстве вынесли решение. Сатабуту же я приказал явиться тогда и представить документы на владение, если таковые у него есть, проверенными центуриону...».

Приложение 2. Оригинальные тексты латинских и древнегреческих надписей, процитированных в работе

№	Издание	Текст надписи (с расшифровкой)	Место находки / Датировка
2.1	Tab. Vindol. 344	eo magis me ca[c.12] d...[.]em mercem [c.8] r[.] uel effunder [c.3]r[...] ...mine probo tuam maies ⁵ [t]atem imploro ne patiaris me [i]nnocentem uirgis cas[t]igatum esse et domine prou[.]. prae [fe]cto non potui queri quia ua [let]udini detinebatur ¹⁰ que[s]tu[s] sum beneficiarioi[c.8 cen]turionib[us] [c.7] numeri eius [...] [c.3 tu]am misericord[ia]m imploro ne patiaris me ¹⁵ hominem trasmarinum et innocentem de cuius f[ide] inquiras uirgis cru- ent[at]u[m] esse ac si aliquid sceler[i]s commissis- sem <i>vacat</i>	Vindolanda, Bri- tannia. 104–120 AD.
2.2	RIB 152	Locum reli giosum per in solentiam e rutum ⁵ virtuti et n(umini) Aug(usti) repurga tum reddidit G(aius) Severius Emeritus (centurio) ¹⁰ reg(ionarius)	Aquae Sulis, Bri- tannia. 71–300 AD.
2.3	CIL VIII, 15872	Q(uinto) Iulio C(ai) f(ilio) Quir(ina) / Aqu[i]lae / equo publico / adlecto in quinq(ue) / decurias (cen- turioni) leg(ionis) I Adiu/tricis (centurioni) leg(ionis) XXX Ulpi/ae Victricis (centurioni) X / Fretensis / Iulius Fidus Aquila / fratri optimo decreto / ordinis posuit p(ecunia) p(ublica) / remissa	Sicca Veneria, Af- rica proconsularis. —
2.4	AE 2014, 1054	C(aio) Val(erio) Firmino dec(urioni) / col(oniae) Sav(ariae) (centurioni) coh(ortis) V Luc(ensium) / Ant(oniniana) Val(eria) Kalendina amita / nepoti pientissimo reli/quias condidit	Carnuntum, Panno- nia superior. 211– 222 AD.
2.5	CIL VIII, 853	M(arco) Fannio M(arci) f(ilio) / Papiria Vitali (cen- turioni) coh(ortis) / IIII Sygambro(rum) coh(ortis) / I Hisp(anorum) misso honesta / missione a divo Ha(driano) praef(ecto) iuris / dic(undo) flam(ini) p(erpetuo) qui o[b ho]/nore[m] flam(inatus) HS X	Thuburbo Maius, Africa proconsu- laris. 138–200 AD.

		m(ilia) n(ummum) / rei p(ublicae) intulit et ampli/us ludorum scae/nicor(um) diem et epu/lum dedit cui cum / ordo statuam decre/visset titulo contentus / sua p(ecunia) posuit d(ecreto) d(ecurionum)	
2.6	AE 2008, 1697	Dentem votum quem / Manlia Pudentilla c(laris- sima) f(emina) / eademque fl(aminica) cum L(ucio) Va/lerio Maximo marito / suo viva praevoberat / P(ublius) Fl(avius) Pudens c(larissimus) v(ir) fil(ius) et L(ucius) Val(erius) / Maximus (centurio) leg(ionis) et dec(urio) col(oniae) Tha(muga- densium) / et L(ucia) Val(eria) Maximilla fil(ia) alumna / patriae Genio patriae suae pro / memori pietate posuerunt	Thamugadi, Nu- midia. —
2.7	AE 1951, 263	Imp(eratore) Domitiano / Caesare Aug(usto) / Ger- manic(o) / L(ucius) Iulius / Maximus (centurio) / leg(ionis) XII Ful(minatae)	Qobustan Qorugu, Barbaricum. 84–96 AD.
2.8	AE 1933, 88	Quieti Aug(ustae) / col(oniae) Philippiens(ium) / L(ucius) Tatinius L(uci) f(ilius) / Vol(tinia) Cnosus (centurio) sta/torum sua pecu/nia posuit	Philippi, Macedo- nia. 1–100 AD.
2.9	AE 1978, 635	Q(uintus) Atilius / Sp(uri) f(ilius) Vot(uria) Pri/mus inter(p)re<s=X> / leg(ionis) XV idem (centurio) / negotiator an(norum) / LXXX / h(ic) s(itus) e(st) / Q(uintus) Atilius Cocta/tus Atilia Q(uinti) l(iberta) Fau/sta Privatus et / Martialis hered(es) / l(ibentes?) p(osuerunt)	Boldog, Barbaricum. 51–100 AD.
2.10	CIL XIII, 7714	I(ovi) O(ptimo) M(aximo) sac(rum) / L(ucius) Papius For/tunatus (centurio) / leg(ionis) XXI Rap(acis) / et vexillar(ii) / leg(ionis) eiusdem	Antunnacum, Ger- mania superior. 70–83 AD.
2.11	CIL XIII, 7704	Herculi Sax/{s}ano sacrum / C(aius) Sulpicius Ma/turus (centurio) leg(ionis) XXII / Pr(imigeniae) P(iae) F(idelis) et commi/litones leg(ionis) eiu/sdem qui sub / eo sunt / v(otum) s(olverunt) l(ibentes) m(erito)	Bad Tonisstein, Germania superior. 101–107 AD.

2.12	AE 1979, 645	Deo Marti Canapphari Aug(usto) / pro salute et incolumitate domini n(ostri) / Imp(eratoris) Caes(aris) divi Septimi Severi [[nepotis]] / divi Magni Antonini [[filii]] / M(arci) Aureli Severi [[Alexandri]] In/victi Pii Felicis Aug(usti) pontificis / maximi trib(uniciae) potestatis IIII co(n)s(ulis) / p(atris) p(atriciae) et Iuliae [[Mamaeae]] Aug(ustae) matris / Aug(usti) n(ostri) et castrorum totiusque / domus divinae per vexillatio/nem [[leg(ionis) III Aug(ustae) P(iae) V(indicis)]] Severianae / curante T(ito) Flavio Aproniano (centurione) / [[leg(ionis) eiusdem]] praeposito vexillationis	Bu Njem, Africa proconsularis. 225 AD.
2.13	AE 1967, 230	I(ovi) O(ptimo) M(aximo) / pro salute L(uci) Aur[el(i)] / Commodi Aug(usti) o[b] / natale(m) Aquil(a)e leg(ionis) / VII G(eminae) F(elicis) sub cura M(arci) / Aur(eli) Eutychetis A[ug(usti)] / lib(erti) proc(uratoris) et M(arci) Mes/[so]ris c(enturionis) coh(ortis) I Galli/[c(a)e] et Aviti Patern[i] / [3]C Aug(usto) [3]/ III et Bur(r)o co(n)s(ulibus)	Luyego de So- moza, Hispania citerior. 181 AD.
2.14	CIL VI, 212	Signum Genium centuriae cum aedicula et marmoribus ex/ ornata et aram sua pecunia fecer(unt) (centurio) C(aius) Veturius C(ai) f(ilius) Pol(lia) Rufinus L(epido) R(egio?) / item evocati et milites quorum nomina et medicus coh(ortis) in ara et aedicul(a) / scripta sunt dedicata est Kal(endis) Mai(is) Imp(eratore) Commodo III et Burro co(n)s(ulibus)	Roma, 181 AD.
2.15	CIL XI, 395 = ILS 2648	M(arco) Vettio M(arci) f(ilio) Ani(ensi) / Valenti / mil(iti) coh(ortis) VIII pr(aetoriae) benef(iciario) praef(ecti) pr(aetorio) / donis donato bello Britan(nico) / torquibus armillis phaleris / evoc(ato) Aug(usti) corona aurea donat(o) / (centurioni) coh(ortis) VI vig(ilum) (centurioni) stat(orum) (centurioni) coh(ortis) XVI urb(anae) (centurioni) coh(ortis) / II pr(aetoriae) exercitatori equit(um)	Ariminum, Italia. 66 AD.

		speculatorum princip(i) / praetori(i) leg(ionis) XIII Gem(inae) ex trec(enario) [p(rimo) p(ilo)] leg(ionis) VI / Victr(icis) donis donato ob res prosper(e) / gest(as) contra Astures torq(uibus) phaler(is) arm(il-lis) / trib(uno) coh(ortis) V vig(ilum) trib(uno) coh(ortis) XII urb(anae) trib(uno) coh(ortis) / III pr(aetoriae) [p(rimo) p(ilo) II] leg(ionis) XIII Gem(inae) Mart(iae) Vic(tricis) / proc(uratori) Imp(eratoris) [[Neronis]] Caes(aris) Aug(usti) prov(inciae) Lusitan(iae) / patron(o) coloniae speculator(es) X h(onoris) c(ausa) / C(aio) Luccio Tel-esino C(aio) Suetonio Paulino co(n)s(ulibus)	
2.16	CIL VI, 31828 = ILS 1326	M(arco) Bassaeo M(arci) f(ilio) St(elatina)] / Rufo pr(aefecto) pr(aetorio) / [Im]peratorum M(arci) Aureli Antonini et / [L(uci)] Aureli Veri et L(uci) Aureli Commodi Auggg(ustorum) / [c]onsularibus ornamentis honorato / [e]t ob victoriam Germanicam et Sarmatic(am) / [A]ntonini et Commodi Augg(ustorum) corona / [m]urali vallari aurea hastis puris IIII / [to]tidemque vexillis obsidionalibus / [ab iisdem] donato praef(ecto) Aegypti praef(ecto) / [vig(ilum)] proc(uratori) a rationibus proc(uratori) Belg[icae et] / [d]uarum Germaniarum proc(uratori) regni [No]/[ri]ci proc(uratori) Asturiae et Gallaeciae trib(uno) [coh(ortis)] / [3] pr(aetoriae) trib(uno) coh(ortis) X urb(anae) trib(uno) coh(ortis) V vig<i=U>l(um) p(rimo) p(ilo) bis / [huic se]natus auctoribus Impp(eratoribus) Antonino et / [Comm]odo Augg(ustis) statuam armatam in foro / [divi Traia]ni et aliam civili amictu in templo / [divi Pii et] tertiam loricatam in tem/[plo 3 po]nendas [censuit]	Roma, 179–180 AD.
2.17	AE 1928, 37	[O]ptavi Dacos tenere caesos tenui / [opt]avi in sella pacis residere sedi / [o]ptavi claros sequi triumphos factum /	Aquae Flavianae, Numidia. II AD.

		optavi primi commodā plena pili hab[ui] / optavi nudas videre Nymphas vidi	
2.18	AE 1999, 1760	Quaesii multum quo<d=T> / memoriae tradere / agens prae cunctos in / hac(!) castra milites / votum communem pro/ que reditu exercitus / inter priores et fu/ tuos reddere / dum quaero mecum dig/ na div<u=O>m nomina / inveni tandem nomen / et numen deae / votis perennem quem / dicare(m) in hoc loco / salutis igitur quan/ dium cultores sient / qua potui sanxi nomen / et cunctis dedi / veras salutis lymphas / tantis ignibus / in istis semper ha/ renac(e)is collibus / nutantis Austri solis / flammas fervidas / tranquille ut nando / delenirent corpora / ita tu qui sentis mag/ nam facti gratiam / aestuantis animae / f<o=U>cilari spiritum / noli pigere laudem / voce reddere /	Bu Njem, Africa proconsularis. 201–300 AD.

		veram qui voluit / esse te sanum tib[i] / se<d=T> protestare vel / Salutis gratia / Q(uintus) Avidius Quintianus / Centurio / [[leg(ionis) III Aug(ustae)]] / faciendum / curavit	
2.19	AE 1995, 1641	Imp(eratori) Caes(ari) M(arco) Aurelio [[Antonino Pio Felici Aug(usto) sacerdoti]] / amplissimo pon- tifici maximo trib(unicia) pot(estate) [[V]] co(n)s(uli) [[III]] p(atri) p(atriae) et / [[M(arco) Aurelio Alexandr]]o nobilissimo Caes(ari) d(omini) n(ostri) [[Antonini]] Aug(usti) [[fil(io)]] Aug(usto) / Flavius Sossianus v(ir) e(gregius) vice praesidis Numidiae per vexillationem / leg(atus) leg(ionis) III Aug(us- tae) P(iae) V(indicis) [[Antoniniana]] devotissimi numini eorum / portam vetustate conla<p=B>sam lapidi quadrato arco curvato restituit / omnes praeteriti cuius labore vitabant / rigido vigore iuvenum tertia Augustani fecerunt / creto consilio hortante Parato magistro / iuncta virtus militum paucorum velocitas ingens / usui compendio lapides de longe adtractos chamulco / sub arcata militum virtus funib(us) cannabinis strictis / iam nunc contendunt fieri cito milites omnes / arta virtute sua opera aeternale fecerunt / subsequentes stipendiis antecessorum (h)onestia bona sumebant /	Bu Njem, Africa proconsularis. 222 AD.

		urgente tempore hiemis necumqua(m) cessaverunt / celerius excelsae turres quater divisae cum voce militum terra venerunt / torrens virtus [[leg(ionis) III Aug(ustae) P(iae) V(indicis)]] / haec ut fierent milites omnes sibi zelum tradebant / animadvertentes quod priores sibi vestigia fecissent / nunc et ipsi titulis suis virtutis devotionis ornaverunt / contententes si amplius esset athuc opera fecissent / ex numero militum quidam amplius voluntatem suam dederit / necumquam operam suam erupi exhibuerunt / tantus fuit eis zelus magna vir[tus(?) 3] / laetis temporibus honoribus [3] / effecta opera gaudet aeterna militum virtus / gemma ut auro cl(a)uditur sic castram(!) porta decorat / florida Tertia Augusta legio cum magna virtute / curavit faciendum devotionis suae honorem / muneris quoque dictatores strenue cesserunt / animosos duo contemnentes residuum turpis oppresserat / capita versorum(!) relegens adgnosce curantem / Porcius Iasucthan cent(urio) leg(ionis) f(ecit) c(urante) ma<g=C>(istro)	
2.20	CIL III, 30	A(ulus) Instuleius Tenax primipilaris leg(ionis) XII / Fulminatae et C(aius) Valerius Priscus (centurio) leg(ionis) XXII / et L(ucius) Quintius Viator decurio audimus Memnon[em] / anno XI Neronis Imp(eratoris) n(ostri) XVII K(alendas) April(es) h[ora 3]	Diospolis Magna, Aegyptus. 65 AD.

2.21	CIL VIII, 2554 = ILS 2445	Pro salute Augg(ustorum) / optiones scholam suam cum statuis et imaginibus domus [di]vinae / item di{i}s Conservatorib(us) eorum ex largissimis stipend[ii]s et / liberalitatib(us) quae in eos conferunt fecer(unt) curante L(ucio) Egnatio Myrone q(uaestore) / ob quam sollemnitatem decreverunt uti collega proficiscens ad spem suam confirman/ dam accipiat HS VIII mil(ia) n(ummum) veter(ani) quoque missi accipiant Kal(endis) Ian(uariis) anularium singuli HS VI mil(ium) n(ummum) / quae anularia sua die quaestor sine dilatione adnumerare cura<v=B>it	Lambaesis, Numidia. III AD.
2.22	AE 1949, 38	Aemi]lio Q(uinti) fil(io) Pap(iria) Pudenti / [cent]urioni legionis III Aug(ustae) / [it(em)] leg(ionis) II Aug(ustae) it(em) iterum l(e)g(ionis) / [II A]ug(ustae) it(em) leg(ionis) XI Claudiae / [ad]lecto in comitatu Imp(eratoris) / [Com]m[odi] Aug(usti) Pii Fel(icis) Ilvir/ [o q(uin)q(uennali?)] col(oniae) Thaenitanae fratri / [Q(uinti) Ae]mili Laeti praef(ecti) praet(orio) ob / singularem innocentiam / et in promerendis singulis / universisq(ue) civib(us) examina / tam adfectionem ordo Thaen(ensium) / statuam equest(rem) ponendam / de pub(lico) dec(reto) d(ecreto) d(ecurionum) p(ecunia) p(ublica)	Thenae, Africa proconsularis. 192–193 AD.
2.23	CIL III, 3368	D(is) M(anibus) / Ulpiae Antonillae quon(dam) Ulpi / Candidiani (centurionis) filia(e) T(itus) Ael(ius) Verinus / dec(urio) col(oniae) Aq(uincensium) flame<n=M> du(u)m vir/al is sacerdos urbis Romae / coniugi pientissimae <q=O>uae / vixit annis XXIII	Aquincum, Pannonia inferior. 124–170 AD.
2.24	AE 1988, 1003	[U]lp(ius) Hor(tensius) vix(it) / an(nos) XX et Ulpius Balimber / vix(it) an(nos) XVIII / Cocceia Hor(tensia) Coccei / Hortensi (centurionis) / leg(ionis) XI Cl(audiae) fil(ia) / Ulpi Balim[beris] / principis	Tomi, Moesia inferior. 101–230 AD.

		l[eg(ionis) I] / Italic(ae) ux[or] / fili(i)s piiss[imis] / fec(it)	
2.25	CIL III, 14214,10	D(is) M(anibus) / C(aius) Iul(ius) C(ai) f(ilius) Va/ lens (centurio) leg(ionis) V Mac(edonicae) / dom(o) Amasia / vix(it) an(nos) L mil(itavit) / an(nos) XXX Valer(ia) / Frontina / [c]oniugi et / Iul(ia) Hadriana / Iul(ius) Iulianus / C(aius) Iul(ius) Valentinus / fili(i) patri / pientissimo / posuerunt	Tropaeum Traiani, Moesia inferior. 101–200 AD.
2.26	CIL III, 3572	Hic sita sum matrona genus nomen/ que Veturia Fortunati coniu(n)x de patre Vetu/ rio nata ter novenos misera et nupta bis octo / per annos unicuba uniuga quae post / sex partus unio superstite obii / T(itus) Iulius Fortunatus (centurio) leg(ionis) II Ad(iutricis) P(iae) F(idelis) / coniugi incomparabili et insigni in se pietate	Aquincum, Panno- nia inferior. 201– 250 AD.
2.27	CIL II, 2215	T(itus) Acclenus T(iti) f(ilius) Qui(rina) cent(urio?) / Annia T(iti) l(iberta) Helena uxor / frugi summa <c=Q>um probitate / fide magna concordēs indigne / morbo excruciatī morte obierunt	Corduba, Baetica. 50 BC — 30 AD.
2.28	AE 1980, 774	D(is) M(anibus) / [F]laviae / [Va]lenti/[n]ae Sirm(io) / [vi]x(it) ann(os) XL / [d(ies)] XVII coni(ugi) / [ca]riss(imae) et pi/[e]ntiss(imae) et dig/[ni]ss(imae) ob prin/[ci]pium cas/[t]itatis / [M]aecius Do/[m]itius (centurio) leg(ionis) / V Mac(edonicae)	Drobeta, Dacia. 101–130 AD.
2.29	CIL XIII, 1898	Memoriae perenni quieti aeternae / Tertinae Victo- rinae feminae / rarissimae stolatae quondam / spirito(!) incomparabili Tertinius / Severianus (cen- turio) leg(ionis) II Aug(ustae) cum Paternia / Victorina et Tertinia Tertina fili(i)s / (!) et s(ub) as(cia) d(edicavit)	Lugdunum, Lu- gudunensis. 201– 250 AD.

2.30	RIU II, 552	D(is) M(anibus) / T(itus) Fl(avius) Iulianus q(u)on- dam (centurio) leg(ionis) I Adi(utricis) / P(iae) F(idelis) ann(orum) LXVIII T(itus) Fl(avius) Iulia- nus / et Fl(avia) Iulia fili(i) patri carissimo / adque pientissimo / o(ptamus) s(it) t(ibi) t(erra) l(evis)	Brigetio, Pannonia superior. 180–251 AD.
2.31	RIB 690	D(is) M(anibus) Simpliciae Florentin(a)e anim(a)e innocentissim(a)e qu(a)e vixit menses decem Fe- licius Simplex pater fecit (centurio) leg(ionis) VI V(icticis)	Colonia Eboracen- sis, Britannia. 200–300 AD.
2.32	CIL III, 2914	T(ito) Elvio Sca(ptia) Marino / IIIIvir(o) Altini / T(itus) Elvius T(iti) f(ilius) Salinator / (centurio) leg(ionis) VII patri / in fronte p(edes) XXX in agro p(edes) XXX / h(oc) m(onumentum) h(eredem) n(on) s(equetur)	Iader, Dalmatia. 1–40 AD.
2.33	CIL IX, 3671	Titiae Philete / Q(uintus) Lucilius Q(uinti) f(ilius) / Serg(ia) Gallus p(rimus) p(ilus) / praef(ectus) castr(orum) / IIIIvir q(uin)q(uennalis) / patronus mu- nicipii matri / [optim]ae	Marruvium, Italia. 1–50 AD.
2.34	CIL VIII, 3002	[M(arco) Ulpio] / Superato / liberto et / alumno / dul- cissimo / vix(it) ann(os) VIII / M(arcus) Ulpius Op/tatus (centurio) leg(ionis) / III Aug(ustae) P(iae) V(indicis) / fecit	Lambaesis, Nu- midia. 193–235 AD.
2.35	Les Inscriptions Grecques et Latines du Col- osse de Memnon №51.	Εὐτυχῶς Μαρίῳ Γεμέλλ[ῳ] Θῆκε σε φωνήεντα θεὰ ῥόδο<δο>δάκτυλος Ἥώς, σὴ μήτειρ, κλυτὲ Μέμνον, ἐελδομένῳ μοι ἀκοῦσαι σῆς φωνῆς· λυκάβαντι περικλυτοῦ Ἀντωνείνου [δω]δεκάτῳ, καὶ μηνὶ Παχῶν τρισκαίδεκα ἔχοντι [ῆμα]τα, δις, δαῖμον, τεῦ ἐσέκλυον αὐδῆσαντος, [ῆελίου] λίμνης περικαλλέα ῥεῖθρα λιπόντος. [Ὅντα ποτ]ὲ ἀντολῆς βασιλῆά σε θῆκε Κρονείων [οἰκουρὸ]ν πέτρου, φωνὴν δ' ἀπὸ πέτρου ἔθη[κε]. [ταῦτ' ἔγραψα] ἔγωγε Γέμελλος ἀμοιβαδὶς ἐνθ[α],	Diospolis Magna, Aegyptus. 150 AD.

		[σὺν κεδν]ῇ ἀλόχῳ Ψουφίλλῃ καὶ τεκέεσσιν. Εὐτυχῶς [Ψου]φίλλῃ [τῇ] καὶ Λονγεινία.	
2.36	Les Inscriptions Grecques et Latines du Col- osse de Memnon №53.	Τίς νύ σε τοιάδ' ἔρεξε, φί[λον τέκος, Οὐρανιῶνων] μασιδίως ὥσεί τινα ἀτε[ίμητον μετανάστην]; Ἐξ[α]ύδα, λίτομαί σε, καὶ --- Καὶ γὰρ ἐγὼ ΣΕΕΣΑΚΑΙ --- Εὐτυχῶς Μαρίῳ Γεμέλλῳ ἑκατοντ[ἀρχῃ]---	Diospolis Magna, Aegyptus. 150 AD.

Приложение 3. Визуальные источники

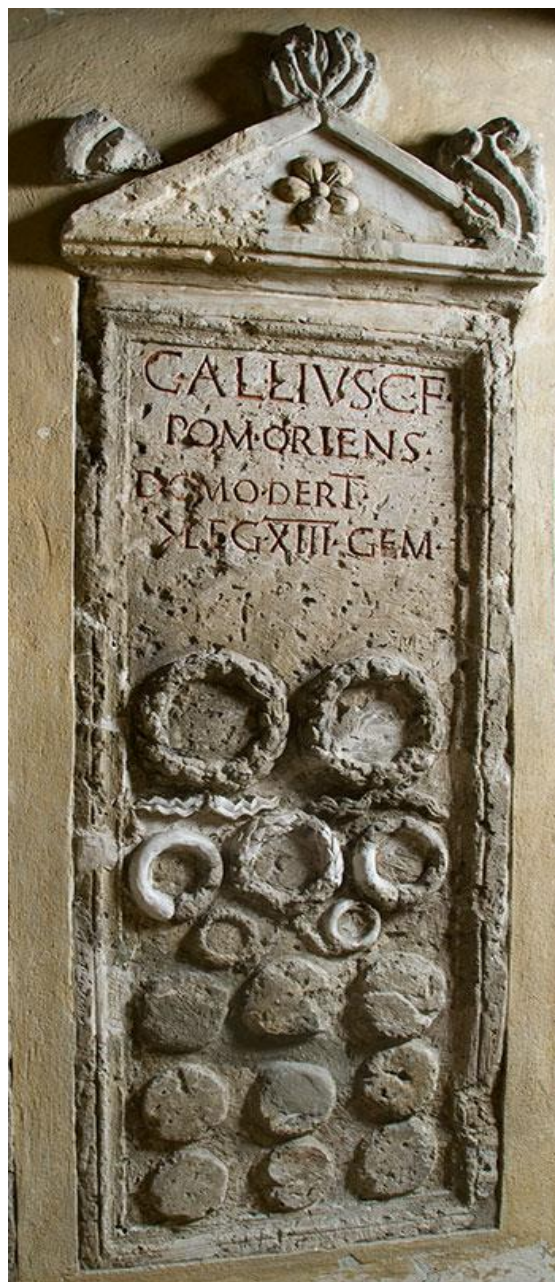
3.1. Надгробная стела офицера Гая Аллия Ориента (CIL XIII, 5206)

- Ширина: 62,5 см
- Высота: 196 см (в восстановленном виде)
- Глубина: 32 см (снизу)

Место находки / датировка: Vindonissa, Germania Superior; 17–45 AD.

Место хранения: Музей Виндониссы, Бругг, Швейцария.

Режим доступа: <https://lupa.at/10261>.

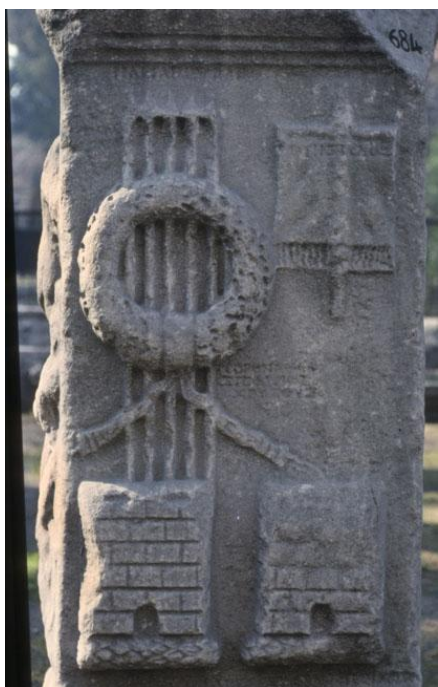
3.2. Постамент для почетной статуи Секста Вибия Галла (CIL III, 454 = ILS 2663)

- Ширина: 90 см
- Высота: 181 см
- Глубина: 67 см

Место находки / датировка: Amastris, Bithynia et Pontus; 101–150 AD.

Место хранения: Археологический музей, Стамбул, Турция.

Режим доступа: <https://lupa.at/22555>.

3.3. Статуя центуриона Муниция (АЕ 1982, 395)

- Ширина: 95–100 см
- Высота: 236 см
- Глубина: 56–72 см

Место находки / датировка: Patavium, Italia; 25 BC – 1 AD.

Место хранения: Музеи Эрemitани, Падуя, Италия.

Режим доступа: <https://lupa.at/14644>.

3.4. Надгробная стела Тита Калидия Севера (CIL III, 11213)

- Ширина: 79 см
- Высота: 204 см
- Глубина: 23 см

Место находки / датировка: Carnuntum, Pannonia Superior; 71–80 AD.

Место хранения: Музей истории искусств, Вена, Австрия.

Режим доступа: <https://lupa.at/80>.

3.5. Памятник семьи центуриона Аврелия Валериана (CIL III, 15210,1)

- Ширина: 59 см
- Высота: 80 см
- Глубина: 17 см

Место находки / датировка: Castra Regina (Reginum), Raetia; 201–250 AD.

Место хранения: Исторический музей Регенсбурга, Германия.

Режим доступа: <https://lupa.at/6309>.

3.6. Памятник Септимии Луциллы в честь ее сыновей-центурионов (CIL III, 4114)

- Ширина: 99 см
- Высота: 160 см
- Глубина: 22 см

Место находки / датировка: Pannonia Superior; 200–250 AD.

Место хранения: Археологический музей, Загреб, Хорватия.

Режим доступа: <https://lupa.at/3110>.

